

ПИОНЕР 8

АВГУСТ ● 1979 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД

«Будущее принадлежит детям,— таков «закон природы». Разрешите напомнить, что пионеры — это — смена, это — резерв, это — законные наследники всего, что сделано и делается. Социалистическое государство не может быть осуществлено, если дети не будут социалистами».

А. М. ГОРЬКИЙ.

«На слете чувствуется огромный рост нового поколения, рост, возможный лишь при советском строе, при общей организованности населения. Этот строй представляет вам более благоприятные условия для развития. Мы надеемся, что вы доживете до более счастливого времени... В заключение я должна пожелать, чтобы ваша работа была более углубленной, а организация крепла бы на этой работе. Задачи партии должны быть одновременно и вашими задачами».

Н. К. КРУПСКАЯ.

Эти слова слышали и читали пятьдесят лет назад делегаты I Всесоюзного слета пионеров.

«В Стране Советов, в отличие от капиталистических стран, где действует принцип «человек человеку — волк», нет борьбы между трудящимися отцами и детьми: и отцы и дети поборники коммунизма... Вот почему мы так радуемся, когда в ваших рядах крепнет товарищеская дисциплина, товарищеская сознательность. Лучший борец за социализм — тот, кто является лучшим товарищем».

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ.

«Детская коммунистическая организация за годы своего существования, в совместной борьбе с отцами и братьями, накопила громадный опыт по участию в социалистическом строительстве. Вместе с комсомолом, вместе с трудящимися всей страны мы участвуем в социалистическом соревновании, в культурном походе, в походе за урожай и коллективизацию сельского хозяйства. Мы участвуем во всей повседневной, будничной работе по построению социалистического общества в нашей стране».

А. А. СЕВЕРЬЯНОВА,
председатель Центрального бюро детской коммунистической организации.

Юрий ЛУЦКЕВИЧ

Первый Всесоюзный!

/поэтическая хроника/

Июль 1929 года. Вся страна готовится к пионерскому слету. Был создан комитет содействия слету под председательством Михаила Ивановича Калинина — всесоюзного старосты, как его называли в народе.

Страна моя рабочая
Под синим легким небом
Вздыхает озабоченно
Над каждой крошкой хлеба.

Вздыхает озабоченно,
Залатывает дыры
Страна моя рабочая,
Единственная в мире.

Единственная, первая,
Где правит сам народ...
Делами пионерии
Страна сейчас живет.

И всесоюзный староста,
Хоть дел невпроворот,
Вникает без усталости
В ребячий круг забот.

Над льдами, над барханами,
Над сединою гор
Раскаты барабанные:
Сбор! Сбор! Сбор!

* * *

С 14 по 17 августа приезжают в Москву делегаты слета — всего 6738 пионеров. На верблюдах, собачьих упряжках, оленях добирались до железной дороги ребята из отдаленных районов. Многие из них впервые увидели паровоз. Дольше всех, сорок дней, находились в пути якутские пионеры. Радостно встречали москвичи делегатов слета!

Песни радугою звонкой
Над вагонами висят:
С Юга, Севера, Востока
Поезда в Москву спешат.

Их встречает на перронах
Красных галстуков волна,
Затихающему горну
Долго машут из окна.

Едут мимо перелесков,
Мимо жней и косарей.
Аж глаза слепит от блеска
Золотящихся полей.

И тележному обозу
За версту гудок поет:
— Осторожно, хлебовозы!
Мы спешим на первый слет!

* * *

Вползает, отдуваясь,
Паровоз.
Туманом
Пар течет из-под колес.

И в белом мареве
Галчонком на снегу
Застыл мальчишка
В шапке на меху.

Неужто все?!
И сорок дней пути —
Костры, собаки, нарты —
Позади?

Олень железный
Дышит, как живой!
Якут-мальчишка
Гладит поручни рукой.
«Москва! Москва!» —
Он шепчет про себя
И спрыгивает
На руки ребят.

Раскатисто
Рокочет барабан:
— Ура, Сибирь!
— Ура, Азербайджан!..
Вокруг и синие
И черные глаза
И родниковыми ключами —
Голоса.

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
АВГУСТ 8
Москва 1979 г.
Издательство «Правда»

* * *

Нет гостиниц! Нет гостиниц?
Не беда!
Потесниться рада
Каждая семья.

Пахнет щелоком
Надраенный порог,
Дожидается гостей
В печи пирог.

Окружили ребят в проходной.
— Эта девочка со мной!
— Этот мой!
Двухметрового роста рабочий
Даже с горя станок обесточил.
Как мотор, он гудит на весь
цех:
— Ну, шустры... ну, шустры...
Расхватали всех.
Он басит,
Он седой кусает ус:
— Без внучонка
Я домой
Не вернусь!

* * *

17 августа московские фабрики и заводы распахнули двери своих проходных участникам слета.

День распахнутых дверей!
День распахнутых ушей!

Нам показывает токарь,
Как в станке крепить деталь,
Нам рассказывает токарь,
Что бывает разной сталь.
Говорят серьезно с нами,
Как с друзьями, не таясь,
Что хорошими станками
Не богаты мы сейчас,
Что нехватка знаний часто
Держит крепче, чем силки,
Что рабочие и мастер —
Все пошли в ученики.

Был бы счастлив! Был бы счастлив
Разорваться я на части!
Я б тогда немало смог!
Я бы сам включил станок,
Сам печатал бы газеты,
Сам завертывал конфеты,
Сам, учась у сталевара
Не бояться искр и жара,
Через темные очки
Заглянул бы внутрь печи.

* * *

18 августа на стадионе «Динамо» торжественно открылся I Всесоюзный слет пионеров. От имени детей Европы, Азии, Америки приветствовали участников слета их ровесники из зарубежных стран.

Пионерский
Первый слет
Полон радостных забот.
Через площади и скверы
По булыжной мостовой
Всех республик пионеры
Держат шаг и держат строй.

На зеленом поле танец
Речкой медленной течет,
И мальчишка-итальянец
От души в ладоши бьет.

Высоко взлетает песня
Про свободный наш народ.
Итальянец с нами вместе
Не по-нашему поет.

* * *

20 августа в Кремле пионеры встретились с руководителями народного хозяйства. Слет принял «Наказ слета». Каждый пионер СССР дал слово помочь народу успешно выполнить первый пятилетний план.

Говорит Кржижановский,
Председатель Госплана,
Говорит Кржижановский
О судьбе ГОЭЛРО.
Слышу я пятилетки
Шаги и дыханье,
Вижу я,
Как столбы, взявшись за руки,
Встанут
И засветятся села,
Как жар-птицы перо.
Я, к делам примеряясь,
Даже плечи расправил,
И чуть боязно мне:
Как мне силы найти —
Быть всегда впереди,
Не стонать, не лукавить,
Чтоб наркомов слова
В наши дни воплотить?

Пионерский
Первый слет
В жизнь страны
Разбег берет!

* * *

Пионеров тех лет помним мы поименно.
Судьбы их неразрывны с судьбою страны.
На параде Победы фашистов знамена
На брусчатку победно бросали они!

Неразрывны их судьбы с космическим веком,
С говорливой волной рукотворных морей,
С городами, тайгу озарившими светом,
С долголетием мирных и солнечных дней!

Первый слет!
Первый слет!
С того звонкого лета
Пионеры живут под твоею звездой,
Принимают и дальше несут эстафету
Неразрывности судеб с Отчизны судьбой!

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Мириам Мортон ведет большую общественную работу, часто встречается с ребятами, участвует в конференциях и конгрессах демократических организаций. Она член руководства Международной женской лиги за мир и свободу. Юные читатели всегда выбирают ее в состав жюри конкурсов детского рисунка, приглашают на свои праздники и фестивали.

В 1977 году Мириам Мортон вместе с делегацией американских ребят побывала в Советском Союзе на Международном детском фестивале «Пусть всегда будет солнце!» и потом рассказала об этом празднике в своей книге.

Мириам МОРТОН,
детская писательница из США

Против невежества и жестокости

Счастливое детство... На мой взгляд, оно возможно только там, где общество заботится о детях, бережет их здоровье, учит, воспитывает. Я не представляю счастливого детства и без умной, доброй книги.

В Америке не все ребята любят читать, несмотря на то, что учителя и библиотекари стараются привить им любовь к хорошей книге. Мне больно видеть, как с малых лет душой ребенка в США завладевают телевизор и комиксы. Телевидение проповедует насилие, жестокость, алчность. Комиксы губят интерес к серьезному чтению.

Но запретить даже самые возмутительные телепередачи и самые вредные комиксы нельзя — нарушим «свободу предпринимательства»! В нашей стране каждый волен продавать что угодно, лишь бы это приносило прибыль.

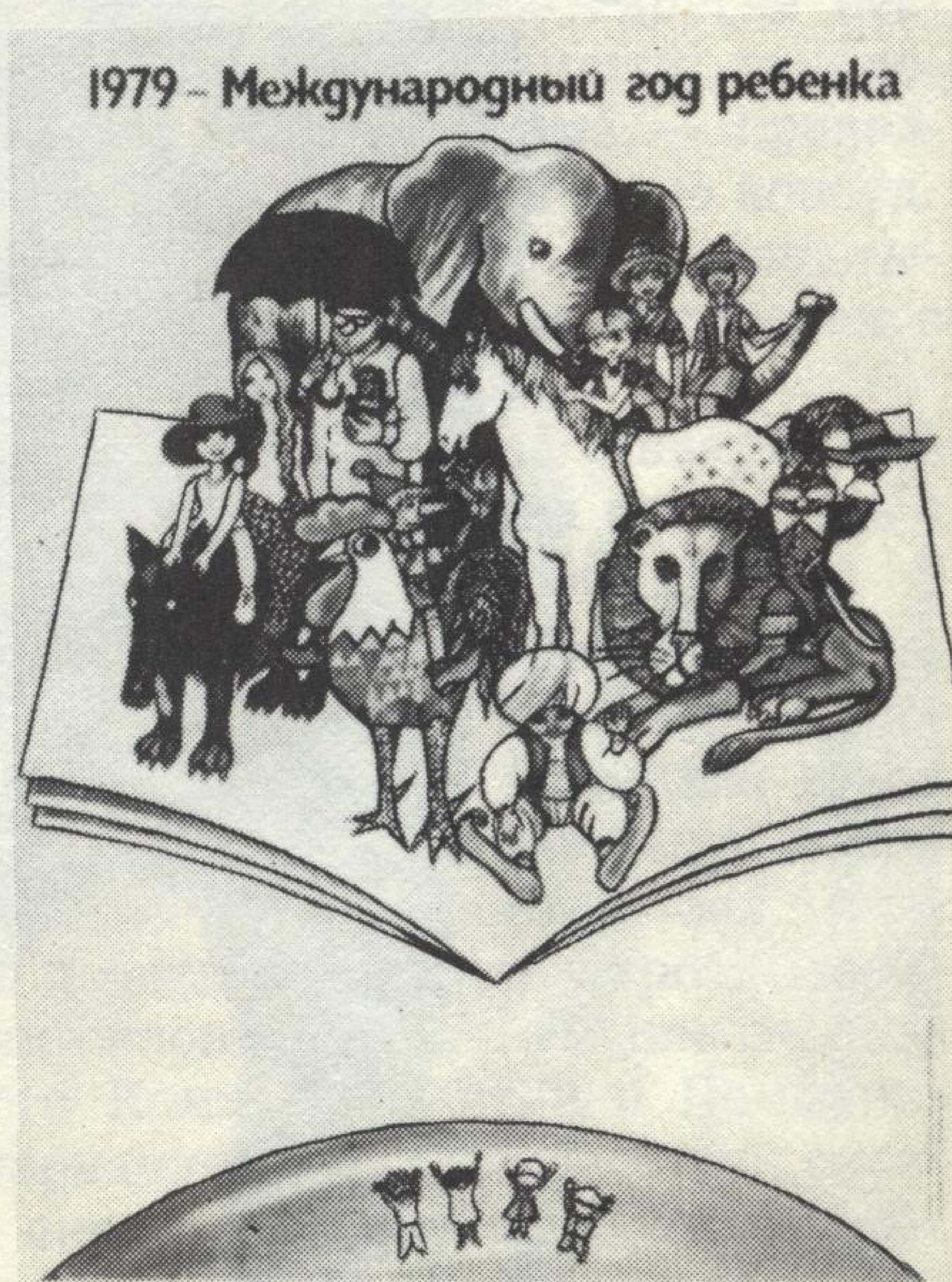
Я много езжу, выступаю перед детьми и их воспитателями, рассказываю о русской и советской литературе. Юным американцам не хватает знаний о мире социализма, о социалистическом образе жизни. Сведения, которые ребята получают, скудны и искажают правду. Вот почему я стала пропагандистом советской книги.

Двадцать лет я занимаюсь переводами. Не только в США, но и в Англии, Австралии, Новой Зеландии — в тех странах, где говорят по-английски, — вышли в моих переводах рассказы Шолохова, антология русской и советской литературы для детей, сборник пьес для юных зрителей. В антологию вошли сто произведений тридцати восьми авторов — Толстого, Чехова, Горького, Паустовского, Чуковского, Маршака, Михалкова, Барто и других советских писателей. Впервые эту книгу напечатало в 1967 году одно небольшое университетское издательство. Она имела громадный успех.

С тех пор и крупные коммерческие издательства заинтересовались советской детской литературой.

Сейчас в Америке выпущено уже более сорока книг русских и советских писателей для детей. Советская детская литература утверждает высокие человеческие ценности: доброту, дружбу между людьми и народами, душевную чистоту, любовь к природе.

Мало научить ребенка читать. Ему надо дать книги, помогающие жить, чувствовать, мыслить! Нельзя допустить, чтобы новые поколения молодежи были воспитаны в духе невежества, жестокости и фальши.

Такой плакат художники-иллюстраторы детских книг посвятили Международному году ребенка.

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
лауреат Государственной премии СССР

КОНСУЛ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Рисунки С. ТРОФИМОВА

Финляндия! Тридцать пять лет живем мы в дружбе и мире с нашей северной соседкой, взаимно уважая интересы народов обеих стран.

Хельсинки! Имя этого города — столицы Финляндии навсегда вошло в историю борьбы народов за мир, безопасность и сотрудничество. Именно здесь в июле 1975 года главы тридцати трех европейских государств, а также США и Канада подписали соглашение о сохранении и укреплении мира в Европе и на всей планете.

Передовые люди Финляндии вели многолетнюю, мужественную борьбу за то, чтобы высвободить свою родину из-под опеки черных сил реакции и фашизма и вывести ее на путь сотрудничества и содружества с Советским Союзом и всеми странами доброй воли.

Мы начинаем публиковать главы из романа писательницы Зои Воскресенской «Консул», в котором рассказывается о самоотверженной работе советских дипломатов в этой стране в предвоенные тридцатые годы, о тех сложных испытаниях, которые выпали на долю финского народа, о героической борьбе коммунистической партии, рабочего класса и прогрессивной интеллигенции Финляндии за лучшее будущее.

Служение Родине, своему народу и делу пролетарского интернационализма — вот чему посвящены страницы этого произведения.

ГЛАВА 1

Диалог

Константин Сергеевич, запрокинув голову и полузакрыв глаза, привычно водил по лицу безопасной бритвой, растягивая языком то одну щеку, то другую. Душистая мыльная пена падала хлопьями в раковину и сползала вниз, оставляя на фаянсе золотистую пыль щетинок. Осторожно поскоблил остро выпирающий кадык, провел ладонью по щекам и подставил голову под холодную струю воды. Энергично вытерся льняным полотенцем и принялся облачаться. Тоненькие золоченые стерженьки с перламутровой головкой никак не хотели пролезать в круглые отверстия твердой накрахмаленной рубашки. Справившись с застежками, защелкнул запонки на манжетах, приладил белую бабочку под воротник и надел фрак. Стальной пилкой подравнял ногти и подошел к трюмо.

Зеркало отразило фигуру мужчины выше среднего роста, лет тридцати пяти, спортивной стати. Круглая, гладкая, как бильярдный шар, голова. Над серыми, с лукавой живинкой глазами, словно две пушистые гусеницы, подвижные русые брови. Короткий широкий нос и четырехугольный крупный рот говорили о волевом характере и прямодушии.

Константин Сергеевич взял со стола бумажник, проверил его содержимое, заложил несколько визитных карточек и сунул в карман. Надел цилиндр, приблизил лицо к зеркалу и вдруг, усмехнувшись, свистнул. Взглянул на себя из давности, глазами того семнадцатилетнего рабочего парнишки Кости, пришедшего служить в Красный Балтийский флот в 1918 году. Тогда он впервые натянул на себя полосатую тельняшку и примерял перед осколком зеркала в цейхгаузе бескозырку, и ни одна не налезала на его большую кудрявую голову.

Восемнадцать лет прошло с тех пор.

— Ну и ну! — покачал головой вихрастый матрос, глядя на тщательно выбритого, в высоком цилиндре, во фраке и лакированных башмаках дипломата. — Когда же ты, Костя, успел превратиться в Константина Сергеевича, сменил бескозырку на цилиндр, а тельняшку — на эту белую, картонную кольчугу. Дипломатом стал, а помнишь...?

Константин Сергеевич сощурил глаза и вздохнул.

— Все, все помню, Костя. И скажу по правде: хоть на мне и накрахмаленный панцирь, а сердце под ним все то же. Прямо скажем, я не лазаю по мачтам, не кричу «вира» и «майна», а «шпрехаю» и «спикаю», на руках нет мозолей, не ношу на боку маузер, но чувствую себя в каждодневной битве за нашу Советскую Родину, за нашу большевистскую правду. И всегда ощущаю на себе тельняшку, и греет она меня и защищает, как кольчуга.

Матрос, сдвинув на самый затылок бескозырку с развевающимися лентами, насмешливо рассматривал дипломата.

— Появись я в такой робе на корабле, братва приняла бы меня за Чемберлена или Керзона.

— Тогда были другие времена, другие песни, Костя. Все эти запонки, манишки, лакированные туфли — просто новая форма, — продолжал оправдываться перед своей юностью консул. А его боевая молодость требовательно допытывалась: той ли дорогой идешь, не сбился ли с пути, так ли живешь, как обещал.

— Помнишь двадцать седьмое января двадцать четвертого года, когда страна прощалась с Лениным? — строго спросил матрос.

У Константина Сергеевича перехватило горло. Он снял цилиндр, положил его на стол, потер пальцами виски. В памяти возникло сизое от лютого мороза утро, черная вереница людей медленно двигалась через Колонный зал. Константин стоял в почетном карауле у гроба Ильича. Два знамени склонились над Лениным: знамя Центрального Комитета партии и Коммунистического Интернационала. Тусклые лучи солнца пробились сквозь верхние окна зала, переплелись с мрачным светом закутанных в чер-

ный креп люстр и с желтыми огнями дуговых фонарей кинооператоров. Константин хорошо помнит: он сменился с поста в восемь часов пятьдесят минут. В скорбной тишине зала послышались звуки «Интернационала», они становились все отчетливее и громче, отдельные голоса слились с оркестром. Весь зал поет, и этот гимн звучит как клятва верности, как торжественное обещание любимому вождю выполнить все завещанное им.

— Ты тогда тоже поклялся каждой клеточкой своего «я» так же верно служить народу, как служил ему Ленин, — напомнил матрос.

— Да, я дал тогда такую клятву, — ответил Константин Сергеевич. — Понятно, Лениным стать никому не дано: для этого надо быть гением, а человечество рождает гения раз в тысячелетие. Но вот ленинские черты характера, как я думал тогда, каждому доступны. Быть честным и бесстрашным, трудолюбивым и бескорыстным, добрым и принципиальным, жадным до знаний и щедрым на отдачу, быть патриотом и служить всему человечеству, быть всегда и во всем коммунистом — все это казалось легко и просто. Но сколько раз я в жизни ошибался, как много в моем календаре жизни серых, ничем не примечательных листков. Эх, если бы можно было этот календарь перекинуть обратно, украсил бы я каждый день добрыми делами. Мало учился. Имею высшее образование, а вот среднее не успел получить. Все знания по кусочкам нахватаны. Сколько книг одолел по философии, естествознанию, политэкономии, истории и дипломатии, кажется, всех классиков перечитал, но чем больше узнаешь, тем лучше понимаешь, как скудны твои познания.

— Плохо старался, мог бы сделать больше, — корит матрос.

— Но, Костя, вся юность прошла на фронтах, на кораблях, а потом учеба. И с учебы постоянно срывали то на ликвидацию банд, то посылали за границу закупать хлеб, рыбу, станки. И вот я стал консулом.

Костя-матрос усмехнулся и покачал головой.

— Скажи мне двадцать лет назад, что я стану консулом, я бы ответил: «Брось подначивать». Консулы были в Древнем Риме, знали мы про них, что они носили тогу, восседали в дорогих креслах, как на троне, и обладали властью огромной, могли казнить, могли и миловать. Но вот про консулов во фраках, да еще советских, мы и слыхом не слыхали. Что же это за служба такая?

— Полезная служба. Консул заботится о советских гражданах, проживающих за границей, охраняет их права и труд, принимает заявления о принятии в советское гражданство, регистрирует браки и рождения, выдает визы иностранцам на поездку в Советский Союз. Придет советский военный корабль в порт, консул первый поднимается на борт, знакомит командование со страной, ее законами и обычаями, а коли прибудет торговое судно, капитан является в консульство и докладывает, в каком состоянии прибыл пароход, есть ли больные, требуется ли ремонт. Консул должен знать, как выполняются советские заказы на предприятиях, или, как в старину говорили, покровительствует торговле и мореплаванию.

— Скучные обязанности, — возразил Костя-матрос. — В мире сейчас такая заваруха началась. Германские и итальянские фашисты вместе с испанскими фалангистами выступили против Народного фронта Испании, хотят накинуть на шею испанскому народу фашистскую петлю. Тебе бы туда, защищать испанскую республику, а вместо этого ты занимаешься здесь, в Финляндии, «покровительством торговле и мореплаванию».

— Не трави душу, Костя. Думаешь, я сам не рвусь в Испанию? Но партия распорядилась иначе. И я не забыл морскую примету, Костя: «Ходят чайки по песку, моряку сулят тоску и пока не сядут в воду, штормовую жди погоду». Нет, не садятся чайки в воду.

Звонок в дверь прервал диалог Константина Сергеевича со своей юностью.

— Заходи, Антоныч, заходи, дружище, — распахнул консул дверь и впустил в квартиру шофера.

Антоныч был постарше своего шефа. Худощавый, неторопливый, он уже четверть века сидел за «баранкой», несколько лет работал в советском консульстве, и для Константина Сергеевича, осваивающегося со своей новой должностью, был незаменимым гидом и советчиком.

Константин Сергеевич взял белые перчатки и протянул руку за пальто, но Антоныч остановил его.

— Разрешите-ка, я вас обследую, не ровен час, какая нитка или волос пристал. Вам же сзади себя не видно.

Антоныч заставил консула повернуться кругом, взыскательно осмотрел его, снял какую-то пушинку.

— Вот плохо вам без хозяйки-то. Здесь был один иностранный посол. Без жены. Так он однажды явился во дворец к президенту в таком виде, не приведи господь. Видно, торопился и надел рубашку поверх брюк, она у него из-под фрака, как фартук у повара. Вошел во дворец. Президент с президентшей принимают гостей. Нужно было пройти метров шестьдесят сквозь строй дипломатов, которые здоровались с президентом и его супругой и выстраивались по обе стороны зала. Посол идет через всю залу, идет не спеша, как и положено.

Дипломаты делают вид, что ничего не замечают. Дамы толкают друг друга, им страсть как интересно, как в таком виде посол будет представляться президентше. Но адъютант президента не растерялся, быстро пошел навстречу гостю, взял его так вежливенько под руку, шепнул что-то на ухо и вывел его в боковую дверь. На следующий день посол улетел на самолете и больше, говорят, к дипломатической работе не возвращался.

Константин Сергеевич живо представил себе

эту картину и хохотал, слушая рассказ Антоныча.

— Да, не завидую я этому послу. Ну, пора, Антоныч, поехали.

Сошли вниз. У подъезда стоял автомобиль «эмка». Блестел, как новенький. Антоныч распахнул дверь. Консул сел рядом с шофером.

Антоныч аккуратно завел мотор, включил первую скорость, тронул машину с места так, что и стакан, полный воды, не дрогнул бы, включил вторую скорость, третью. Никакая спешка, никакие уговоры «прибавить газку» не помогали: «Тише едешь, дальше будешь». Машину Вадим Антоныч любил как живое существо. Выезжал всегда с запасом времени. «Вдруг на гвоздь напорется, охромеет, колесо менять придется, а опаздывать не положено. Коли раньше приедем, два круга вокруг дворца сделаем. Подвезу к подъезду в аккурат», — говорит он.

— Вот освоюсь с делами, ознакомлюсь с городом и буду сам водить машину, — сказал консул.

— Вот нет, так нет, — отрезал Антоныч. — Машина мне доверена, а у вас свои дела. Да ее, сердечную, и так вдрызг загоняли. То на верфь инженеров вези, то на вокзал кого-то встречать, то какой-то срочный пакет в министерство. А она же не семижильная, и машина устает.

Константин Сергеевич не стал возражать. Ехали по улочке, по обеим сторонам домаособняки прятались в садах. Розы перебирались через забор, стлались по тротуару, но ни одна роза не была затоптана, люди обходили их или осторожно перешагивали.

— Чистенький город, приятный, — сказал Константин Сергеевич.

— Ничего не скажешь. И так по всей стране, — отозвался Вадим Антоныч. — Вы заметили, какой порядок у них вдоль железной дороги. Шпалы сложены одна к одной, никакого мусора. И народ честный. Машину, мотоцикл, велосипед оставь в любом месте, ничего не отвинтят. Во многих домах в деревнях и замков на дверях нет. Потеряешь какую вещь на улице, оставишь где зонтик или трость, иди через несколько дней в бюро находок, и тебе твою пропажу в полной сохранности выдадут. Один иностранец золотые часы на улице обронил, ремешок у него расстегнулся, видно. Так через три дня он эти часы получил, уплатив одну марку за хранение. Говорят, что в стародавние времена у финнов за кражу отрубали палец на левой руке, за вторую кражу отрубали всю кисть, а за третью так и правой руки лишали. В магазине не обвесят, не обсчитают. Что и говорить, — честный народ.

— А знаете, Антоныч, у финнов есть мудрая поговорка: «Мелкого жулика наказывают, а крупному в ноги кланяются».

— Нет, нет, честный народ, — упрямо повторил Антоныч.

— Народ-то не един, — заметил Константин Сергеевич. — О честности финнов сложены легенды. Это верно. Но, знаете, сколько братских могил разбросано по Финляндии? В них покоится больше тридцати тысяч расстрелянных и замученных революционеров, рабочих и крестьян, поднявшихся в 1918 году против своих угнетателей. Двадцать семейств миллионеров владеют богатствами Финляндии, которые создают им десятки тысяч рабочих. Вы хотите причислить к честным и тех, кто, охраняя свои богатства, расстреливал своих соотечественников за стремление жить свободно, избавиться от эксплуатации?

Антоныч промолчал.

Выехали на Сенатскую площадь, которую обрамляли с четырех сторон церковь, здание Государственного совета, университет и ратуша. На площади главенствовал гигантский памятник русскому царю Александру II.

Константин Сергеевич усмехнулся.

— Если по справедливости, то финны должны были бы воздвигнуть памятник Ленину. Из его рук 31 декабря 1917 года финляндская делегация получила декрет молодой Советской власти, предоставивший самостоятельность Финляндии. В огне Октябрьской революции русский рабочий класс отвоевал свободу для Финляндии, осуществил многовековую мечту финского народа.

— Что правда, то правда, — согласился Антоныч.

— И задуман памятник «великому князю Финляндскому, самодержцу Российской империи» так, что человек чувствует себя ничтожеством, лилипутом рядом с этим Гулливером, — заметил Константин Сергеевич.

Было без пяти минут семь, когда Антоныч остановил машину у парадного подъезда дворца. Константин Сергеевич легко поднялся по лестнице. В гардеробной снял цилиндр, бросил в него перчатки и подал служителю. Дамы ревнивыми взорами оглядывали туалеты друг друга, поправляли прически, раскрывали нарядные сумочки, извлекали из них пуховки. Мужчины поглядывали на часы, чтобы ровно в семь начать подниматься в приемную залу президента...

ГЛАВА 2

Знакомство

Прибытие нового советского консула вызвало интерес и в дипломатическом корпусе и, конечно, больше всего в советской колонии. Консул Ярков приехал один. На вопросы, когда прибудет его семья, уклончиво отвечал: «В свое время»; вежливо отклонял приглашения работников полпредства обедать у них дома, не желая отдавать кому-либо предпочтение. Питался в полпредовской столовой вместе с инженера-

ми-приемщиками, переводчиками и дипкурьерами.

Несколько раньше консула приехал секретарь-переводчик консульства Петр Осипов, молодой человек лет двадцати двух. Очкарик. Видно, не отвык от учения и зубрежки. Сидит, обедает и то и дело вынимает из одного кармана финскую газету, из другого — шведскую, из третьего — набор карточек на шнурке с немецкими словами. Когда читает, снимает очки, и тогда видно, что глаза у него голубые, лучистые. Нюра-повариха, жена дворника, всегда наливает ему суп в тарелку до краев и котлету выбирает потолще, посочнее. «Худющий ты, поправляться тебе надо, заучился, небось», — по-матерински приговаривает она и по-настоящему огорчается, когда Петя отказывается от добавки.

Константин Сергеевич Ярков, представившись советскому полпреду, военному и торговому атташе, нанеся обязательные визиты в Министерство иностранных дел, иностранным консулам, засел знакомиться с консульским хозяйством, которое осваивал и Петр Осипов.

Консул присматривался к своему помощнику. Годится ему в сыновья. За границей впервые. Только что окончил институт иностранных языков. Смущается, как красная девица. Различает только три цвета: красный, белый и черный. Красные — это «мы» и те, кто с нами, черные — это «они», капиталисты, враги, белые — эмигранты, тяготеют к черным. И людей делит по паспортам: с красными советскими, с разноцветными иностранными, и с серыми нансеновскими книжками — эмигрантскими. Комсомолец. Хорошо образован, начитан, но, как видно, жизни по-настоящему не хлебнул. «Мне бы в двадцать лет его знания или ему сейчас мой опыт, — подумал Константин Сергеевич. — Я в его годы уже прошел гражданскую войну и мучительно переживал свою неученость. Но что лучше: опыт или знания?

— Ну, Петро, давай знакомиться с делами, и прежде всего с людьми. Нам с тобой защищать интересы советских людей, мы с тобой и загс, и судьи, и воспитатели. Понимаешь? И, конечно, сами должны служить примером всем и во всем.

Консул внимательно посмотрел на Петю.

— Один профиль у тебя, никакого анфаса, — сказал он. — Питался, что ли, плохо или хворал? Почему ты такой худой?

— Порода такая, — зарделся Петя, — у нас все тощие. Я здоровый и сильный, занимаюсь спортом, имею значок «Готов к труду и обороне», ворошиловский стрелок, катаюсь на коньках, в институтских соревнованиях на лыжах занял четвертое место. И аппетит у меня зверский, но, как моя мама говорит, «не в коня корм». И Нюра меня откормить не может. Разве вот жена приедет...

— Вы женаты? — удивился Ярков.

— Да, — покраснел до кончиков ушей Петя, — со дня на день жду телеграмму из Ленинграда о рождении ребенка. Мы с женой в одном институте учились.

— Да-а... значит, октябрины будем устраивать.

— Будем! — радостно согласился Петя.

— А вот красный галстук не советую носить. Иностранцами это может быть неправильно истолковано. Многие считают, что в Москве даже дома выкрашены в красный цвет, чтобы показать нашу революционность, и центральную площадь поэтому назвали Красной.

— А она еще с семнадцатого века называется Красной, что значит красивая, — заметил Петя.

— Сегодня мы поедем познакомимся с нашим Интуристом и корреспондентом ТАСС, — предложил Ярков, — завтра будем знакомиться с инженерами-приемщиками. Они принимают советские заказы от фирм. Потом навестим наших граждан, которые постоянно проживают здесь, многие даже родились в Финляндии, имеют советские паспорта, а вот в Советском Союзе никогда не бывали, работают на фабриках, в конторах. Посмотрим, как они живут, чем мы им можем помочь. Здесь есть юноши военнообязанные, надо их знать, подготовить к выполнению воинского долга в Красной Армии. Как видишь, мы не только загс, но еще и военкомат.

— Вот уж никак не думал, что есть такие люди, которые не были на своей родине, — признался Петя.

— Ну, что ж, поехали, но повяжите другой галстук.

— У меня нет другого. — Петя снова густо покраснел.

— Зайдем ко мне, я тебе подберу подходящий.

Петя быстро уложил папки в сейф, запер его, и они поднялись на второй этаж в квартиру консула. Здесь было очень чисто, но пустынно и по-холостяцки неуютно. Ярков открыл дверцу шкафа, на внутренней стороне которой висели галстуки всех цветов, выбрал золотистый в косую широкую коричневую полоску и протянул Пете. А тот ослабил узел на своем галстуке, снял его через голову и беспомощно теребил в руках тот, что подал ему консул. Ярков понял, что не умеет парень завязывать галстук, что кто-то однажды ему завязал, и он ежедневно то ослабляет, то подтягивает узел, не в состоянии справиться сам.

— Сейчас покажу, — сказал добродушно Ярков, — сам намучился в свое время. С начала революции до конца гражданской войны носил матросскую форму, а она, как вы понимаете, не терпит галстуков. Итак, смотрите и запоминайте. — Константин Сергеевич сделал в воздухе движения руками, как бы завязывая галстук, подошел к Пете сзади, взял его руки и водя его пальцами, пропуская через них концы галстука, вывязывал узел. Потом велел самому развязать и снова завязать.

Петя вспотел от напряжения.

— Ну, что ж, потренируетесь дома, освоите эту нехитрую премудрость. Поехали в Интурист.

В нижнем этаже большого дома на людной улице в витрине были развешены запыленные и выцветшие фотографии с видами городов Советского Союза.

В приемной Интуриста посетителей не было. В кабинете директора за столом сидел в одиночестве молодой человек и со скучающим видом читал книгу.

Познакомились. Директор — Федор Маслов, молодой, веснушчатый, рыжеватый человек, на вопрос консула, почему в Интуристе пусто, объяснил, что немногие отваживаются ехать в Советский Союз, а если едут, то берут с собой целые чемоданы консервов, сухарей, боятся умереть у нас с голоду. Возвращаются обратно радостно возбужденные, с самым добрым чувством, приходят, благодарят. Но газеты предпочитают умалчивать об этом. Нередко людей, рассказывающих о своих хороших впечатлениях от туристской поездки в СССР, увольняют с работы.

— План не выполняем, из Москвы получаем нагоняй, а что мы можем сделать? — развел руками директор.

— Вы коммерческое предприятие, — заметил консул. — Пойдите в финское бюро путешествий, поговорите с представителями туристских компаний Англии, Америки, Франции, поучитесь у них делать рекламу. Посмотрите, какая непривлекательная у вас витрина, старые, плохие фотографии дворцов, церквей. Покажите наших людей: как они работают, занимаются спортом, развлекаются. Покажите наш театр, народные ансамбли, курорты, детские учреждения. Почаще меняйте фотовыставки, чтобы возле витрин всегда был народ. Люди должны знать, что они могут увидеть, с чем познакомиться. Недаром говорят: реклама — мать торговли.

Маслов с чувством благодарности пожал руку Яркова.

— Спасибо, а то я уж решил в отставку подавать, не идет у меня дело.

— А дело-то весьма важное, — сказал консул. — Надо, чтобы люди лучше и больше узнали нашу страну, помыслы наших людей, прониклись к нам доверием, тогда всякая клевета потеряет силу.

Из Интуриста Ярков с Петей направились в корреспондентский пункт, который помещался недалеко от Полпредства и занимал квартиру в частном доме.

На звонок дверь открыла молодая улыбчивая женщина.

— Ирина Александровна, — крикнула она, — к нам сам консул припожаловал.

— Откуда вы меня знаете? — удивился Ярков.

— Ну, кто же вас не знает? Я вас видела в столовой, когда заходила туда брать обед, видела в вестибюле. А я секретарь нашего корреспондента. Надеждой меня зовут. Проходите, проходите.

Ярков с Петей прошли в кабинет, и Константин Сергеевич внутренне ахнул. Его встретила женщина, чем-то его поразившая. На него удивленно и холодновато глянули светло-карие глаза, в которых вдруг заиграли искорки иронии, женщина широко улыбнулась, и глаза стали озорными и веселыми. «Как? Сам консул припожаловал! Чему мы обязаны такой честью? Ну раз пришли, то будьте желанным гостем», — сказал этот взгляд.

— Ирина Александровна, — представилась корреспондентка. — Очень рада познакомиться с вами. Присаживайтесь, — пригласила она гостей к журнальному столику. — Надюша, приготовь, пожалуйста, кофе с нашими корреспондентскими сухариками.

Ирина Александровна сложила в стопку журналы, пододвинула медный курительный столик.

— Вы курите? — спросил Ярков.

— Все мои гости курят, — ответила Ирина Александровна, — прошу, — показала она рукой на коллекцию пачек с сигаретами.

Петя извиняющимся тоном сказал, что он не курит. Ярков жадно закурил и оглядел кабинет. Письменный стол завален газетами. Сбоку у окна ваза со свежими розами, а рядом с ней фотография женщины с мальчиком лет трех на коленях. Женщина имела фамильное сходство с Ириной и выглядела чуть старше ее. На стенах несколько пейзажей, на полу ковер. Присутствие женщин сказывалось даже в еле уловимом аромате духов, смешанных с типографской краской. На столе в пишущей машинке заложен лист бумаги. Видно, Ирина Александровна работала.

— Вы давно здесь? — спросил консул.

— Второй год.

— Очень хорошо! Значит, вы поможете мне освоиться с обстановкой в стране. Я прошу у вас специальной аудиенции, — сказал Ярков.

— Зачем же так пышно? — засмеялась Ирина Александровна. — Я охотно поделюсь с вами тем, что знаю.

Ярков чувствовал себя скованным в присутствии этой женщины. Он не мог найти верного тона, который создает контакт с собеседником. Ему почему-то хотелось говорить с ней высокопарно, а получалось казенно и глупо. Напряжение сняло появление Надюши с подносом, на котором стояли чашки, ваза с печеньем и ярко начищенный кофейник из красной меди.

— Вот и кофе, — сказала весело Надюша, — и наши корреспондентские сухарики, мы с Иринушкой их сами печем. У нас здесь и кухня есть. Придете в следующий раз, мы вас угостим нашими бифштексами с жареной картошкой и квашеной капустой. Ирина — мастер готовить капусту. Она у нас стряпуха самого высшего класса.

Ярков удивился.

— Когда это вы успеваете? — спросил он.

— Между утренней и вечерней почтой, — ответила Ирина Александровна. — Ходить в пол-

предовскую столовую просто некогда, там выдают обеды, когда выходят вечерние газеты, поэтому мы предпочитаем питаться здесь. А кофе у нас мастер готовить Надюша, она его готовит по-венски.

Обе женщины, видно, были не только сослуживицами, но и подругами. «Надюша» и «Иринушка», называли они друг друга. Обеим было лет по двадцать пять. И обе были очень разные. Надюша — ровная, мягкая, улыбчивая, добродушная, относилась к своей подруге с какой-то материнской заботой и любовью. Ирина — энергичная и вместе с тем удивительно женственная, быстрая и несуетливая. Она улыбалась редко, но улыбка сполохом освещала ее лицо. Освещала на секунду, обнажая ослепительно белые зубы. Порой как грустинка залегала складка между бровей и так же быстро исчезала.

«Не проста, ох, не проста», — подумал Ярков.

Ирина пригубила свою чашку кофе, поднялась и сказала:

— Надюша, ты занимай гостей, а я должна извиниться, мне надо допечатать корреспонденцию.

Она села за машинку и, прикусив нижнюю губу, стала отщелкивать информацию. Иногда она останавливалась, пальцы в напряжении нависали над клавиатурой, точно выжидая команды. Мысль оформлялась, и снова стучала машинка. Удары были легкие, быстрые. Даже по стуку можно было определить, что выстукивали пальцы не личное, не раздумье, а деловое письмо. Какие-то строчки выражали гнев, другие — уверенность. Ярков подивился, что машинка может звучать, как музыкальный инструмент. А может быть, это ему показалось.

Ирина, взяв двумя руками лист бумаги, прочитала написанное, свернула бумагу пополам, аккуратно уложила в сумку и снова извинилась.

— Я поеду отправлю телеграмму. Это информация о ходе судебного процесса над Антикайненом. Очевидно, я вас уже не застану. До свидания, до скорой встречи. — И, натянув на золотистые кудри берет, скрылась.

— У вас есть машина? — спросил Надюшу Ярков.

— Нет, кроме пишущей машинки, других машин нет, — ответила она. — Но есть велосипед. А до телеграфа недалеко, всего несколько минут езды.

— Я бы мог отвезти Ирину Александровну на машине.

— С чего бы вдруг? — засмеялась Надюша. — Мы каждый день по два, а то и по три раза ездим на телеграф.

Консулу стало вдруг скучно, он быстро допил кофе и заторопился домой.

— Приходите к нам почаще, — сказала на прощание Надюша.

— О, я боюсь помешать Ирине Александровне. Она деловая и строгая женщина.

— Что правда, то правда, — согласилась Надюша. — Но она хороший товарищ и веселая. Мы иногда танцуем под патефон по три часа подряд, боимся располнеть.

Садясь в машину за руль, Ярков спросил Петю:

— А ты что такой молчун сегодня? Слова не вымолвил.

— Я все жду телеграммы из дома, — ответил Петя. — Беспокоюсь.

А телеграмма ждала его у дежурного по полпредству.

Петя развернул листок и, заикаясь от волнения, прочитал вслух: «Здравствуй папа тчк я родился тчк рост пятьдесят один сантиметр тчк вес три шестьсот тчк как меня зовут впр мама счастлива и здорова тчк целуем крепко твой сын тчк».

— Поздравляю и завидую, — обнял Ярков Петю.

ГЛАВА 3

Ваня

Приемные часы в консульстве подходили к концу. Посетителей больше не было. Петя уже собирался закрыть регистрационный журнал, как в приемную вошел мальчик. Одет, как финский крестьянин, в тяжелых башмаках, в шерстяных полосатых чулках до колен, в ватной куртке. В руках он комкал шапку. Иней таял на волосах, бровях, он жмурился, смахивая с лица капли, и совсем смутился, когда увидел, что башмаки не удалось как следует оббить и снег на них начинает таять.

— Терве, терве! — приветствовал его Петя первым и, видя, что юный посетитель в растерянности смотрит, как с башмаков на паркет стекают лужицы, добавил: — Тэннен эритайн кюльма я сатаака (сегодня очень холодно и валит снег).

Мальчик испуганно посмотрел на молодого человека, продолжая молчать.

— Олеттеко суомалайнен? (ты финн?), — спросил Петя, не зная, как заставить посетителя говорить.

Парнишка попятился назад, собираясь бежать.

— Что за субъект такой? — досадливо воскликнул Осипов.

Мальчик внезапно остановился, и лицо его просияло.

— Так вы умеете по-русски? А почему ругали меня по-фински?

Пришел черед и Пете удивиться:

— Да разве я ругался? Я сказал, что на дворе снежит, и чтобы ты не стеснялся мокрых башмаков.

— Но я-то по-фински совсем ничего не понимаю.

— А я по одежде твоей решил, что ты финн.

— Что вы, какой я финн, — махнул рукой

мальчик. — Мне нужен самый главный советский начальник.

— По какому делу?

— Это я скажу ему лично, — осмелел мальчуган.

— Я должен доложить консулу, по какому делу ты пришел. Такой у нас порядок.

В это время, заслышав возбужденный разговор, из кабинета вышел консул.

— Вот к вам, Константин Сергеевич, пришел посетитель и не желает говорить, по какому вопросу. Русский.

Консул внимательно посмотрел на мальчика, прочитал в его глазах мольбу и, кивнув головой на дверь, сказал:

— Заходи.

Мальчик живо скинул куртку, бросил ее на стул в приемной, остался в белой рубашке и прошел за консулом в кабинет. Прикрыл плотно дверь, вытащил из-за пазухи маленький красный сверточек, встряхнул его, быстро и привычно повязал пионерский галстук, сделал два четких шага навстречу консулу, поднял руку в пионерском салюте.

— Я юный пионер Советского Союза Ваня Туоминен, — отрапортовал он и добавил: — К борьбе за дело Ленина всегда готов!

— Садись, — пригласил консул. — Ваня Туоминен? Так?

— Да.

— Ты финн или русский?

— Я советский.

Консул выдвинул ящик из картотеки, перебрал карточки и сказал:

— Такого советского гражданина у нас нет. Расскажи толком, кто ты, откуда, и что тебя сюда привело.

— Я родом из деревни Сороки. Сейчас это огромный красивый город Беломорск. На Беломорканале. Знаете?

— Знаю. Кто твои родители? Где они?

— Мой отец приехал в Сороки еще в стародавние времена. А когда в прошлом году в Финляндии умер дядя моего отца и оставил ему в наследство дом, мой отец вспомнил, что он родом из Финляндии, и объявил себя финским гражданином. Польстился на это наследство.

Консул все понял.

— Сколько тебе лет?

— Вот об этом я и хочу с вами поговорить, — оживился Ваня. — Я родился в одна тысяча девятьсот двадцать втором году. Мне сегодня исполнилось четырнадцать лет.

— Поздравляю тебя с днем рождения.

— Спасибо. Сегодня самый счастливый день в моей жизни. Наконец-то мне исполнилось четырнадцать.

— Когда вы сюда приехали?

— Полгода назад.

— Ясно, — сказал Константин Сергеевич,

Ваня шагал по улице. Кружила метелица, и мальчик чувствовал себя одиноко как оторванный лист.

вынул из коробки папиросу, щелкнул зажигалкой, затянулся. Он сказал «ясно», а на сердце стало сумрачно.

— Ну вот, я рад, что вам ясно. Теперь я становлюсь советским гражданином и должен выехать на родину. Немедленно. Срочно. Иначе у меня пропадает учебный год, а самое главное, мне пора вступать в комсомол. Я был председателем совета отряда, отметки у меня были только хорошие и отличные. Правда, схватил тройку по физике, но я ее исправлю. В комсомол меня примут.

Ваня смотрел на консула счастливыми глазами, а Константин Сергеевич жадно затягивался, мучительно думая о том, как смягчить удар, который он должен нанести этому ясноглазому пареньку. Он встал, прошелся по кабинету, потом подошел к Ване, положил ему руку на плечо и сказал:

— Пойми меня правильно, Ваня. Если бы твои родители выезжали из Советского Союза сегодня или завтра, то есть когда тебе уже исполнилось четырнадцать лет, ты бы сам мог сказать: «Я остаюсь в Советском Союзе, считаю себя советским гражданином». Но теперь ты вписан в паспорт родителей до совершеннолетия. Когда тебе исполнится восемнадцать лет, ты можешь подать заявление о принятии тебя в советское гражданство. Таков закон.

Ваня замотал головой.

— Нет, нет. Не может быть такого несправедливого закона. Я хочу домой, в свою школу, к своим ребятам, в Советский Союз. Сказано ведь в законе, что в четырнадцать лет я могу решать сам. Мало ли что меня вписали в паспорт, а я не хотел. Что я, виноват, что родился на полгода позже. Несправедливо, несправедливо. — Ваня отчаянно заколотил кулаками по столу и, уронив голову на руки, зарыдал.

У Константина Сергеевича у самого першило в горле.

— Будь мужчиной. Четыре года пройдут, ты и не заметишь, и ты тогда сам определишь свою судьбу.

Ваня вскочил со стула и, осушив рукавом рубашки лицо, воскликнул:

— Так и ходить мне недорослем до восемнадцати лет. Кто же так поздно вступает в комсомол? Неужели вы забыли, что такое комсомол. Ждать целых четыре года! — Ваня что-то соображал, шевеля губами. — Ведь это почти полторы тысячи дней. Полторы тысячи. — Он сидел, по-ребячьи судорожно всхлипывая. — Скажите, а здесь у вас есть комсомол?

— Нет, здесь у нас комсомола нет, — ответил Константин Сергеевич и понял, что мальчик ему не поверил.

— А школа есть?

Константин Сергеевич чувствовал себя неловко.

— Школа есть, но только начальная, а дети постарше едут учиться на родину.

— Ну вот, видите, — заметил Ваня. — А я уже в седьмом учился. Всем можно, а мне нельзя. И это вы считаете справедливым?

— Пойми, ты стал финляндским гражданином, вписан в паспорт родителей...

— Но моя родина там, в Советском Союзе, и я хочу жить у себя дома. Я даже финского языка не знаю.

— Вот финский язык при всех случаях тебе надо учить. Не можешь ты здесь быть немым. Знание языка никогда не помешает.

— Но где я его буду учить? Отец у меня малограмотный, мать тоже. И занялись они своим хозяйством. В финскую школу меня без языка не примут. Нанимать учителя у родителей денег нет. Что же мне делать? Погибать? И вы ничем помочь не можете? Не хотите?

Константин Сергеевич очень близко принял к сердцу трагедию этого мальчика и понимал свое бессилие. Не может он даже материально помочь ему: это было бы расценено местными властями как вмешательство в их внутренние дела. А Ваня Туоминен — финляндский гражданин.

— Познакомься с соседними ребятами, от них быстро научишься финскому языку. Заведешь себе настоящих друзей. Хороших людей здесь много. Будь патриотом и не забывай, что ты интернационалист.

— Но мы живем на хуторе, кругом лес, болота да валуны.

— Я уверен, что ты найдешь друзей. Сходи на один соседний хутор, на другой.

— Да, — сказал Ваня, вставая. — А я-то думал... — Что он думал, не досказал, но в его взгляде Константин Сергеевич прочитал больно задевший его упрек. Мальчик развязал галстук, аккуратно свернул, положил за пазуху. Потом поднял глаза и посмотрел на портрет Владимира Ильича, словно жаловался ему.

— До свидания, — кивнул Ваня головой Константину Сергеевичу, а в приемной, надевая куртку, исподлобья посмотрел на Петю.

— Сам-то, небось, комсомолец! — сказал он, глотая слезы.

Константин Сергеевич облокотился на стол, сжал ладонями виски. «Чертовщина какая-то. Наговорил парнишке дежурных слов и не мог сказать то, что нужно этому парню, не нашлось хороших, душевных слов. Приглашать его приходить в консульство, но парнишку упекут за это в полицию. Подсказать, чтобы он искал связей с подпольным комсомолом, тоже можно навлечь на него беду. Как сложится его судьба?» Он подошел к окну. Мальчик, надвинув шапку до самых бровей, вытирал лицо рукой, видно, смахивал слезы.

...Ваня шагал по улице. Снежинки падали на его пылающее лицо и каплями скатывались по щекам. Кружила метелица, и мальчик чувствовал себя как оторванный лист. Один... Совсем один... Школы нет. Товарищей нет. Пионеротряда нет. И нет комсомола.

И обычный сбор пионердружины вспоминался ему, как чудесный сон. Стоять на пионерской линейке — это же счастье, теперь немысли-

мое, недостижимое. Рапортовать старшему пионервожатому. Стоять, замерев, когда раздается команда: «На пионерское знамя равняйсь!» Это же чудо! А песня «Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы — пионеры, дети рабочих. Грянем мы дружно песнь удалую за пионеров, семью мировую...» «Семью мировую», — повторил про себя Ваня. «Семья мировая», — даже остановился он. Пионеры есть во всем мире, только не везде им разрешается собираться, маршировать по городу. Может быть, и здесь есть тайные пионерские отряды. Коммунистическая партия запрещена, а про подпольную работу коммунистов пишут газеты. Наверно, есть и подпольный комсомол. Консул же сказал: «Не забывай, что ты интернационалист! И здесь можешь найти верных друзей. Хороших людей здесь много». Но где их искать?

Ваня остановился перед витриной книжного магазина. Ни одной русской книжки. А вот на немецком языке с портретом Гитлера продают. И дома ни одной книги. А в школе? Бывало, придешь в библиотеку и роешься, ищешь, что поинтересней. При отъезде сдал в библиотеку книгу Гайдара «Школа». Так и не дочитал. Даже русские учебники отец не разрешил с собой брать. «Все равно на финской границе отберут», — сказал он.

На вокзале Ваня купил билет. Сел в поезд. Кругом говорят, а он как глухой. Выглядывал в окно, чтобы не проехать станцию. Сидевшая рядом женщина что-то его спросила. Он пожал плечами. Женщина сочувственно покачала головой, верно, решила, что парень немой. Вышел из поезда. Брел по тропинке, еле переставляя ноги. Не такого он ждал, когда утром тайком вышел из дома, не так он мечтал отметить свой день рождения.

У порога его встретил пес Дружок. Отец подарил детям щенка, и Ваня занялся им. Дружок понимал и любил Ваню. Он с крыльца кинулся навстречу хозяину, прыгал, стараясь лизнуть щеки. Ваня присел на корточки, уткнул лицо в загривок собаки, обнял, прижал к себе. «Ты настоящий друг, а вот помочь мне не можешь», — шепнул ему на ухо. Дружок понимающе вертел хвостом.

— Ты где это пропадал, Вяйно? — строго спросил отец.

— Я не Вяйно, я Ваня.

— Забудь это имя. Теперь ты Вяйно.

— Видишь, и имени у меня теперь настоящего нет, — пожаловался он Дружку.

— Я спрашиваю: где ты был?

Мать стояла позади отца — радость, что сын вернулся, и упрек, что заставил волноваться, прочел он в ее глазах.

— Я ездил в Гельсингфорс. Хотел посмотреть город, — ответил Ваня.

— Я запрещаю тебе без спроса уходить из дома. Ты что, хочешь в полицию угодить? Раздевайся, и с сегодняшнего дня будем заниматься финским языком.

«Да ты сам его наполовину забыл. Я же видел, как ты разговаривал с налоговым инспектором. Больше на пальцах ему показывал», — подумал Ваня, но ничего не сказал.

Мать накрывала на стол, в доме вкусно пахло именинным сдобным пирогом.

ГЛАВА 4

Две судьбы

Этот воскресный день для Ирины начался обычно. Хозяйственные дела: уборка комнаты, стирка, глаженье. А вечером — опера. Пойдет слушать Шаляпина в «Борисе Годунове». Здание финской оперы напротив Советского полпредства. Из окна комнаты видны огромные афиши: «Федор Шаляпин. Чудо XX века». Действительно, чудо. Ирина испытывает волнение. В ее собрании пластинок, кажется, все арии и песни Шаляпина. А сегодня она увидит, услышит его живого. Из всей советской колонии в оперу пойдет только она одна. Ей, как журналистке, «по штату» положено. А вот дипломаты не пойдут. Шаляпин — эмигрант. Эти два слова такие несовместимые, вызывающие чувство протеста. Русский плоть от плоти, бунтарь — волжанин и вольнодумец, друг Горького, Федор Шаляпин увез Гения Шаляпина, его искусство, его голос — национальное достояние России — на чужбину. И это национальное богатство разменивает на сребреники. Чего ему не хватало на Родине: славы, восторженного почитания, любви, денег? Все у него было. Вот уж поистине «наступил на горло собственной песне».

И что привело его на склоне лет в Финляндию, размышляет Ирина. Вчера, говорят, он поехал в Куоккала, откуда виден Сестрорецк, видна Россия. Бродил по местам, где в свое время жил вместе с Горьким. Пришел на берег моря, взобрался на валун и старческими слезящимися глазами всматривался в родной берег, слушал, как женщины вальками бьют белье на сестрорецком берегу, и пел, пел свою последнюю прощальную песню, обращенную к родине. «Степь да степь кругом широка лежит, в той степи глухой замерзал ямщик. И в последний час, чуя смерть свою, он товарищу отдавал наказ». Говорят, пел, не жалея голоса, пел так, что на том берегу было слышно. И умолк стук вальков. Федор Иванович подошел совсем близко к воде, и отлогие волны мягко и ласково касались его ног. А он в каком-то озорстве, как мальчишка, запустил с ладони по воде не то кольцо, не то золотую монету, и она поскакала туда, в родную сторону, оставляя за собой круги. Оглянувшись, прогнал всех от себя: и жену, и антрепренера, и секретаря, и случайную публику, оказавшуюся здесь. Долго стоял молча на валуне. Какие мысли волновали его? Может быть, стыла душа и он чувствовал свой смертный час и смертный грех перед родиной. Как знать?

«Степь да степь кругом широка лежит, в той степи глухой замерзал ямщик...» — напевала Ирина, и спазмы в горле душили ее.

Раздался телефонный звонок.

«Наверно, Надюшка», — подумала Ирина, поднимая трубку.

— Да, я слушаю.

Но в ответ раздался голос Яркова.

— Здравствуйте, Ирина Александровна. Вы чем-то расстроены?

— Нет, нет, с чего вы это взяли?

— В вашем голосе мне почудились слезы.

— О нет. Я не умею плакать.

— Ирина Александровна! Вы мне очень нужны. Нам надо поехать в корпункт и просмотреть газеты. Я отпустил Петра, а тут неотложное дело. Очень нужна ваша помощь. Я жду вас внизу в машине.

— Через пять минут выйду, — ответила Ирина и повесила трубку. Сняла халат, надела коричневую юбку и пушистый желтый пуловер, натянула на голову берет и побежала вниз, недоумевая, зачем она потребовалась консулу. А может быть, это предлог, чтобы повидаться с ней? Эта мысль была приятна Ирине.

Но Константин Сергеевич только мельком взглянул на нее, распахнул переднюю дверцу машины и деловито сказал:

— Здравствуйте! Садитесь. Я, наверно, нарушил ваши планы, но иначе поступить не мог.

— Нет, нет, до вечера у меня никаких дел.

— А вечером? — спросил Константин Сергеевич и только теперь заметил, как идет Ирине желтый пуловер с высоким воротом, и коричневый берет словно опушен золотистыми завитками волос.

— Вечером я иду в оперу. На Шаляпина.

— Любопытно.

— А у вас что-то случилось? — спросила она.

— Да. У меня только что был адвокат товарища Антикайнена. Финский суд в третий раз затеял слушание дела. Они во что бы то ни стало решили физически уничтожить Антикайнена, стряпают против него новое дело, чтобы добиться своего, приговорить его к смертной казни.

— Вчера об этом в газетах ничего не было, — с тревогой в голосе сказала Ирина. — А сегодняшние я еще не видела. Что же могут еще выдвинуть против него? Ведь осудили на восемь лет каторжных работ за «государственную измену» — сиречь за коммунистическую деятельность.

Тойво Антикайнен! Это «северный Димитров», как называют его газеты, убежденный коммунист, отважный борец за свободу финского народа. Десять лет он сумел жить и работать в Финляндии в подполье. Невидимый, неуловимый, он стал всеобщим любимцем финских рабочих и торпарей [1]. Десять лет разыскивала его охранка. Правые газеты утверждали, что Антикайнен живет в Москве, имеет целый штат помощников, разъезжает по советской столице в машине, завешенной шторами, а его обращения к финскому народу, к финским рабочим перевозятся в Финляндию советской дипломатической почтой. Но финские рабочие знали, что он здесь, где-то рядом, что он досконально знает их нужды, их помыслы. Он немедленно откликается на все события, подсказывает, как поступить рабочим, которых выгнали за ворота завода, как организоваться на борьбу.

И вот в ноябре 1934 года охранка напала на след руководителя финских коммунистов. 6 ноября отряд полиции окружил дом в деревне Кирконуме, где скрывался Антикайнен, и арестовал его. Арест Антикайнена был сенсацией. Реакция, фашистская организация «Национально-патриотическое движение» торжествовали победу: пойман вождь финских коммунистов!

Государственный прокурор Плантинг торжественно заявил еще до начала судебного процесса, что он потребует смертной казни Антикайнену. Сыскному искусству охранки воздавалось должное. Теперь уж нечего было кивать на Москву. Газеты писали о том, что Антикайнен десять лет жил и работал в Финляндии и был неуловим. И, наконец, схвачен.

«Смерть Антикайнену!» — требовала финская буржуазия.

«Свободу Антикайнену!» — ответили рабочие всего мира.

Тойво Антикайнена осудили на восемь лет каторжных работ и «навеки» лишили его всех гражданских прав.

Чтобы скрыть от общественности ход судебного разбирательства, его судили в тюремной церкви. И когда прокурор говорил о нарушении Антикайненом христианской морали, Тойво насмешливо воскликнул:

«Если бы сам Иисус, именем которого вы спекулируете, очутился сейчас в Финляндии, то был бы схвачен, и осужден за «государственную измену», и, вероятно, находился бы в соседней со мной камере...»

...В корпункте в передней у порога лежал целый ворох газет.

Константин Сергеевич собрал их и положил на стол.

Ирина Александровна отобрала финские и шведские газеты, Константин Сергеевич — английские и немецкие. И оба молча стали листать их.

— Вот маленькая заметка, — сказала Ирина. — Назначается новое слушание дела Антикайнена по обвинению его в уголовном преступлении — в убийстве. И ничего больше.

— Чудовищно! — произнес Константин Сергеевич.

— А вот в шведской более подробно. Пишут о том, что во время гражданской войны, когда Антикайнен возглавлял отряд по борьбе с белофиннами, отражая нашествие на Советскую Карелию, по его приказу будто бы сожгли на костре белого финна Мариниеми.

— Теперь понятно, — сказал Константин

[1] Торпари — мелкие крестьяне-арендаторы.

Сергеевич. — Такое обвинение грозит смертной казнью. Они добиваются своего...

— Я должна немедленно послать телеграмму в Москву, — сказала Ирина. — Советский народ должен знать, как расправляются с коммунистами, к каким грязным методам прибегают. Наш народ откликнется, скажет свое веское и гневное слово.

— А мне теперь понятно, почему адвокат Антикайнена принес список советских граждан, которых товарищ Антикайнен просит вызвать из Советского Союза в качестве свидетелей защиты. Все эти граждане участвовали в гражданской войне, входили в отряд Антикайнена и расскажут на суде правду. По требованию прокурора Плантинга суд собрал более шестидесяти подставных лиц в качестве свидетелей обвинения. Адвокат говорит, что набрали всяких белогвардейцев и теперь инструктируют их, что они должны показывать на суде. Нужно срочно разыскать людей, которых указывает Антикайнен. Мы обязаны сделать все, чтобы спасти Тойво. И, знаете, как тесен мир. В свое время в 1921 году, когда я был посажен в корабельную тюрьму во время Кронштадтского мятежа, Антикайнен участвовал в подавлении этого мятежа, и, может быть, именно он открыл мне тогда двери тюрьмы.

— В наши комсомольские годы Тойво Антикайнен был одним из любимых героев молодежи, и думала ли я тогда, что увижу этого легендарного человека снова в бою: уголовный процесс будет открытым, и туда пустят журналистов.

— Я поехал, — сказал Константин Сергеевич. — Вы остаетесь?

— Да, конечно.

И застучала машинка. Ирина печатала быстро, одним дыханием, скупые, но полные гнева строки. Дождалась вечерних газет, которые выходили в три часа дня. «Красный генерал Антикайнен — убийца», — сообщали газеты.

Немногим более двух лет прошло со дня позорного провала Лейпцигского процесса, который окончился победой Георгия Димитрова. Черным силам реакции не удалось осудить и уничтожить руководителя Коммунистического Интернационала Георгия Димитрова. Он из обвиняемого превратился в обвинителя. Это была ошеломляющая победа коммуниста над фашизмом. Фашистский суд вынужден был оправдать Димитрова. Но теперь будет сделано все, чтобы не выпустить живым Антикайнена.

Ирине не хотелось идти в оперу. И все же она пошла. Это ее долг, корреспондента. И она все должна видеть своими глазами.

Надела вечернее, но очень скромное платье. Она знала, что в опере будет весь «свет» Финляндии. Дамы шили туалеты специально для этого спектакля.

Ирина заняла место в ложе, осмотрела в бинокль зал. Сколько здесь, в театре, русских эмигрантов! Бывших царских офицеров, бывших фабрикантов, помещиков, белогвардейских чинов из армии Юденича, Деникина, Врангеля, Колчака... И они считают Шаляпина «своим». Больно об этом думать. Напротив в ложе сидела полная дама, сверкая бриллиантами. Рядом с ней директор оперы, какие-то сановные дамы. Очевидно, это жена Шаляпина. Говорят, она сыграла злую роль в его судьбе.

Кощунственной казалась здесь, в этом сборище, музыка Мусоргского, великое творение Пушкина «Борис Годунов».

Голубой бархат занавеса заколебался и волнами поплыл вверх, в зрительном зале слышался говор, дамы обмахивались веерами, слушали плохо, все ждали Шаляпина. И вот появился царь Борис. Великий актер выделялся из всего ансамбля. Шаляпин пел по-русски, его партнеры исполняли свои партии по-фински. Ирина была разочарована. Это был не тот голос Шаляпина. Что делает старость и болезнь! А может быть, Федор Иванович берег остатки своего драгоценного дара и пел вполголоса? Знаменитый шаляпинский бас звучал глухо. Остались артистизм, его несравненное мастерство. Но, увы, голос был глух. И только раз звенящей тоской в примолкнувшем зале отчаянно скорбно прозвучало: «Но счастья нет моей душе» и снова: «Мне счастья нет!» — это был вопль души актера.

После второго акта Шаляпину устроили овацию. Раздавались голоса по-русски: «Браво! Гордость матушки-России!».

К ногам Шаляпина несли и несли корзины с цветами. Кто-то передал большой букет роз, перевязанный бело-сине-красной лентой, концы которой спускались до пола. Раздались аплодисменты: букет был перевязан лентой царской монархии, флагом царской России. Ирине вспомнился рассказ очевидца о том, как в 1905 году, когда Шаляпин с Горьким ехали в поезде из Финляндии в Петроград, в вагон заглянул таможенный чиновник и привычно спросил: «Что имеете не подлежащее ввозу?» И в ответ раздался шаляпинский веселый бас: «Везем русскую революцию!».

В зале царила неистовая, почти истерическая овация. Ирина стояла, крепко сцепив руки. Шаляпин дрожащими пальцами отвязал ленту от букета и резким движением руки, не глядя, передал ее служителю. Он как бы отделил себя от этой своры, и Ирина была готова простить ему многое за этот жест. Ей хотелось крикнуть «браво!».

Шаляпин кланялся, кланялся степенно, а лицо его было скорбно. Даже грим не мог скрыть ни болезненно впалых щек, ни потухших глаз.

С заключительного акта Ирина ушла. В висках звучали и переплетались слова: «В той степи глухой умирал ямщик» и «Мне счастья нет». Ямщик и царь. Ямщик и царь...

Ирина перешла дорогу. Остановилась на крыльце полпредства. Между зданием оперы и полпредством, посередине проезжей части дороги, рос огромный, многовековой дуб. Люди, прокладывавшие дорогу, пощадили красавца, оградили его высокой чугунной решеткой, что-

бы его не повредили машины, заботливо взрыхляли вокруг него землю, засевали ее травой. Сейчас он был облит серебристой мглой белой ночи, почки еще не раскрылись, но уже набухли.

Ирина еще раз взглянула на освещенные окна оперы и нажала звонок на двери. «Мне счастья нет!» — звучало в ушах.

ГЛАВА 5

Уроки финского

Был весенний, теплый и душистый день. Пахло разогретой смолой, зеленым клеем молодых листьев, влажной землей. У больших гранитных валунов с северной стороны еще лежали, прижавшись к камню, отлогие ноздреватые сугробы, из-под которых, звеня по камушкам, вытекали ручейки.

Отец Вани перекинул себе на шею широкий ремень, заправил его под руки, перехлестнул концы за спину, зацепил петли за ушки плуга и потащил его по земле. Мать повела плуг за ручки. Лемех вспарывал землю, то и дело натыкаясь на камни. Тогда отец выпрягался, брал лопату, выкапывал камень, относил его на край поля, где уже образовалась каменная гряда. Если валун был большой, тогда они всей семьей перекатывали его через поле. Бывало, что под слоем дерна плуг упирался в скалу. Тогда отец обходил ее по краю.

Ване предстояло соорудить огород на плоском, как сундук, огромном валуне, возле которого приютился их красный домик. И еще у Вани была обязанность следить за четырехлетним братишкой Колькой, которого теперь здесь отец называл Кокко. Но для Вани он оставался Колькой. И забот с ним было много, особенно сейчас, весной. У братишки не было чувства страха, он мог пойти один в лес, где легко можно заблудиться. Однажды он побежал за змеей, хотел схватить ее за хвост. А это была гадюка. Их здесь множество. После зимней спячки они голодные, злые, почти плоские, и в лесу то и дело попадаются их серые сморщенные чулки: змеи меняют кожу. Змей боится даже Дружок. Услышит шорох гальки на дорожке, подожмет хвост и бросается на крыльцо и уже оттуда, подняв хвост трубой, отчаянно лает.

Ваня насыпал еловых шишек на крыльцо, чтобы Кольке было чем заняться, свистнул Дружка, взял плетеную корзину, лопату и отправился в лес. Накопал земли, воткнул в мох под березой лопату и понес корзину в дом. Высыпал ее на валун. Колька разлегся на крыльце, сбрасывал шишки вниз, в ручеек, и следил, как они уплывали вниз под горку. Отец, словно бурлак с картины Репина, подавшись грудью вперед, тащил плуг. Тяжкая работа. И если бы не камни... В Карелии тоже много моренных гряд и валунов. С ледникового периода остались. Это Ваня в школе изучал. Но там, в колхозе, с этими камнями справляются бульдозеры, землю пашут большей частью на тракторах, и только там, где трактору неспособно, плуг тянет лошадь. Посмотрели бы колхозники, как отец даже не на лошади, а на себе волочит плуг. Наверно, жалеет, что уехал. Но молчит. Мать каждую пенни экономит, на лошадь собирает. И зимой к помещику батрачить ходит, за коровами ухаживает. Жили в колхозе, на вольной земле и вдруг очутились в чужом мире. Год назад Ване даже во сне не снилось, что он может очутиться в старом мире, где есть живые помещики, фабриканты. Отец часто заговаривает с Ваней о том, что неплохо и ему пойти поработать у помещика. Но сын едва за зиму одолел пару сотен финских слов и говорит так, что понять невозможно. А Ваня и не желает изучать финский язык. Ни к чему это. Пройдет еще три года, он уедет обратно, к себе на родину, в родной колхоз.

Мальчик взял корзину и снова пошел в лес. Дружок побежал за ним. Под березой, рядом с лопатой, Ваня увидел фиалки, бледно-сиреневые, нежные и пахучие. Как там, дома, в лесу под Сороками. Он набрал букетик цветов, сел на пенек, стал перебирать бледные душистые лепестки, а потом уткнул в них лицо и заплакал.

Дружок сел рядом. И вдруг залаял. Ваня вскочил. Змея? Нет, какой-то незнакомый парень идет по тропинке.

— Дружок, к ноге, — приказал Ваня. Пес покорно уселся, сердито ворча.

Молодой человек остановился, посмотрел на мальчика.

— Хювя пяйвя!

— Хювя пяйвя, — хмуро ответил Ваня, незаметно смахивая слезы. Незнакомец о чем-то Ваню спрашивал. Говорил быстро.

— Миня ей юмарра, — сказал Ваня. — Не понимаю. Миня олен венялайнен (я русский).

Парень взъерошил на голове волосы и свистнул, потом присел перед Ваней на корточки и стал медленно, раздельно говорить, помогая себе руками.

Ваня скорее догадался, чем понял, что его спрашивают, как он сюда попал и где живет. Мальчик показал рукой в сторону дома, кинул в корзину несколько лопат земли. Парень взял корзину, легко взвалил ее себе на плечо.

Подошли к дому.

— Се олен минун ися я эйти (вот мои отец и мать), — сказал Ваня.

Молодой человек подошел к отцу, который остановился, выпрягся и, вытирая рукавом рубашки пот с лица, стал о чем-то говорить. В разговор вступила мать. Ваня понял, что говорят о нем.

Отец сбил с башмаков налипшую землю, и все трое пошли к крыльцу.

— Этот молодой человек, — сказал отец Ване, — бывший студент. Живет здесь, неподалеку. Хочет изучать русский язык, а тебе надо

поскорее справиться с финским. Он предлагает бесплатно обучать тебя финскому, чтобы ты, тоже бесплатно, обучал его русскому. Так на так, — пояснил отец, перекладывая кисти рук с одной на другую. — Нам нанимать учителя пока не на что, мы же с матерью плохие учителя.

Ваня вспомнил совет консула Яркова: «Изучай финский язык, он тебе никогда не помешает. Упорно изучай». Да и самому Ване было лестно стать учителем русского языка. В школе по литературе и русскому у него меньше четверки отметок не было. И Ваня согласился.

— Меня зовут Эйно, — сказал студент. — Я работаю конюхом у помещицы. Из университета ушел с третьего курса, отец умер, и мне нечем было платить за обучение. Заниматься будем по вечерам.

С этого дня жизнь Вани изменилась.

Утром он занимался с братишкой, таскал землю на валун, разделывал грядки, по указа-

В дождливую погоду занимались дома. Эйно' показывал пальцем на предмет и называл его по-фински, а Ваня — по-русски.

нию матери посадил лук, посеял морковку, укроп, петрушку, редис. К вечеру являлся Эйно.

В дождливую погоду занимались дома. Эйно показывал пальцем на предмет и называл его по-фински, а Ваня — по-русски. И оба записывали: Эйно в Ванину тетрадь по-фински, а Ваня в тетрадь Эйно по-русски. Стали учить счет. Ваня умел считать до ста. Но как только он произнес «юкси» (один), Эйно отрицательно замотал головой.

— Это самый трудный звук для иностранцев. Ты думай «у», а произноси «ю» — тогда получится.

Зато Эйно с трудом справлялся с твердыми гласными «г», «б» и «д». У него одинаково звучали: гора и кора, палка и балка, дом и том. Но Эйно был упорен, как кремень. И страсть соревноваться с этим веселым и упрямым парнем захватила и Ваню.

В погожие дни они бродили по лесу, спускались к озеру, называли по-русски и по-фински деревья, цветы, травы. Шла веселая перекличка.

Ваня говорил, что финский язык самый трудный на свете, а Эйно утверждал, что труднее русского нет.

— Ну как же, — доказывал Ваня, — пёйта — стол, пёйдала — на столе, пёйдаллани — на моем столе. — А Эйно по привычке лохматил свои светлые волосы и говорил, что трудно постигнуть, чтобы из глагола «идти» в прошедшем времени образовались совсем непохожие слова: шел, шла, шло, шли.

К осени они уже могли разговаривать и на финском и на русском. Ваня изо всех сил старался, чтобы не отставать в знаниях от Эйно, но угнаться за ним не мог.

— Это потому, что ты хороший учитель, — говорил Эйно.

Однажды они шли по опушке леса. Наступил вечер, на траве осела седая роса. Небо было темное, как колодец, и в нем плавали яркие звезды.

— Звезда! — сказал Ваня. А потом, растопырив пальцы обеих рук, как бы охватывая ими небо, сказал: — Звезды. Много звезд. Какая твоя любимая?

Эйно по привычке засунул пальцы в волосы, а потом нагнулся и на траве щепотью нарисовал пятиконечную звезду. Она ярко засветилась лунным светом. Эйно быстро стер изображение.

Ваня пристально посмотрел на него. Неужели он свой, может быть, финский комсомолец? Но спросить постеснялся.

— Давай продолжать урок, — как ни в чем не бывало предложил Эйно. — Ты любишь свою родину? — спросил он по-фински.

— Да, я очень люблю свою родину, — ответил Ваня и сам задал тот же вопрос Эйно по-русски.

— Я больше всего на свете люблю родную Финляндию, — убежденно сказал Эйно.

— Но у вас тут хозяйничают фашисты, запрещена коммунистическая партия, вождь коммунистов Тойво Антикайнен сидит в тюрьме, в школе нельзя организовать пионеротряд, создать комсомольскую организацию.

— Может быть, поэтому я так сильно люблю родину, — сказал задумчиво Эйно.

— Но ты даже не можешь учиться в университете, там надо платить большие деньги, — сказал Ваня. — За это любишь?

— Поэтому люблю.

Ване стало не по себе. Неужто Эйно, которого он успел полюбить, — чужак?

— Почему же ты нарисовал красную пятиконечную звезду и сказал, что она твоя любимая? — спросил Ваня, все еще не желая потерять доверия к этому человеку.

— Откуда ты взял, что она красная? — рассмеялся Эйно. — Она ведь ярко-зеленая.

— А что означает зеленая звезда?

— Зеленый цвет — цвет надежды.

Ваня возвращался домой в смятении. Так кто же Эйно — свой или враг? Как это можно любить за неволю, за несправедливость? И зачем Эйно изучает русский язык?

На следующий день Ваня, завидев, что по дорожке в положенный час шагает Эйно, выпрыгнул в окно и ушел в лес.

Он слышал, как мать окликала его, выйдя на крыльцо. Видел, как в окне мелькала тень Эйно и как он по привычке ерошил волосы. Ваня устроился на суку дерева и мучительно думал о том, кто такой Эйно. Зачем ему нужен русский язык в Финляндии? Почему он так жадно расспрашивает Ваню, как строился Беломорканал, сколько в нем шлюзов? Как живут и работают колхозники? Какой урожай собирают? Как принимают в комсомол и какую работу ведут комсомольцы?

Ваня честно и подробно рассказывал ему. И, может быть, помогал этим врагу? Не хочет ли Эйно тайно пробраться в Советский Союз? Может быть, он шпион? От этой мысли Ване сделалось холодно.

Эйно долго ждал Ваню, а он слез с дерева только тогда, когда услышал, как хлопнула дверь, и увидел тень удаляющегося Эйно.

— Куда ты девался? — сердито спросил отец. — Почему сорвал урок? Этот славный парень ушел очень встревоженный. Он сказал, что у вас сегодня должен был быть очень важный урок.

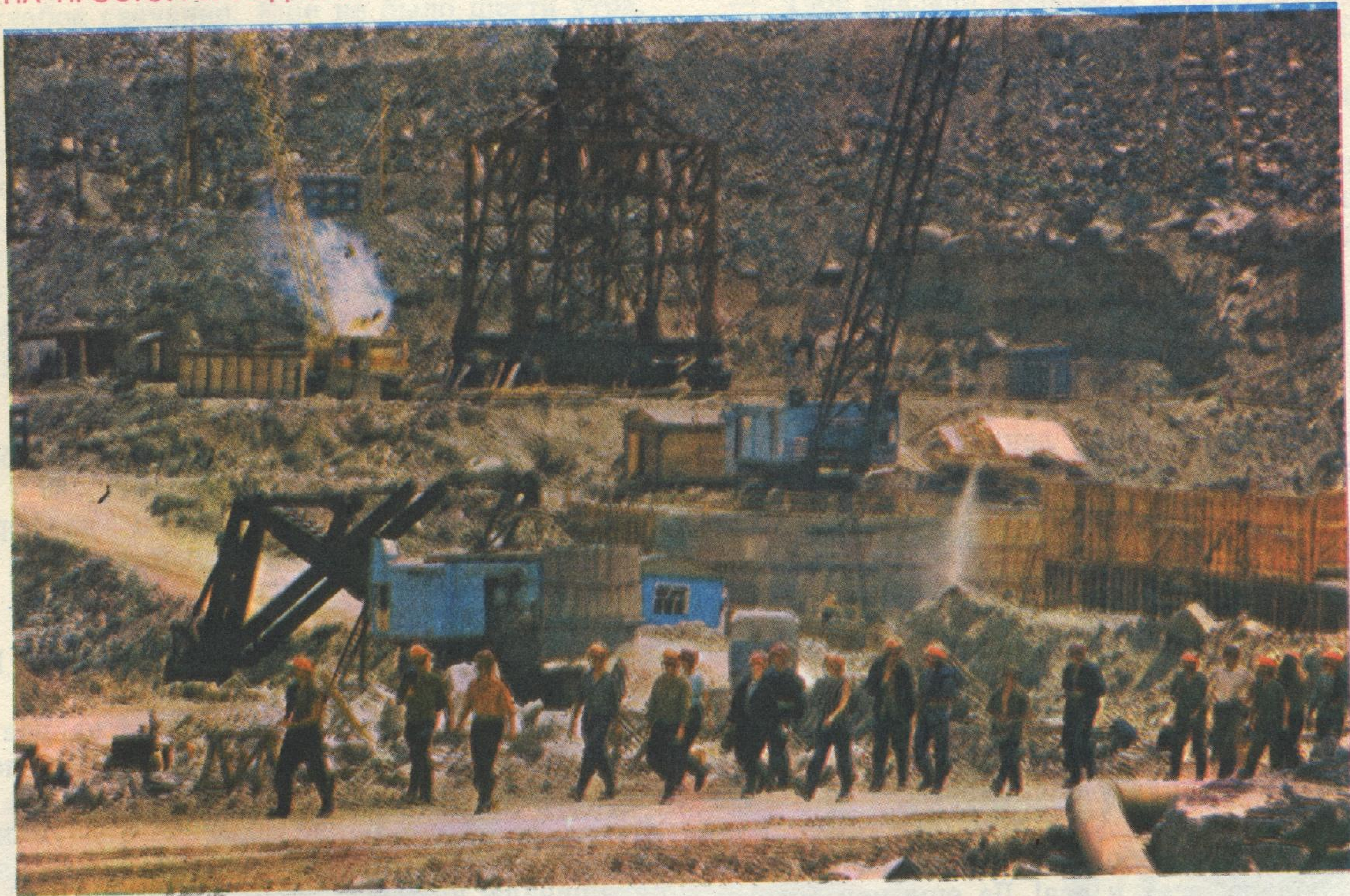
— Хватит! — резко ответил Ваня. — Отзанимался. Больше мне с ним делать нечего.

Отец только развел руками: ну и неслух растет. Что будет дальше?

Ваня ушел к себе за перегородку, улегся на кровать, бил кулаками подушку и проклинал себя за болтливость.

На следующий вечер повторилось то же самое. Ваня ушел в лес. Он избегал встречи с Эйно.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

СТУДЕНЧЕСКИЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ

Несколько лет назад наш студенческий строительный отряд работал на Ангаре. Сейчас там строится Богучанская ГЭС, гремят взрывы, а тогда было десять домиков в тайге — небольшой поселок леспромхоза Тагара, в котором мы жили.

Мы вязали плоты. Огромные—длиной в сто, а то и двести метров. Спускали их до устья Ангары и дальше вниз по Енисею. Нелегко нам приходилось: проволока толщиной в палец, мокрые спины бревен, а над водой стоит марево — мошка.

Мы уже были второкурсниками, проучились вместе год, подружились и даже думали, что хорошо знаем друг друга. Но там, в Тагаре, оказалось, что это не так. Парень, которого мы не хотели брать на Ангару — думали, не выдержит, стал крепким товарищем, очень нужным человеком в отряде. А другой, которого мы считали сильным и надежным, сбежал из отряда. Сбежал ночью, тайком.

Проверка стройотрядом показала, чего стоит каждый из нас. Мы вернулись в институт и по-прежнему учились все вместе. Но совсем по-другому стали относиться друг к другу...

Для всех уже стало привычным: студенческий год — два учебных семестра и третий, трудовой. За экзаменами учебными — экзамены посложнее.

А началось все двадцать лет назад в совхозе «Булаевский» в Казахстане. Туда в 1959 году отправился первый стройотряд физического факультета МГУ. Будь в целости тот саманный домик, в котором они жили, он стал бы памятником. С него начинался путь, пройденный Всесоюзным студенческим строительным отрядом.

Каждое лето шестьсот тысяч студентов надевают знаменитые «целинки» — стройотрядовские куртки и едут за тысячи километров в Сибирь, Якутию, Казахстан.

Студенческое лето короткое—всего два месяца, но, посмотри, что успели сделать все бойцы стройотрядов только за последние пять лет:

протянули линию электропередач, равную длине экватора;

проложили столько километров железных дорог, что если их сложить, можно проехать от Москвы до Байкала;

сдали в эксплуатацию 77 699 зданий — большой современный город.

В апреле этого года в Алма-Ате проходил Всесоюзный слет студенческих отрядов. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев обратился к слету с приветствием, в котором высоко оценил труд студентов:

«Студенческий миллиард, осваиваемый ежегодно на важнейших объектах ударного строительства,— убедительное свидетельство, что учащаяся молодежь стала реальной силой в осуществлении заданий десятой пятилетки».

М. ХРОМАКОВ

Леонид НЕЧАЕВ,
участник VII Всесоюзного совещания молодых писателей

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО

Красавка

Скотница Катерина, ленивая, но, впрочем, весьма добродушная, вчера сказала:

— Вот вам корзина — сечку будете таскать, а вот навозная лопата — коровник чистить. И вся практика...

Четырнадцатилетних мальчишек и девчонок школа направляла на ферму для практики по уходу за животными. Катеринина ферма стояла на отшибе. Алеша Шеломов попросился именно сюда, потому что здесь теперь жила Красавка.

Когда-то она жила у Шеломовых. Как ни любили ее Шеломовы, а нужно было с ней расстаться. Соседи требовали... Несносен был ее норов, бодала всех и вся! Да еще как бодала: то соседа Кузьму в спину ковырнет за то, что он ее из избы пинками выгнал, когда она у него на столе соль вылизывала, то тетку Соловьиху в голень пырнет за брань ее несусветную, то Егоровой корове совсем зря бок проткнет. А то за малым Васяткой погналась было, досмерти напугала...

Набуйствовала немало.

Кто-то советовал учить ее боем, да кто из Шеломовых будет бить? Рога спилили, да не в рогах было дело — в норове, лбом бодаться стала. А рога были красивые — что твой месяц...

Одного Алешу одаривала она своей дружбой. Слыханное ли дело: Алеша сиживал у Красавки на лбу, как на троне, держась за грозные рога!

Дружба есть дружба. Под солнцем ли, под дождем ли — на совесть выпасал Алеша Красавку; поил из оцинкованного, словно облепленного морозом, ведра; чесал ей бока, когда линяла; шептал утешные слова и целовал ее шершавую морду, когда отлучали от нее бычка с выпуклыми коленками, с курчавым лбишком, на котором прощупывались рожки, словно молодые твердые картошинки.

И попала Красавка в колхозное стадо.

В стаде были коровы посильней — они отучили ее задираться и своенравничать, и стала она обыкновенной, равнодушной коровой. В книге значились ее годы — шесть лет, и масть — красно-палевая. А над ее местом приколотили табличку: «КРАСАВКА».

Алеша часто проведывал ее и приносил гостинцы: ломти хлеба, густо посыпанные солью. Ничего слаще не едала Красавка!

— И чем ты только ее взял? — спрашивала Катерина. — Такая зверь, а вон как к тебе ластится...

Алеша пожимал плечами, а завфермой, угрюмоватый, но добродушный дядька, туго, будто со скрипом улыбался:

— Лаской, должно, да вниманием...

— Али я не такая? — избоченивалась Катерина.

— Значит, не такая, — косился на нее завфермой и, ссутулясь, шел себе дальше по делам.

Когда Алеша уходил, Красавка недоуменно и тоскливо смотрела ему вслед, мычала, словно спрашивала: куда ты?..

У Алеши была очень тощая шея, и сам он был худ, но изрядно жилист и ухватист. Суточное дежурство для него не было обременительным, так как он знал всякий труд и работал порой наравне со взрослыми.

Алеша, в отличие от сверстников, не увлекался спортом. Кто-то ходил на руках, кто-то дальше всех заплывал, кто-то забивал великолепные голы. А он с утра до вечера управлялся с разными делами. И воды натаскает, и дров наколет, и травы наносит.

Сам во дворе печь поставил — варить в ведре тыкву для поросенка.

Никогда он не поднимал штангу, поэтому ровесники, бравшие в рывке за шестьдесят, не знали, как к нему относиться: с виду вроде хилый, а ведет себя как серьезный мужик. Если судить по мешкам, в которые набирается до пятидесяти килограммов картошки, то он горазд их весь день таскать. Им не нравилась его самостоятельность, и были у них узкие дорожки, где они могли обидеть паренька...

Да вот только слишком спокойно смотрели его взрослые глаза.

Алеша путал ребятам все карты; из-за него не знали, кто же первый силач, кто «хозяин» деревенской улицы, школы. Никто точно не знал. Ведь всегда возникал вопрос: а Алешка? К Алешке не подступишься, не померяешься силой, не сразишься. И перестали его брать в расчет. Принимали за взрослого. И все мерки к нему шли по взрослой части.

Накануне дежурства Алеша провел беспокойную ночь, просыпался, вскакивал, хватался за будильник. От декабрьских сугробов в оконца

Из цикла рассказов «Сладкая соль».

шло слабое свечение. Еще не было шести утра, а он уже скрипел снегом, спеша к коровам.

Нужно было идти километра три полем. Полы кожуха цеплялись за черный вымороженный кустарник. Слева виднелась темная пропасть леса. В соседних деревнях, что едва угадывались вдалеке справа, еще не зажглось ни одного огонька. Только прыгали в жестком воздухе звезды. Алеша с наслаждением втягивал в грудь запах хвои, наплывавший от леса.

С трудом открыл он огромную створку ворот, проскользнул в тепло коровника. Заспанная Катерина удивилась его раннему приходу и стала отпрашиваться:

— Отпусти ты меня, милóй, на часок: сын Николай с флота на побывку прибыл! Ты мужик с понятием, справишься... А?

Алеша вздохнул: вот всегда так — ты сильный, справишься! Однако тетку Катерину пожалел, отпустил. Раз сын, пусть идет...

Напарник Юрка Прокудин все не являлся. Алеша уже засыпал почти все ясли сечкой, и только тут подоспел Юрка, он был чернявый рослый парень, на него уже засматривались девушки. Но Алеше не было до этого дела.

— Меняй подстилку! — крикнул он Юрке.

— А где тетка Катерина?

— Тебе сказано: меняй!

Ладно, ладно! Председатель нашелся... А где все-таки Катерина?

У нее Николай... На побывку приехал. Побежала на часок полюбоваться.

— Николай — моряк... — с завистью протянул Юрка. Он смерил взглядом Алешу и усмехнулся. — А ты никогда моряком не будешь. Не возьмут. Коротковат.

Алеша молчал. Прокудин был глуп, это всем известно. Но вот иногда кольнет же!

— Почему Красавка волнуется? — спросил Алеша.

— Ты у Красавки подстилку менял? — как ни в чем не бывало спросил Алеша.

— Поменял... Я на флот пойду. Мне в военкомате сказали. А с флота в институт. Потом буду к вам, мужикам, в деревню ездить, невест отбивать...

— Почему Красавка волнуется? — перебил его Алеша.

— Стельная, вот и волнуется. Сам не видишь, что ли...

Красавка была неспокойная, переминалась,

оглядывалась на свой провисший живот, мычала, смотрела на людей.

«Почему ее в родильное отделение не поставили? — хмуро подумал Алеша. — От Катерины все заботы как от стенки горох».

— И зачем я только отпустил Катерину! — жалобным голосом произнес Алеша.

Такого голоса Юрка еще никогда не слышал.

«И ты, оказывается, бываешь слабым», — думал Прокудин.

— Слушай, Юр, Красавка помощи просит... У нее сейчас отел начнется.

Юрка невозмутимо хлопал выпуклыми серыми глазами.

— Ну и пускай с богом телится. Чего ей помогать? Дикие животные сами телятся. Оленихи, например...

— Сами, сами! Вот у Красавки сейчас теленок пойдет — что делать?

— Ну и что? Бывает, коровы в поле телятся, тоже сами, и ничего...

Уж очень не хотелось Юрке выходить из теплого помещения и бежать за кем-то... Ведь Юрка Прокудин не завфермой и не ветеринар и ни за что не отвечает; в конце концов он просто отрабатывает урок труда.

Красавка беспокойно тянулась к животу, подавала тревожный голос. Алеша вырвал из Юркиных рук вилы и приказал:

— Беги за Катериной, зови людей. И чтоб пулей!

Юрка нарочито вразвалочку пошел к выходу.

— Пулей! — завопил Алеша и швырнул в ноги Юрке корзину. Тот подскочил и, оглядываясь на вилы в руках Алеши, потрусил к воротам.

Светало.

У крайней избы мужики пилили старый могучий тополь. Они попросили Юрку подсобить. Тополь дрожал последней дрожью. Юрка, разинув рот, ждал его падения. Он забыл все на свете.

...На ферме стоял голодный рев: не все ясли были засыпаны кормом. Алеша не обращал внимания на других коров.

— Красавка, Красавица, Красавушка... — тихо приговаривал он и гладил шею роженицы.

Шло время. Люди не появлялись.

«Ну как так можно? — мрачно думал Алеша. — Бросила ферму на произвол судьбы, на мальчишку».

Юрку он даже не проклинал, потому что у того никогда не было совести. Прокудина никто, кроме Алеши, не брал к себе в пару.

Красавка волновалась все больше. Алеше и жалко и страшно было смотреть на мохнатую громаду Красавкиного тела, ее огромные глаза просили о помощи.

Юрки с Катериной все не было.

Алеша целовал коровью морду и не отрывал взгляда от ворот.

— Сейчас, сейчас, хорошая... Сейчас придут...

«Ну, держись, Юрка!» — в гневе и отчаянии вдруг стиснул он кулаки.

— Красавка, хорошая, милая...

Все. Никто не придет...

Алеше как будто даже стало легче. Он вздохнул и уверенно, собранно и строго, как всегда делал его отец, колхозный ветеринар, стал помогать Красавке.

...Когда прибежали люди: Катерина, сын ее Николай, Юрка Прокудин, Шеломов-старший, Алеша уже вытер мокрого теленочка жгутом соломы и, посыпав солью, поднес его под Красавкин язык. Она лизала свое дитя. Это был бычок. Мишка.

— Ишь, массирует, — улыбнулся простодушной улыбкой моряк Николай.

Теленок сразу встал на ножки.

— Соси, соси, — приставляла Катерина его к вымени. Он начал сосать, как будто делал это не в первый раз. — Управился? — повернулась Катерина виноватым лицом к мальчику.

Алеша ничего не ответил. Он вышел из коровника, привалился затылком к стене. Руки задрожали, что-то поднялось в груди, подступило к горлу, и он заплакал.

И хорошо, что отец нашел его, плачущего, под стеной, набросил ему на плечи кожух и прижал к себе, как в детстве...

Как Сенька Босов суворовцем стал

Это было после войны...

Март сдирал с земли бересту снега. Как гром, грохотал весенний ветер. Лес, хмурый, заспанный, по-медвежьи ворочался и пошатывался на цепких раскоряченных лапах.

В избе было тепло, темновато и уютно.

Дед сидел на печи в одних подштанниках и в крепкой сыновьей гимнастерке. Вот уже какой год носит он гимнастерку! Не снимает ее ни летом, ни зимой, ни в будни, ни в праздник. Вещь военная, надежная... Старик свесил иссохшие ноги, пошевелил пальцами, почувствовал наслаждение в ногах, а потом и во всем теле и благодушно прикрикнул на внука:

— Ты не зевай в окошко, а пиши! Пиши, коли писать начал...

Сашка все макал и макал перо в чернильницу, но оно высыхало до золота, а на тетрадный лист так и не наползло ни одного слова.

— Дедунька! Как писать-то?

— Чево ты меня, темного, спрашиваешь? Пиши, как знаешь.

Сашка сжал всеми пальцами ручку и наконец вывел: «Письмо».

— Ты не горбься, не горбься! — лениво заявил дед.

Он очень уважал стройность и следил за осанкой внука.

— Дед, ты мне только мешаешь, а не помогаешь!

«Маршалу Советского Союза Жукову», — писал Сашка и радовался, что письмо идет гладко.

— Дедунь, а как писать, «русскому солдату» — с большой буквы или с маленькой?

— А ты и его написал? Не надо бы... Да коли уж написал, то лучше с большой.

«...Жукову, Русскому Солдату», — вставил Сашка крупные ровные слова.

— Дед, «вкратце» слитно пишется или раздельно?

— *Ты не зевай в окошко, а пиши!*

Мальчик вспомнил, как писали письма старшие, и приписал: «Из деревни Бабёнки».

— Дедунька, мне чего-то даже боязно стало писать...

— Чево боязно? Ай из робкого десятка? Так пиши... Как его...

— Вот именно «как его»? — передразнил внук.

— Ты вот как пиши: маршалу всего Советского Союза... Бумага серьезная и в ней надо все соблюдать. Жуков, он кто? Он маршал, самый первый русский солдат!

Дед уже надел ватные штаны и стоял посреди избы, гордо выставив изжелта-белую бородку.

— Раздельно... А может, слитно... Кто ево знает!

Потянулись первые предложения:

«Пишет Вам Александр Кормилицын. С большой просьбой насчет Сеньки Босова. Вы его, конечно, не знаете. Его отец погиб на фронте. А мать, Евдокия Демидовна, немцем бита и только что не казнена. А как немец-то покалечил ее, так всю высушило до последнего, сбил ее кашель с ног. Смучила ее хворь. А она упорная и самостоятельная, все таскает на своих костлявых плечишках мешки да кошелки, да тя-

желые вязанки. Не ровен час помрет. Так как же тогда Сеньке жить?

Сенька учится со мной в одном классе. Наше государство не обижает его, пташку горькую, а покупает ему каждый год пальто и сапоги. И учебники.

Ну и мы не из тех, кому ложки супа жалко. Если есть чем, то угощаем и жалуем. А живем пока ничего, с хлебом. Как после войны карточки отменили, и торговля стала вольная, так с тех пор жить все легче. Раньше рожь стоила восемьсот рублей пуд, а картошка — двести рублей пуд. А нынче против того времени куда лучше. Ржица стоит пятьдесят рублей...»

Сашка оторвался от дела, взглянув на деда ясными серо-голубыми глазами и спросил:

— Можно, я схожу воды попью? А то аж пить захотелось.

— Сиди! Я те сам принесу.

Старик зачерпывал воды и бормотал:

— А чео ему бегать? Писарь — так сиди и пиши. Дело важнеющее!

Напирал теплый ветер. Вороны уже не могли ломать крылья, и, растрепанные, ошарашенные, покорно и тупо сидели на дубах. Солнце золотым копытом проламывало и дробило лед. Лихорадочно дрожала синяя ширь поднебесная. Скоро пахать.

— Дед, ну что ты молчишь и в окошке ворон считаешь! Давай писать...

«Колхоз наш поставлен на ноги. Построена пилорама. Даже сейчас слышно, как она визжит. С завода куплен тракторный двигатель. Вон и радио у нас есть и по два велосипеда имеется. Да что и говорить!

Уже ручьи заиграли. Скоро пахать будем. Только вот Сеньку надо пристроить.

Пишет Вам Александр, то есть Сашка Кормилицын, и с большой к Вам просьбой принять Сеньку Босова в Суворовское училище. Извините, что не посылаю фотографическую карточку с него. За одно лицо берут тридцать рублей, а за весь рост пятьдесят рублей. Я хотел собрать со всего класса, а мне сказали: «Не влипай в чужое дело. Если ему нужно, то пусть сам скажет и собирает». А он ни за что в жизни не скажет, я его знаю!

Примите, пожалуйста, Сеньку Босова в Суворовское училище! Он очень охотится там учиться.

Писал Кормилицын, Сеньки Босова друг. Чаю получить ответ».

Сашка разложил листы на скобленом чистом столе и ждал, когда они получше подсохнут.

— Ух, дедунька, и много же мы написали!

Дед, одевшийся исключительно ради серьезного занятия, теперь снова разоблачился и полез на печь.

— Теперь, Санька, гляди в окошко... Может, кто по улице пройдет. Так ты меня толкни, я тоже погляжу, а то скучно...

Мальчику в глаза больно ударил свет.

— Дед, глазам на снег смотреть ломко.

— Устали твои глазки, детонька! Полезай ко мне!

Ночью дед с внуком проснулись. Сашка прижался к дедушке и шептал:

— Как ты думаешь, где сейчас идет письмо?

— Может, уже до самой Москвы дошло... А может, еще не дошло.

— Дедунь, а дедунь!

— Ай!

— Я ведь насчет себя хотел писать... А потом думаю: надо Сеньку сначала пристроить.

В поле и в лесу ровно гудел сладкий ночной ветер. Среди дубов в снегу, как пульс на руке, толкались подснежники.

...Через двенадцать дней на имя Александра Кормилицына поступил столичный пакет. Такого пакета в Бабёнках отродясь не видывали. Дед быстро оделся, причесал бороду, застегнул все пуговки на гимнастерке и только тогда разрешил вскрыть пакет.

Письмо было короткое.

Сашка прочел его вслух.

Дед засуетился, живо обулся в большие, не по ноге, сапоги, набросил полушубок, схватил в кулак шапчонку и вместе с Сашкой выскочил из избы.

Быстро шли они к крайней избе.

— Деда, — удивлялся Сашка, — то ты не ходок, а тут прямо бегом норовишь!

— Дело важнеющее! — отвечал дед, прижимая руку к груди, где за пазухой похрустывало письмо.

Вот и Босова изба. За ней только широкое поле, от которого идет мощный теплый дух.

— Эк! — повел рукой в сторону поля дед. — Не одне косточки — самую душу пробирает!

Сеньки дома не оказалось. Нашли его в поле под ветряком. Этот ветряк с одним крылом всегда казался Сашке вернувшимся с фронта одноруким солдатом: стоит он за деревней в длинной, до пят серой шинели и думает свою думу...

Сенька, сероглазый, пухлогубый мальчик в телогрейке со взрослого плеча, сидел в ворохе соломы и ладил из проволоки ручки к старым корзинам.

Поликарп поймал за рукав дернувшегося к Сеньке внука и начал было громко и торжественно:

— Сенька... То есть, Семен Босов... То есть...

Сенька медленно встал. Глаза его сделались большими и тревожно-серьезными.

— Сенька! — вдруг закричал, перебивая деда, Сашка. — Тебя же, — произнес он уже почему-то шепотом, — маршал Жуков в Суворовское принял...

От нечаянной вести Сенька уронил корзину и побелел с лица.

Сашка и дед Поликарп стояли навытяжку и почтительно смотрели на Семена Босова.

Что ты умеешь?
Чему ты научился?
Что ты узнал такое,
о чем хочется всем рассказать
и чего никто, кроме тебя, не знает?
С этого номера мы будем рассказывать
о тех ребятах, которые многое знают
и потому многое могут.
Наш первый рассказ
об изобретателе Игоре Артемьеве.

ИГОРЬ РАБОТАЕТ НАД НОВОЙ МОДЕЛЬЮ

С. ЧУМАКОВ,
главный редактор журнала «Юный техник»

С Игорем я встречался в Новосибирске на VI Всероссийском слете юных рационализаторов и конструкторов. Он привез туда действующую модель комбайна для уборки арбузов. (Можно перебрать весь парк современных сельскохозяйственных машин, такого комбайна нигде пока не существует. Так что эта машина из области научной фантастики, ну, например, как модель фотонной ракеты.)

Игорь подавал команды, нажимая кнопки выносного пульта, и ярко-желтая машина послушно двигалась вперед. Устройством, напоминающим широченные грабли, она подбирала сосновые шишки (комбайн маленький, а арбузов величиной со сливу ведь не бывает).

Шишки послушно плыли по транспортеру, потом скатывались по спиральному лотку в бункер. (Угол наклона небольшой, лоток мягкий, чтобы настоящие арбузы не побились.)

Но вот батарейка «выдохлась». Комбайн стал. Мы сели на краю «бахчи», чтобы поговорить о том, как Игорь пришел к интересной идее и как потом идея воплотилась в действующую конструкцию...

С тех пор прошло полгода. В Москве открылась выставка, на которую ребята со всей страны привезли свои работы.

Я задержался у необычного устройства на гусеничном ходу. Таблички с именем автора рядом не оказалось. Но что-то знакомое было в этой модели. «Уж не Игоря ли это работа? Почерк похож». По почерку можно узнать автора письма. Радисты узнают друг друга по радиопочерку. По контуру самолета можно безошибочно определить «Ту» или «Ил». Это почерк конструктора.

Что же в модели подсказало имя ее автора? Может быть, удачно найденные пропорции, отчего она казалась изящной и ловкой, может быть, форма кабины водителя, точно такая же, как у модели комбайна для уборки арбузов, а может быть, веселая, солнечная окраска?..

Оглянулся и... увидел Игоря Артемьева. Он привез новую модель, тоже не имеющую прототипа.

Игорь стал на тропу конструкторского поиска. Конечно, сегодня еще трудно—и рано—говорить, состоится ли он как изобретатель. Но когда-то, более полувека назад, мог ли кто-нибудь предположить, что из юного авиамоделиста Саши Яковлева вырастет знаменитый авиаконструктор?!

Когда и как Игорь стал осваивать азбуку технического творчества? Когда и как азбука стала складываться в почерк? Игорь мне рассказал об этом еще там, в Новосибирске. Я записал нашу беседу на карманный магнитофон. Вот она (с небольшими сокращениями):

— В кружок «Умелые руки» пришел с мальчишками. А потом оказалось, что наш руководитель радиоэлектронику у десятиклассников ведет, и я туда попросился. Он пустил.

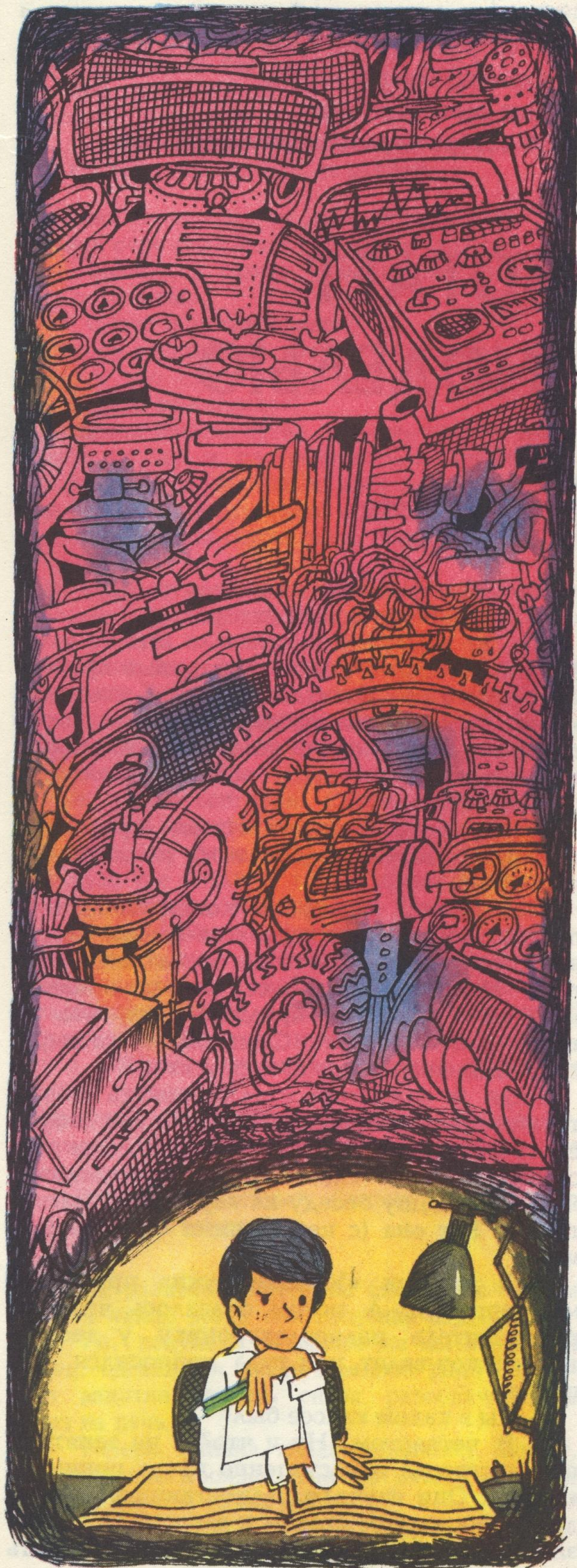
— Ты в каком классе был?

— В четвертом. Ну и что? Я на занятиях присутствовал и постепенно начал понимать кое-что. Они изучали радиостанцию, а я сидел за последним столом и занимался своим: электронные игрушки делал. Лягушат паять

пробовал из разных негодных транзисторов, разных там зверюшек...

— Так вот и работали—каждый сам по себе?

— Сначала старшие даже внимания не обращали на меня. Занимались своим делом. А потом помогать стали, когда я за настоящую работу взялся.

— Что же это было?

— Поросенок электронный. Маленький поросеночек стоит на подставке. К нему подвинешь чашечку, и он хрюкает. Схема элементарная: герконное реле. В чашечке—магнит. И еще два зависимых мультивибратора. Когда схема заработала, я от радости подпрыгнул. Старшие ребята даже перестали на рации работать: радовались за меня. Потом я мучился, чтобы поросенок был сам на себя похож. Схему паять было даже проще. Успел на республиканскую выставку. На слет меня взяли...

— А дома своего поросенка показал?

— Принес. Правда, растолковывать пришлось, почему он хрюкает. Папа и мама не имеют отношения к радиоэлектронике.

— Когда на слет собирался, родители, наверно, волновались? Ты ведь еще маленький был.

— Да были нервы, конечно. Много лишнего надавали...

— ?

— Я говорил: ничего не надо, у меня форма будет и кормить будут. А они дали штук пять рубашек. Брюк двое, обуви, консервов на неделю. Я все обратно привез, нетронутое.

— А что тебе больше всего запомнилось на первом твоем слете?

— Защита. Правда, я был зрителем, не защищался...

(К сведению читателей: на спортивных соревнованиях модель сама как бы защищает своего творца скоростью, маневренностью, ходовыми качествами. А на слетах юных конструкторов автор доказывает авторитетной комиссии и всем участникам выставки, в чем новизна, необычность представленной им конструкции.)

— Так вот,— продолжал Игорь,— сначала я страх за ребят испытывал. Столько народу! А потом интересно стало. Самому захотелось попробовать. Но это было уже позже, после пятого класса, когда я сделал влагомер. Третье место получил, потому что «засыпался» на одном вопросе: не ответил, что такое производительность прибора. Я даже не знал, что такое производительность.

— Понятно, в пятом классе этого можно не знать.

— А мне же надо было понять, на чем я срезался! Сначала прочитал географию для восьмого класса, даже все сноски внизу. Ничего не нашел. Потом пошел к учителю экономической географии. Он все и растолковал. Теперь я знаю, что производительность моего влагомера — это количество измерений, которое можно произвести, скажем, за час. Жалко, что не знал раньше. У влагомера моего была хорошая производительность...

— Значит, влагомер — тоже далекое прошлое?

— Да, потому что я стал делать коммутатор, чтобы учитель мог сразу всему классу задавать вопрос и сразу все могли дать ему ответ. У нас и раньше коммутатор делали. Но я задумал компактный, который легко переносить из класса в класс. Ух, как вспомню эту работу!.. Сначала запутался в контактах «релюшек». (Так Игорь называет реле.) В первый раз напаял такого, что сам руководитель не мог разобраться. Все заново начал — и опять не получилось, наврал где-то. Потом понял, что все надо делать не спеша и по нескольку раз проверять. Вот тогда и получилось.

— А радиоэлектронное просвещение родителей тоже продолжалось?

— Они четко поняли: телевизионного мастера звать не надо. Я могу наладить звук. Блок развертки могу посмотреть. Уклоняющую схему настроить тоже могу. И даже строчную развертку. В общем, почти все блоки смотрю. Заменяю, какие нужно, детали. Сначала я два раза телевизор ремонтировал без разрешения, а потом еще раз с разрешения. Нормально пока работает...

— А как твой арбузоуборочный комбайн?..

— Помните Всероссийский слет творчества юных в «Орленке»?

(Да, конечно, я помнил и этот слет и то, как уверенно Игорь защищал свой коммутатор. Он тогда медаль получил. Вслед за ним ребята из Ростова-на-Дону защищали модель арбузоуборочного комбайна. Первоначальная идея машины не у Игоря родилась. Но работа ростовчан оказалась переусложненной: манипуляторы для захвата плодов с использованием гидравлики, спелость арбузов определял рентгеновский аппарат. Модель подвергли серьезной критике не только за сложность конструкции. «Дорогая машина, арбузы будут тоже дорогие»,— резонно заметил кто-то из ребят).

— И мне захотелось сделать такой комбайн, только получше,— продолжал Игорь.— В «Орленке» все время об этом думал, да так ничего и не придумал. Приехал домой и сначала забыл про комбайн. А осенью пошли мы с бабушкой клюкву на болото собирать.

Смотрел я, как бабушка гребенкой клюкву вычесывает, и вдруг подумал: «А если арбузы так убирать? Они тоже круглые, только больше по размеру». Пришел в кружок и рассказал про идею Эдуарду Николаевичу. А он ответил: твоя идея, значит, и думай сам. Ну, я и начал думать, чертить. Потом стал клеить из бумаги экспериментальные модельки. Штук десять разных. Надо же взаимодействие частей проверить, прежде чем за металл браться, всякие детали на станке точить.

Вот такой он — арбузоуборочный комбайн Игоря Артемьева.

Почти два года работал, пока получилась эта моя машина.

...Дождливым осенним днем Игорь увидел бабушкин «комбайн» для сбора клюквы. И... родилась идея: машину, задуманную другими, сделать лучше и проще.

И вот Игорь в Москве: привез новую модель.

Минувшим летом Игорь работал в колхозе на сенокосилке и еще на механизмах, которые готовили витаминную травяную муку для коров.

И у него родилась идея объединить все механизмы в один комбайн, которым будет управлять один механизатор.

*

Недавно я позвонил в Уфу, чтобы уточнить некоторые детали новой работы Игоря. И вдруг услышал неожиданную просьбу директора республиканской станции юных техников:

— Пожалуйста, не давайте пока описания конструкции.

— Почему? — спросил.

— Работой Игоря заинтересовались в республиканском обществе изобретателей и рационализаторов. Провели тщательный патентный поиск, но ничего подобного тому, что придумал Игорь, не нашли. Оформили заявку и направили в Москву, в Государственный комитет по изобретениям и открытиям.

А Игорь работает над новой моделью.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА
Фотография Ю. ЕГОРОВА

В городе Черкассы закончился Второй Всесоюзный слет тимуровцев. Это был большой праздник не только для делегатов — для всех ребят.

Слет только закончился, а Штаб Тимура уже получает письма, в которых ребята рассказывают о новых своих делах.

МАТЕМАТИК ПОДСЧИТАЛ, ЧТО...

Когда мы пришли в библиотеку Дворца пионеров, то увидели, что в ней нет каталога. Мы взялись его сделать, стали писать карточки. Чтобы не скучно было писать, объявили соревнование.

Сейчас мы уже написали 7000 карточек. Наш лучший математик Юра Денисов подсчитал, что если эти карточки разложить в ряд, то они опояшут центральное кольцо нашего города.

Тимуровцы, школа № 36, г. Севастополь.

Я И СВЕТА

У нас в школе нет тимуровской команды, но все равно мы считаем себя тимуровцами.

Мы — это я и моя подруга Света. Мы придумали себе такое занятие — ухаживать за нашей рощей.

Это даже не роща, а несколько яблонь. На этом месте когда-то был сад, потом хозяева умерли, а деревья остались. Мы окапываем деревья, перевязываем их раны — там, где содрана кора.

Сейчас в наш сад приходят пастухи отдохнуть в тени.

Ира Козлова, Вологодская область.

НЕПЛОХОЙ ПАРЕНЬ

В этом году в наш отряд попал мальчик. Несколько лет он плохо учился, убегал из интерната. Мы взяли его к себе в отряд.

Теперь он учится без двоек, не пропустил ни одного урока, стал командиром отделения. Оказалось, что он неплохой парень.

Отряд «Всадник», город Керчь.

ПОЖАР В ЛЕСУ

Два мальчика из нашего отряда пошли в лес. Сначала все было хорошо, но вдруг один из них увидел дым. Ребята побежали к тому месту. Горели три молодых елочки. Тимуровцы скинули куртки, стали прибивать ими огонь и потушили пожар.

Отряд тимуровцев, г. Каменск-Уральский, Свердловская область.

О тимуровцах Восточно-Сибирской железной дороги рассказывает корреспондент «Боевого листка» **А. Доронкин.**

РЕБЯТА ИЗ ТРЕТЬЕГО ВАГОНА

Все началось с того, что во всех купе третьего вагона поезда № 129 Чита—Челябинск появились цветы. Потом пассажиры услышали по радио, как мальчишеский голос читает стихи.

Когда наступило время разносить чай, в вагоне появились ребята, одетые в белые накрахмаленные курточки и такие же шапочки, и стали разносить крепкий, душистый чай.

А вечером солдаты, возвращающиеся этим поездом домой, услышали по радио «Полевую почту» — передачу, специально подготовленную для них ребятами. Потом была передача о Гайдаре.

После передачи в вагоне началась генеральная уборка. Ребята умело орудовали швабрами и тряпками.

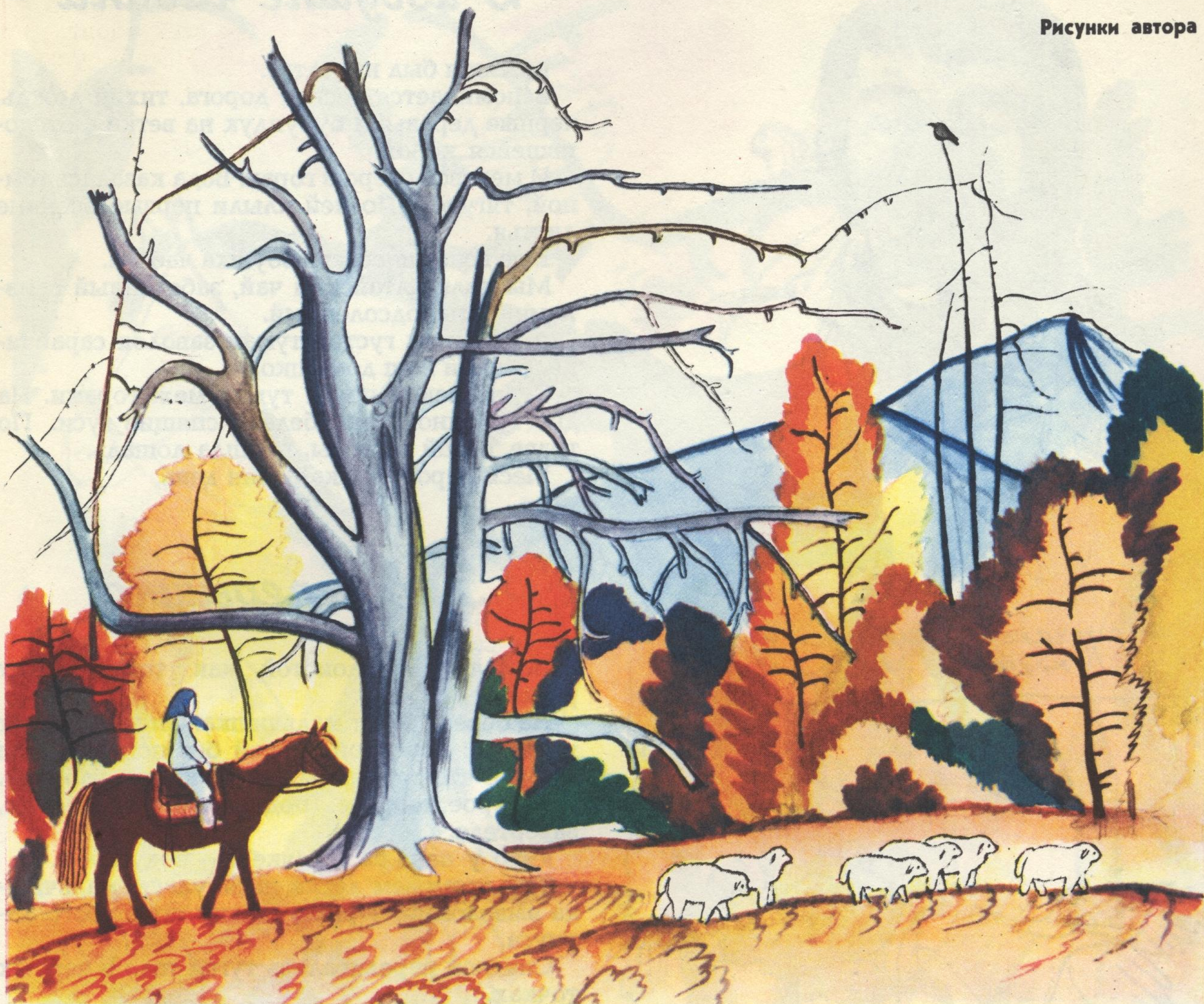
— Из такого вагона уходить не хочется,— шутили пассажиры.

Паша Подачев, Леша Муратов, Андрей Колокольцев, Юра Решетников, Лена Баенхаева, Марина Кожуховская и Таня Рыжова, ехавшие на слет как представители тимуровцев Восточно-Сибирской железной дороги, были из разных городов и встретились в поезде впервые. Но подружились они сразу же. Может быть, оттого, что тимуровцам не надо придумывать себе занятие, чтобы не скучать. Настоящий тимуровец — это не тот, кто работает только у себя в зоне тимуровского действия, а что происходит за ее пределами и знать не хочет. Приносить людям радость, помогать, где бы ни был, куда бы ты ни ехал,— вот что значит быть тимуровцем.

Петр БАГИН

Рисунки автора

По горному Алтаю

Природа Алтая чарует своим многообразием, богатством, щедростью красок. Изумруд ленточных боров, опоясавших степи хвойными вечнозелеными кушаками, и белизна горных вершин. Синева тайги и голубое раздолье рек — величавой Оби, стремительной Катуни, задумчивого Чарыша. Степи — кулундинские, алейские, рубцовские — без конца и края...

Весной 1921 года организовалась на Алтае, в Родинском районе, крестьянская коммуна «Свобода». Объединились в коммуне бывшие красные партизаны. Решили хозяйствовать сообща.

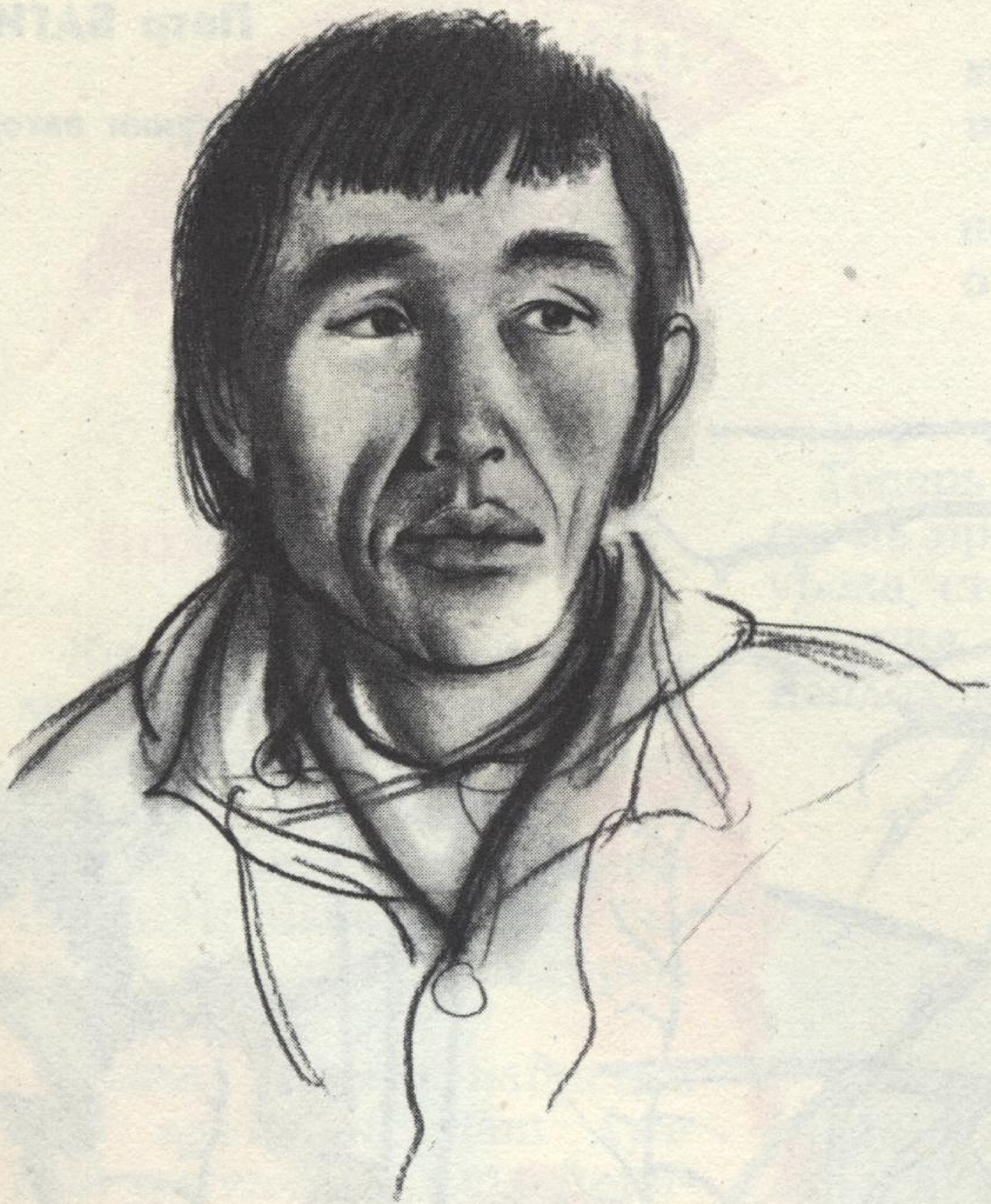
Тяжело пришлось им поначалу.

Узнал про коммуну Владимир Ильич Ленин и, хоть трудное было время, помог коммунарам. Получили сибиряки из Москвы трактор. Будто крылья выросли у хлеборобов. Распахал тот трактор межи, слил воедино крестьянские наделы.

...Много весен прошло с тех пор, но осталась на алтайской земле эта заветная нива. И зовут ее в народе Ильичевым полем.

Современная история края — это история борьбы за хлеб. Вся страна помогала алтайским земледельцам вести наступление на степь. Битва за хлеб, за плодородие земли алтайской выковала и закалила характер сибирского земледельца, вырастила людей мужественных и трудолюбивых.

Художник Петр Иванович Багин побывал в Горном Алтае. И этот край поразил и пленил его. О нем он рассказывает на этих страницах и на обложках журнала.

Наурчаков Михаил из поселка Актел

В избушке чабана

Месяц я был на Алтае.

Вспоминается лесная дорога, тихий дождь, черные деревья и бурундук на ветке с отслоившейся корой.

И мертвое озеро в горах. Вода казалась темной, тягучей. По ней плыли первые осенние листья.

Еще вспоминается избушка чабана.

Мы пили алтайский чай, забеленный сливками, чуть подсоленный.

А за окном густой туман заволок сарайчики, баню и наш домишко.

Серой рекой потек туман меж горами. На дне туманной реки белели спящие гуси. По траве, седой от росы, прошла лошадь.

Месяц пролетел как один день.

Рябое перышко

Под горой, слоистой, как торт, бежит речка.

На берегу стоит мальчишка. Он закидывает удочку с короткой леской без поплавка. На крючке что-то рыжее, вроде крыла бабочки. Быстрое течение подхватило это рыжее, завертело.

«Что у него на крючке?» — подумал я.

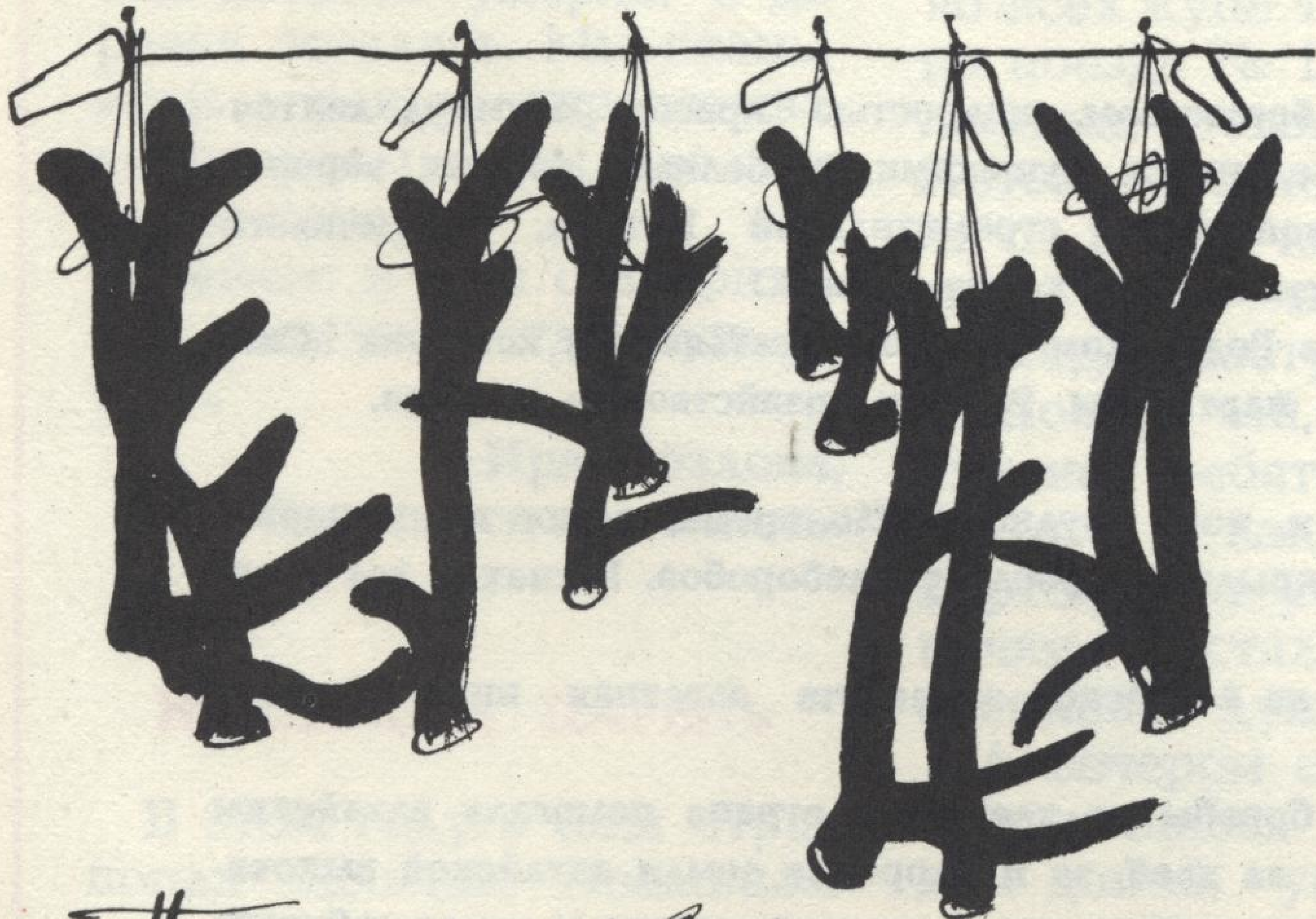
Тем временем леска натянулась, мальчишка выволок на черную гальку огнеперого хариуса.

Синевой переливалось тугое тело в черных точках.

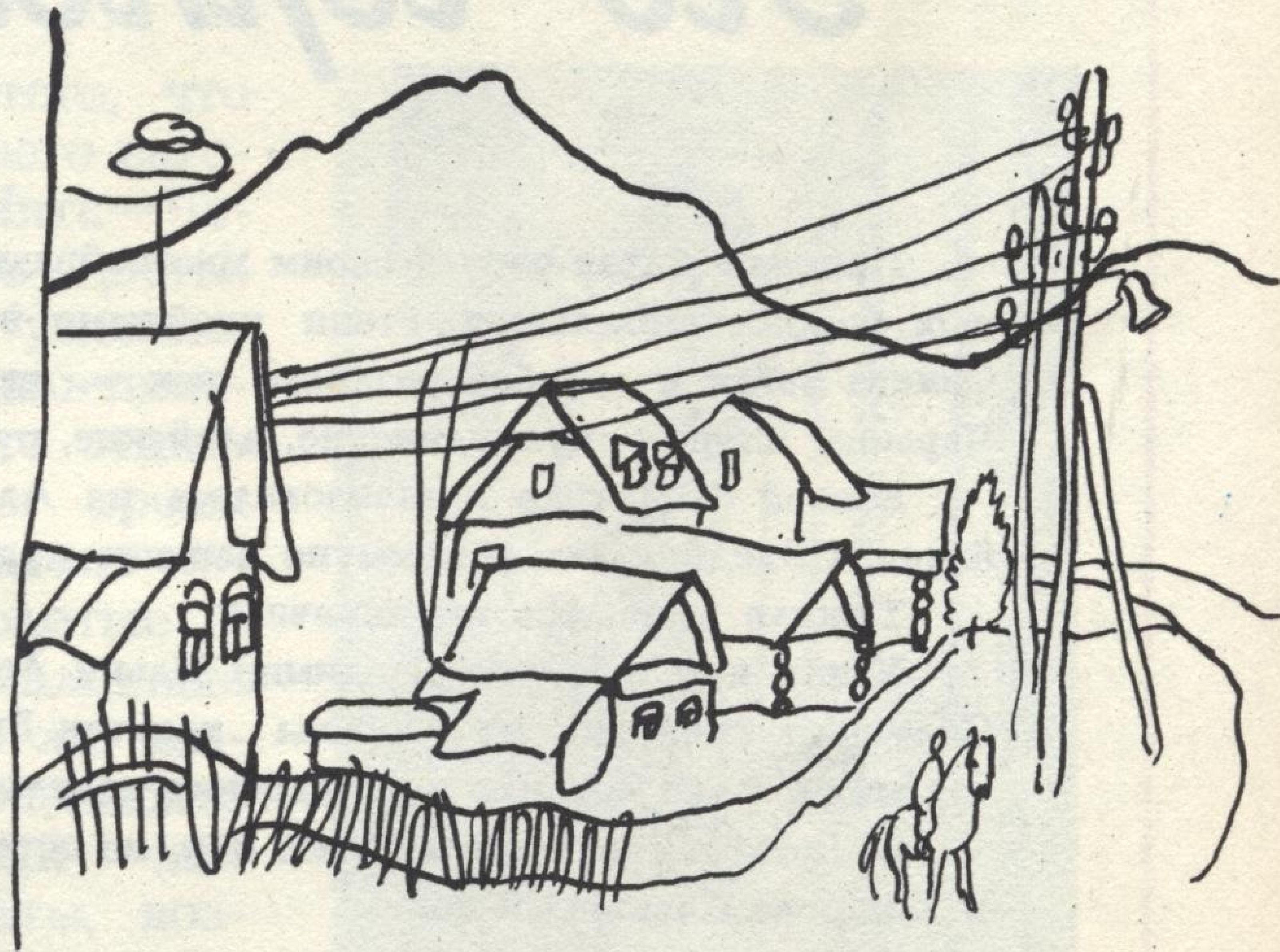
Мальчишка снял с крючка хариуса и сунул в закопченный котелок.

Сарлыки

Пантосушилка

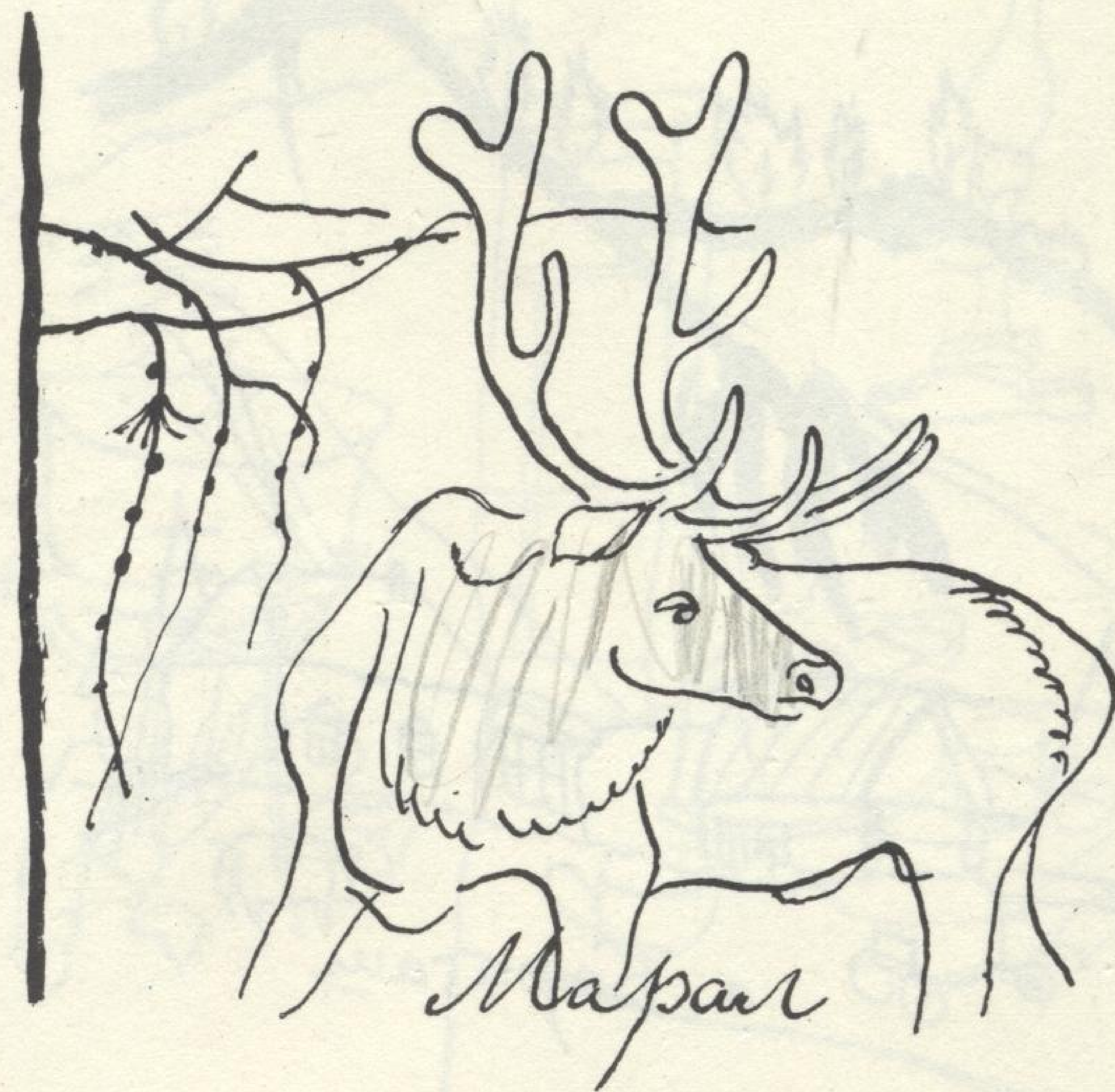

с. Барагаш

На конце лески я увидел рябое перышко. Сквозь него просунулось острое жало крючка.

— Чье перо-то? — спросил я.

— Курицыно.

Сарлыки

Через дорогу перебегали невиданные звери: голова, как у коровы, на спине горб, как у зубра, шерсть, как у яка, а сзади лисий хвост.

Стучали их крепкие копыта. Шерсть разлеталась, как полы длинной шубы.

Что за звери такие?

— Сарлыки,— сказал кто-то в автобусе.

Перемахнули сарлыки через дорогу. За ними проскакали пастухи на лошадях.

Стадо разбрелось по долине, пощипывая траву.

Совсем домашние звери! А я-то думал — дикие.

Маралий корень

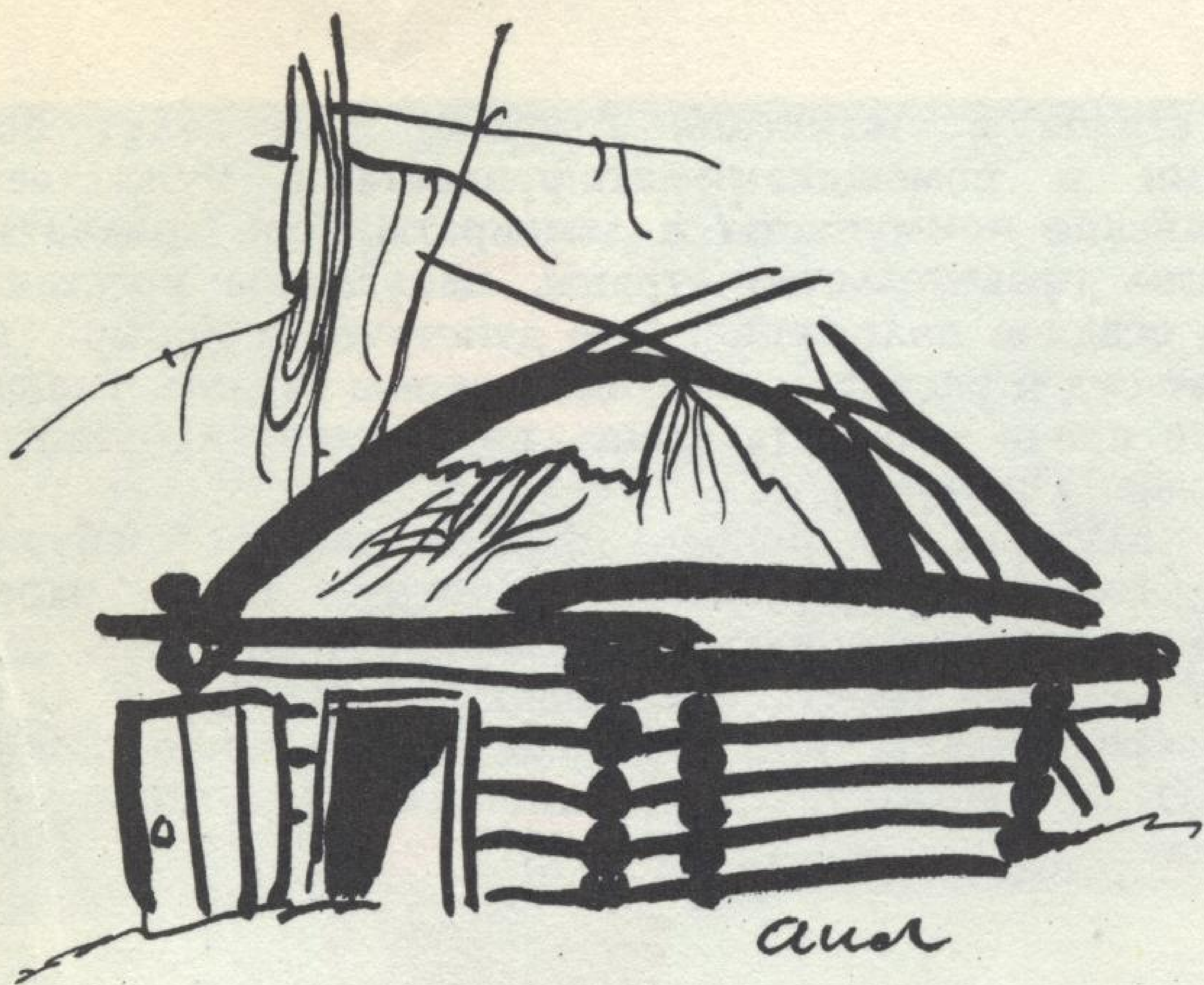
С началом осени маралы готовятся к боям.

Трутся о деревья, чтоб твердела кожа. Валяются в грязи.

Запекшаяся грязь, как броня, покрывает живот, бока и грудь. Смягчает удары острых рогов.

В горах они выкапывают маралий корень, похожий на бороду.

Наевшись корней, рогачи хрипло ревут.

Ломая сучья, бегают по лесу — ищут, с кем бы подраться!

Тут уж им не попадайся!

Нáвись

После грозы над перевалом шел мелкий дождь.

На хвое, листьях и ветках повисли капли — нáвись.

Откуда ни возьмись — белка!

Она пробежала по ветке. Капли сорвались, зашлепали по листьям смородины, скатились в желтые звезды травы-камнеломки.

Ворон

Бородатый, в черном смоляном оперении, блеснув на солнце литым клювом, пролетел над перевалом ворон.

Аил

На склоне горы под деревьями стоит аил — бревенчатая избушка, крытая корой.

Рядом паслись оседланные кони. В загоне из жердей сбились в кучу овцы. Пастухи осматривали их, смазывали раны дегтем.

Из аила выглянули ребята — позвали чай пить.

Хорошо в избушке, прохладно! На земляном полу догорал костер. Дым выходил через дырку в крыше.

Ребята пекли на углях кедровые шишки. А я пил чай — белый, пахнущий дымком.

Скоро аил опустеет. Ребята уедут в школу. Стадо перегонят к поселку, в зимние сараи-кошары.

Избушку занесет снегом. И будет она дремать до следующей весны.

Колумбия — страна в Латинской Америке. Там ведут борьбу с капиталистами и помещиками-латифундистами мужественные люди — колумбийские коммунисты и демократы. Еще тридцать лет назад буржуазное правительство страны, напуганное восстаниями крестьян, ввело осадное положение. Оно действует и поныне. Военные сами вершат суд и расправу, нарушая законы страны. Реакционные генералы не прочь захватить власть по примеру кровавого чилийского диктатора Пиночета.

Трудящиеся Колумбии под руководством компартии требуют отменить осадное положение, повысить заработную плату рабочим, дать землю крестьянам, покончить с беззаконием военных. За это борются и колумбийские ребята в красных галстуках.

Мы очень обрадовались, когда к нам в редакцию приехала Марилус ПАССО, председатель Союза пионеров Колумбии.

Вот ее рассказ.

ПИОНЕРЫ КОЛУМБИИ

Это случилось недавно в столице нашей страны городе Боготе. Работники одной больницы на окраине объявили забастовку. Жалованье им платили мизерное, такое маленькое, что едва хватало на жизнь, а цены на продукты и одежду все время растут. Полиция и войска сразу оцепили больницу, рассчитывая, что без продовольствия забастовщики быстро сдадутся. Но ребята знали в оцеплении лазейки — дыры в заборах и другие ходы, которыми так любят пользоваться мальчишки. Пионеры стали доставлять бастовавшим продовольствие и помогли забастовщикам продержаться. Они заставили хозяев больницы согласиться на уступки.

У нашей пионерской организации боевая, героическая история. Смелыми и отважными ребятами были юные разведчики и связные, сражавшиеся вместе со взрослыми в партизанских отрядах во время крестьянских восстаний против помещиков и капиталистов в конце 40-х годов. Их звали «сукрес», по имени Хосе Антонио Сукреса, героя этого восстания. «Сукрес» стали примером для пионеров Колумбии.

Первые пионерские отряды появились в 50-х годах. Пионерами были тогда дети коммунистов и передовых рабочих. Под руководством Коммунистической партии и Союза коммунистической молодежи пионеры вместе с колумбийскими трудящимися боролись за лучшую жизнь. Быть пионером в Колумбии было опасно: ребят исключали из школы только за то, что они пионеры. А за участие в демонстрациях взрослых могли арестовать.

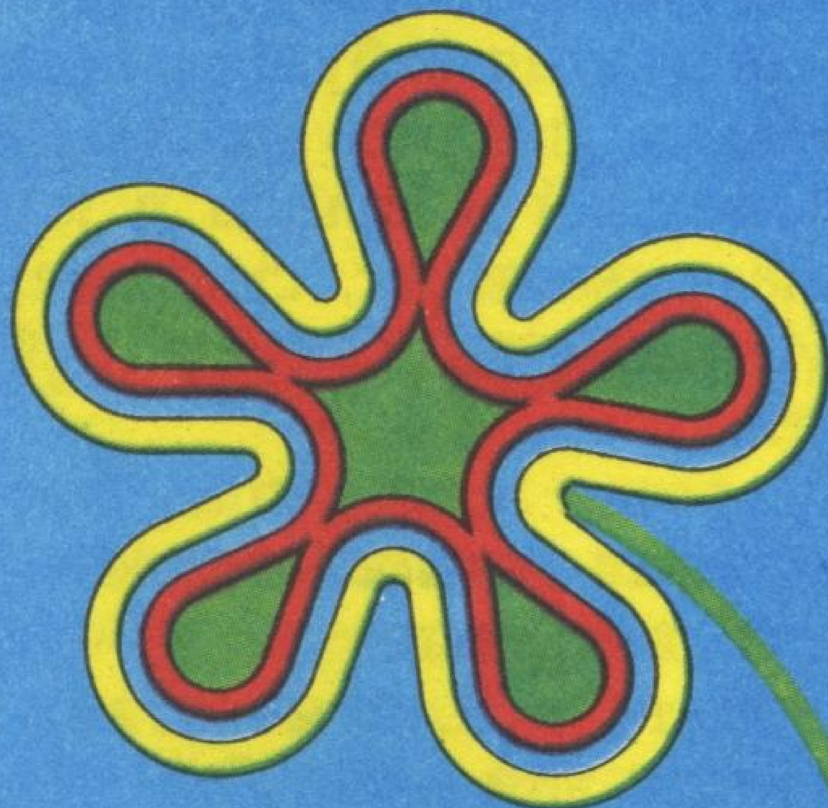

Плакат, призывающий ребят участвовать в конкурсе детских рисунков, посвященном Международному году ребенка.

PRIMER FORO NACIONAL POR LOS DERECHOS DE LA INFANCIA

"EL NIÑO TAMBIEN TIENE DERECHO..."

BOGOTA JUNIO 1 AL 3 DE 1979

ORGANIZA
UNION DE PIONEROS
JOSE ANTONIO GALAN

Обложка брошюры, рассказывающей о пионерской организации Колумбии.

Рисунок Долли Маруланды Хоис, 12 лет.

Сейчас мы, колумбийские коммунисты, боремся открыто. И нам очень важно привлечь на свою сторону как можно больше рабочих, крестьян, молодежи, ребят.

Для этого в 1975 году мы решили по-новому работать с пионерами. Вожатые организуют игры, помогают ставить спектакли. Вместе ребята читают газеты и книги, обсуждают события в мире.

Теперь организация выросла и окрепла, ребята охотно идут к нам.

Очень важным делом в пионерской работе мы считаем переписку с зарубежными сверстниками, особенно из социалистических стран. Из писем наши пионеры узнают о другой, светлой жизни.

Как все дети на свете, маленькие колумбийцы очень любят рисовать. Конкурсы детского рисунка привлекли многих ребят в нашу организацию. Первый конкурс мы организовали в столице, городе Боготе, в 1975 году. В следующем году конкурс прошел в одиннадцати городах страны. Пионеры распространяют афиши, на которых напечатаны условия конкурса, а заодно и сведения о нашей пионерской организации, условия вступления в пионерский отряд. Они просты: должно быть желание ребят стать пионерами и согласие их родителей.

Мы посвящаем конкурсы детского рисунка самым важным событиям. Например, в прошлом году он был посвящен XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Ребята — победители конкурсов были награждены поездками на Кубу, в Чехословакию, в СССР.

Когда наши ребята возвращаются из международных лагерей, они рассказывают о том, что узнали и увидели. Товарищи по отряду дотошно расспрашивают их о пионерах социалистических стран.

Конкурс рисунков этого года мы посвятили Международному году ребенка.

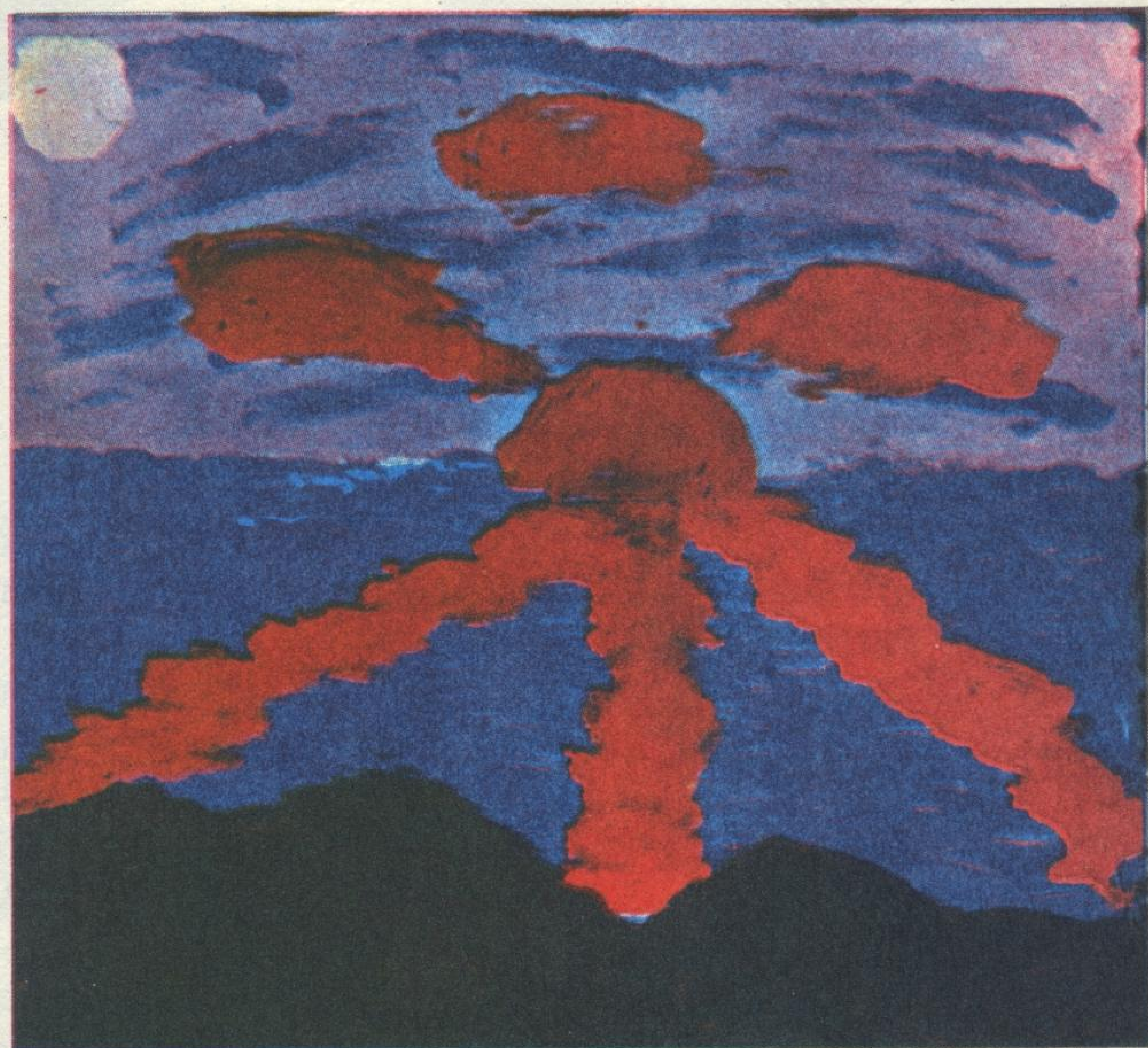
Сейчас наша пионерская организация вместе с другими демократическими организациями готовится к национальному Форуму по правам детей. Мы хотим подготовить проект закона, гарантирующего выполнение Декларации прав ребенка, защищающего права детей в Колумбии, и представить его правительству. Это необходимо потому, что из всех принципов Декларации выполняется лишь один, и то не полностью: тот, в котором говорится о праве ребенка на имя и национальность. В нашей стране десятки тысяч беспризорных ребят — их называют «гоминес». Они не знают ни как их зовут, ни сколько им лет, ни кто их родители. Они чистят обувь прохожим, моют за гроши машины, попрошайничают.

Правительство помалкивает о том, что в Колумбии три миллиона детей должны работать, чтобы выжить, некоторые дети никогда не были у врача...

Совсем иную жизнь детей мы видим у вас, в СССР. Ребятам в стране Ленина созданы все условия для развития их способностей. В распоряжении пионеров самые разные кружки, спортивные площадки, бассейны. Они окружены заботой взрослых. Советские пионеры бережно хранят память о подвигах старших поколений, готовы словом и делом помочь зарубежным товарищам.

Такими друзьями, как советские пионеры, колумбийцы в красных галстуках могут по праву гордиться.

Рисунок Серхио Кинтеро Баэна, 12 лет.

М. КРИВИЧ

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ОАЗИС

РЕПОРТАЖ ИЗ ИНСТИТУТА ПУСТЫНЬ

Пятую часть территории нашей страны занимают пустыни и полупустыни, а в Туркменистане — девять десятых площади республики. Посмотри на карту: плодородные земли узкой полосой окружают пустыню Каракум.

Здесь, на берегах необъятного песчаного моря, в оазисах стоят города, работают фабрики и заводы, проходят железные дороги. Здесь выращивают хлопок, сахарные дыни, виноград. Здесь, в столице республики Ашхабаде, работает Институт пустынь — научный центр, где географы, ботаники, физики, геологи, биологи, химики сообща решают сложную задачу: как освоить пустыню.

БУРЯ НА СТОЛЕ

В одной из лабораторий института гудят вентиляторы — над столом, покрытым слоем песка, дует искусственный ветер. Вот по поверхности песка ползет легкая зыбь. Прибавили обороты вентиляторы — появились песчаные бугорки. Ветер срывает их, гонит по столу. Уже не ветер, а ураган, песчаная буря!

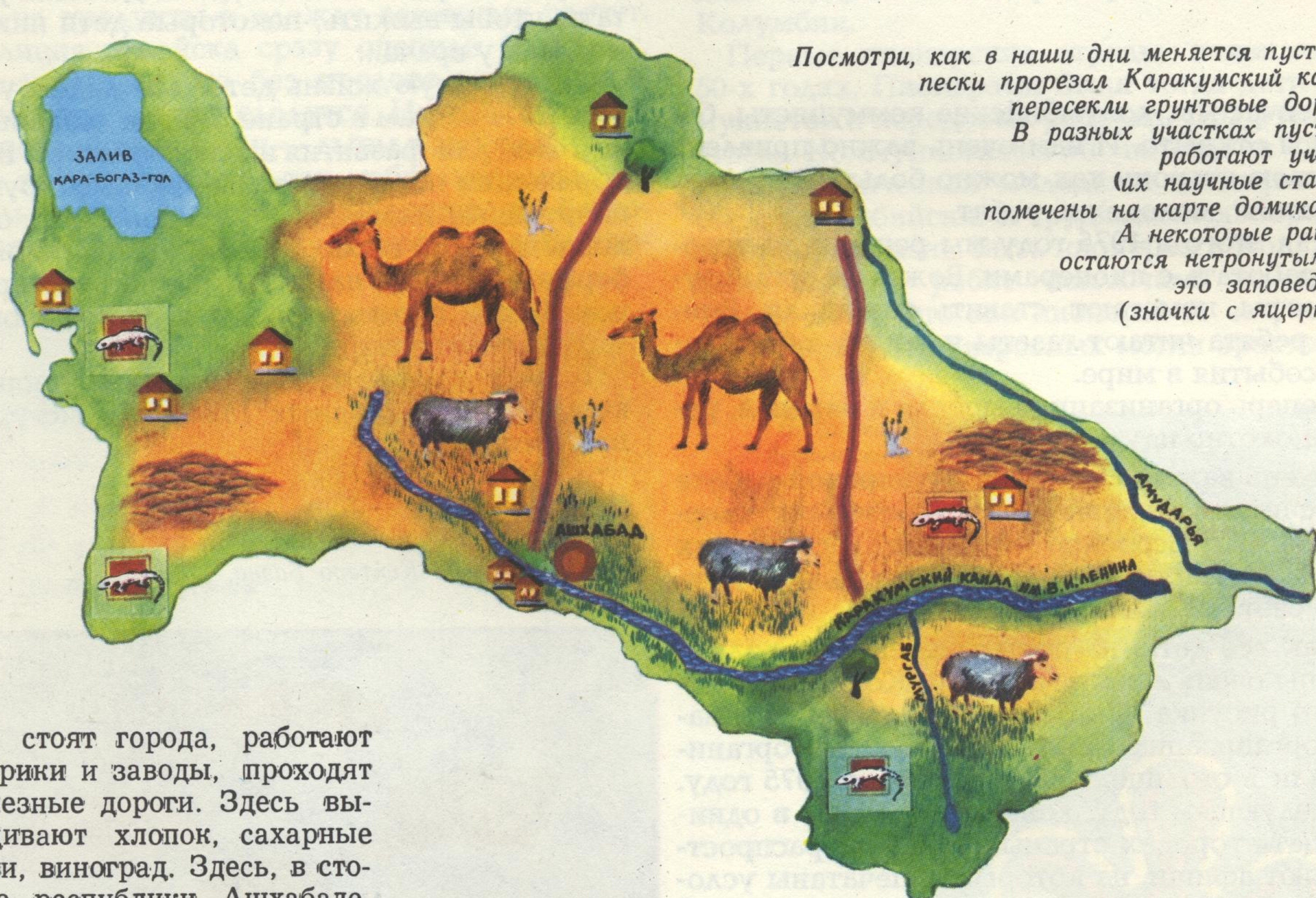
Над столом склонились ученые. Они записывают что-то в толстые лабораторные журналы, о чем-то спорят. Что за странная игра?

— Песчаная буря — это миллиарды миллиардов песчинок, — объясняет научный сотрудник лаборатории ветровой эрозии Александр Павлович Иванов. — И песчаный холм-бархан тоже сложен из песчинок. Значит, чтобы понять, как движутся пески, начинать надо с песчинки.

Казалось бы, что тут хитрого? Но посмотрите на фотографию: увлекаемая ветром песчинка летит, вращаясь, как артиллерийский снаряд или футбольный мяч.

— Мы поставили опыты и убедились, — продолжает свой рассказ Александр Павлович, — что падающая песчинка штопором ввинчивается в песок и вязнет в нем, отдавая свою энергию соседкам, другим песчинкам. Возникает крохотный фонтанчик. Его подхватывает ветер — и вот уже весь песок приходит в движение.

Разве не интересно узнать,

Посмотри, как в наши дни меняется пустыня: пески прорезал Каракумский канал, пересекли грунтовые дороги. В разных участках пустыни работают ученые (их научные станции помечены на карте домиками). А некоторые районы остаются нетронутыми — это заповедники (значки с ящеркой).

как движется песок? Конечно, интересно. Но ученые устраивали бурю на столе еще и для того, чтобы решить важную техническую задачу. О ней — в следующей главе.

ЧТОБЫ МАШИНЫ ШЛИ ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ

В каракумских песках можно увидеть такую картину: стоит среди барханов мачта — опора линии электропередачи. Мачта как мачта, да только на ходулях. Может, это мираж? Подходишь ближе, а мираж не исчезает. Мачта и впрямь стоит на высоких, выше человеческого роста ходулях.

Никто мачту на ходули не ставил. Все было сделано строго по правилам. Тяжелую стальную конструкцию поставили на бетонные столбы, засыпали их песком. Но ветер постепенно выдул песок, опоры обнажились. Кажется, дунет сильнее — упадет мачта. Бывает, падают.

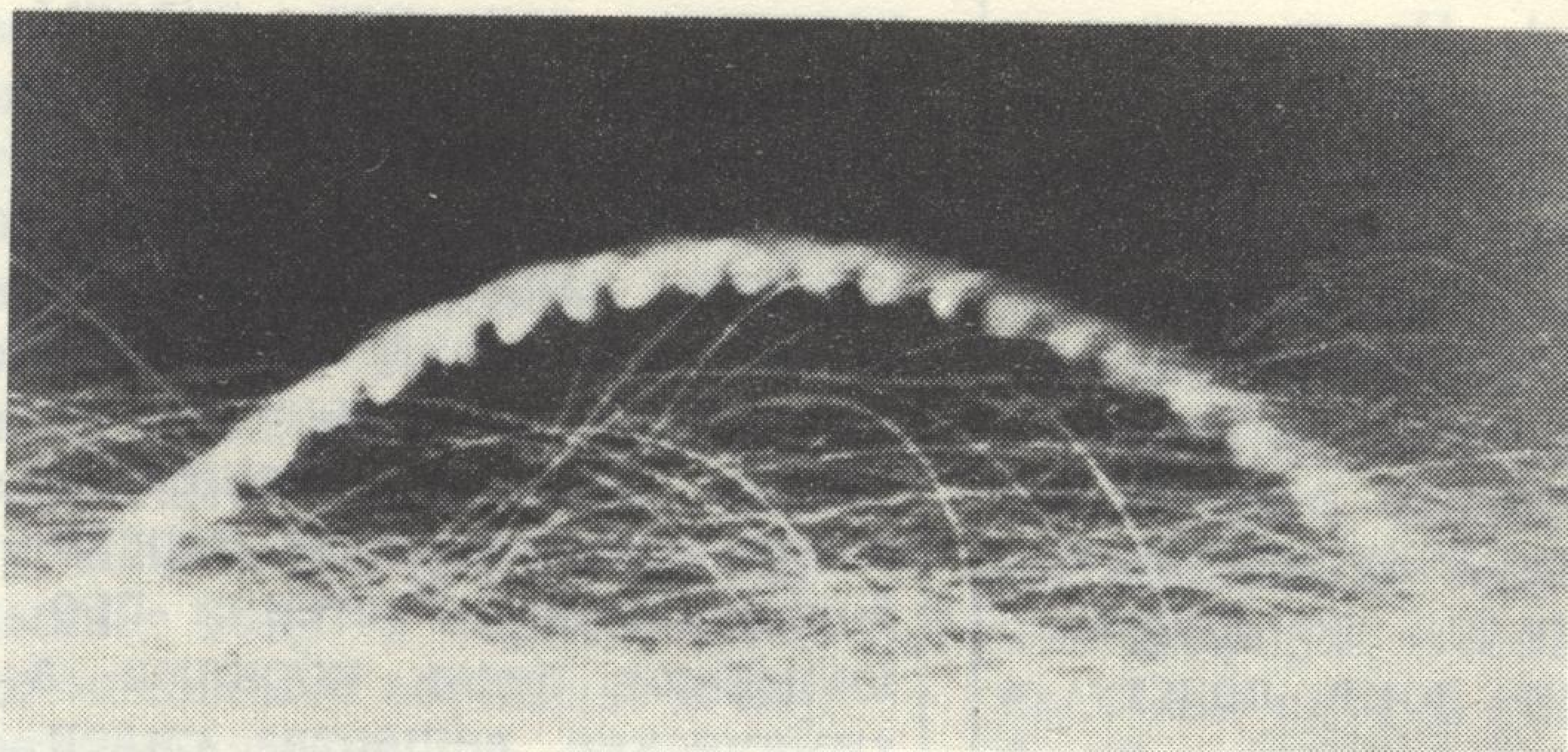
Свалил ветер мачту и унесся дальше. Свистит, подымает песчаные вихри, засыпает песком шоссе. Ни проехать, ни пройти.

Как же укротить песок, не дать ему заносить дома и дороги, обнажать фундаменты мачт и буровых вышек? Вот тут ученым и пригодилась теория движения песчинок.

Вспомним: упала песчинка, подняла фонтанчик песка. Подул ветер, побежал вперед фонтанчик (а их тысячи тысяч!), и песок пришел в движение.

А если песчинка упадет не на песок, а на твердую поверхность? Тогда она отскочит от нее, как мячик, а значит, не подымет песчаный фонтанчик. Будут себе скакать песчинки по одиночке, не сливаясь в единую лавину.

...В самом сердце Каракумов на Репетекской песчано-пустынной станции ученые исследовали, как происходят эти заносы. Специальными приборами — пескоуловителями измеряли количество песка, переносимого ветром.

На этом снимке — полет песчинки. Во время полета она вращается, как футбольный мяч или артиллерийский снаряд.

И убедились: их расчеты верны. Тогда они дали дорожникам совет: вдоль дорог прокладывать твердые полосы — цементировать песок битумом, мазутом, отработанным маслом.

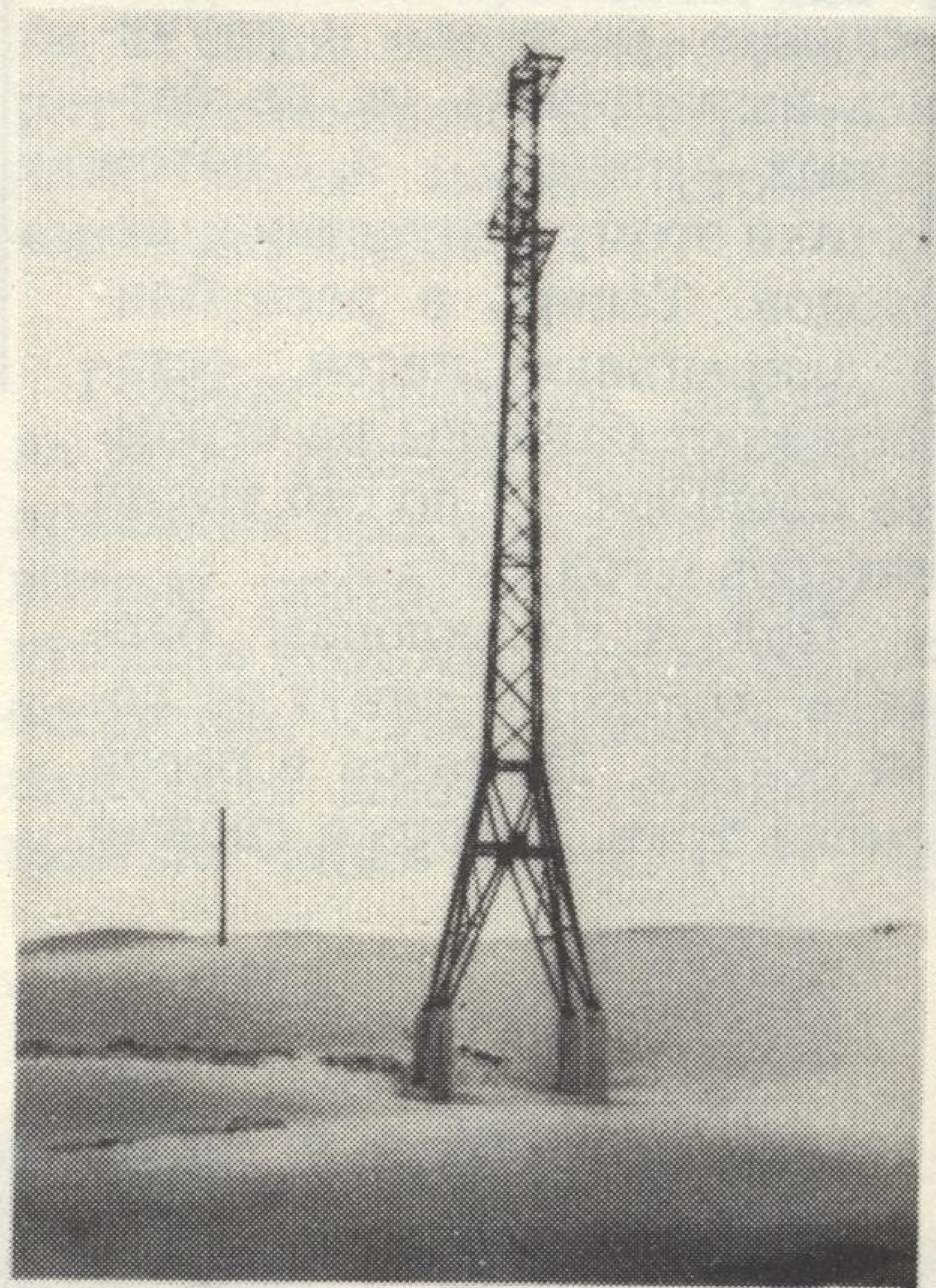
Проверили совет на практике — результат получился отличный. Песчинки отскакивают от придорожных полос и, как мячики, пропрыгивают, проскакивают шоссе. Многие дороги в республике, в том числе и очень важная магистраль Мары — Чарджоу, уже защищены от заносов таким способом. И все автодороги, которые сейчас только проектируются или строятся, будут с твердыми придорожными полосами. Чтобы мчались машины через пустыню без задержек.

А как быть с мачтами на ходулях? Тут помогло старое народное средство — связки сухого камыша-рогоза. Такие связки, уложенные у основания мачты, мешают ветру выдувать песчинки. Постепенно песок накапливается, и у основания мачты возникает небольшой песчаный холмик.

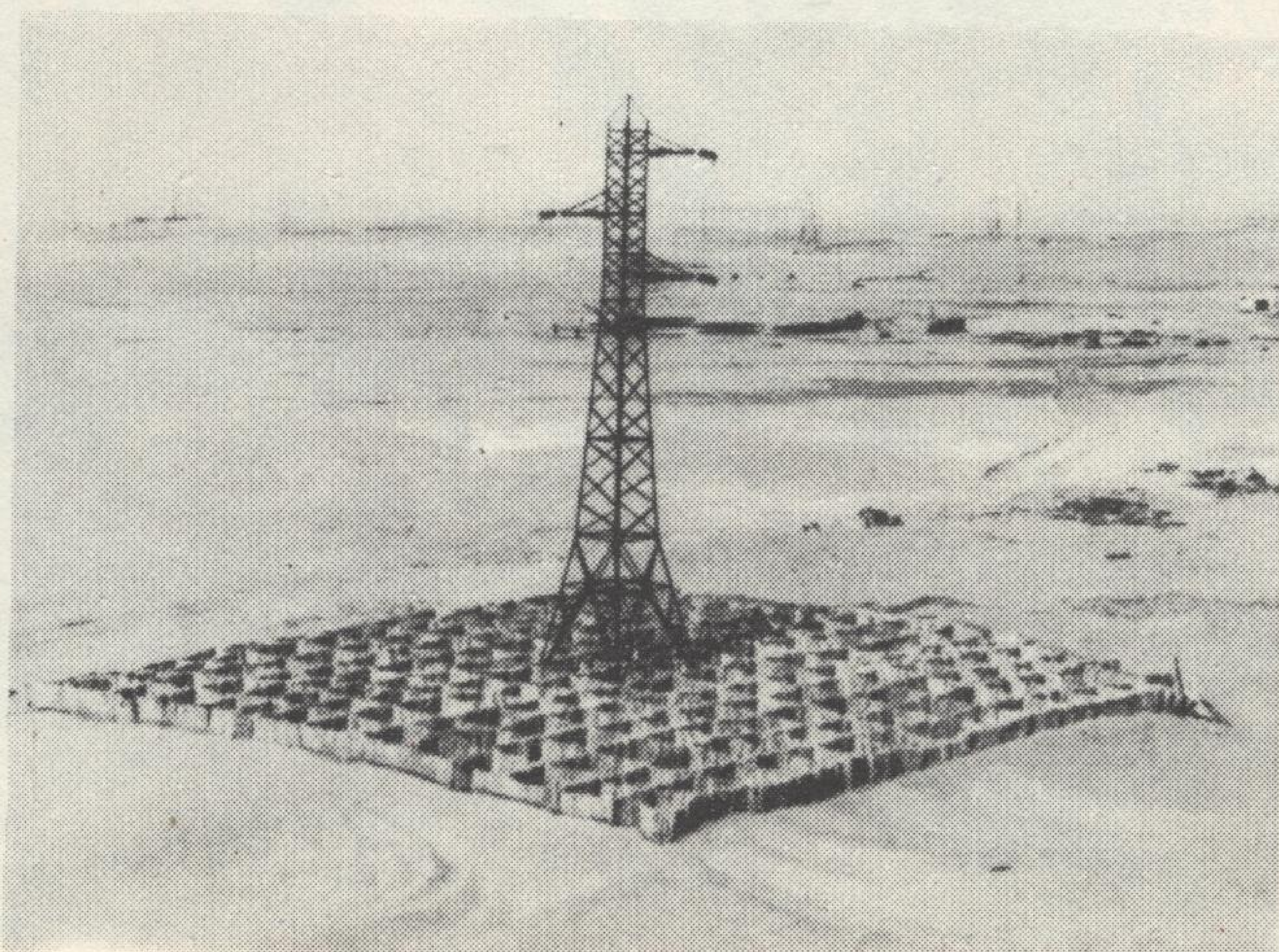
Дует ветер, бежит колючая песчаная поземка. Крепко стоят в песках опоры электропередач, держат гудящие на ветру провода. А по проводам в пустыню, где живут и работают люди, идет электричество.

КАК ОСТАНОВИТЬ БАРХАН

Можно защитить мачты среди барханов и дороги в пустыне. Но значит ли это, что песок укрощен?

Из-под такой мачты на «ходулях» ветру трудно выдуть песок.

Связками сухого камыша тоже защищают опоры от ветра.

Какое там! Несет ветер миллионы тонн песка по пустыне, где-то укладывает легкой рябью, где-то громадными волнами, достигающими подчас высоты девятиэтажного дома. Высокие барханы движутся медленно, а маленькие — по нескольку метров в сутки. Доберутся до поселка — занесут дома, подступят к железной дороге — затрещит по швам железнодорожное расписание.

Как остановить барханы?

Жители пустынь знают: лучшая преграда песку — это зеленый барьер. Трава, кустарник, деревья. Корни скрепляют песок, лишают его текучести. Деревья дают тень — и обычную, которая защищает от солнца, и ветровую, снижающую скорость ветра.

Ботаники и агрономы Института пустынь выбрали самые стойкие, самые неприхотливые растения и научились выращивать их на барханных песках. А потом обучили этому искусству и лесоводов. Теперь в республике закрепляют песок, останавливают барханы на огромной площади — по сто тысяч гектаров в год.

...Ползут по склонам барханов трактора, тянут за собой сеялки. Ложатся в песок семена трав, которые своими корнями закрепят склоны бархана. Рядом высаживают черенки привычных к здешним условиям кустарников — черкеза, кандыма, саксаула. Потом между рядами посадок заливают безвредные для растений вяжущие вещества: мазут или отходы от переработки хлопка. Растения пронизывают песок корнями, а химические вещества склеивают песчинки, создают корку на поверхности бархана. От этой корки песчинки отскакивают, как мы уже знаем, подобно шарику от теннисного стола.

Бархан остановлен. А через два-три года зазеленеет в пустыне лесок. Невысокий, негустой, но все же лесок.

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ОАЗИС

Неподалеку от Ашхабада, в Анау, находится Южно-Каракумский стационар Института пустынь — зеленая лаборатория института. Здесь ясно видишь границу оазиса и пустыни: одна твоя нога ступает по плотному, пружинящему дерну оазиса, а другая вязнет в каракумском песке. Слева — зеленая бахча, справа — песчаное море, желтая рябь невысоких барханов.

Ученые стремятся отодвинуть эту границу хотя бы на несколько километров в глубь пустыни. Ведь возрожденная к жизни земля даст тысячи тонн хлопчатника, дыни, арбузы, виноград, гектары новых рощ и фруктовых садов...

Но отвоевать у пустыни даже клочок земли — это и высокое искусство и сложная наука. Туркмены владели этим искусством с глубокой древности. Опустив в песок арбузное семечко, они окружали его защитным песчаным валиком, чтобы уберечь от сусликов, ежей, черепах. Берегли, охраняли каждый росток. Сажали растения с длинными, разветвленными корнями.

Однако много земли у пустыни так не отвоюешь. Ученые ищут новые пути освоения песков. Здесь, в Анау, изучают семена растений из других пустынных районов Земли — от Сахары до Гоби, — ставят опыты на маленьких делянках, ищут для каждого растения самые подходящие условия.

Никогда раньше не росло в Каракумах гвинейское сорго, но вот привезли его семена из далекой Африки, и прижилось сорго, зеленеет вместе с кукурузой и люцерной на краю оазиса. Здесь, на границе пустыни, настоящие заросли сорго — вдвое выше человеческого роста. Больше

тысячи центнеров с гектара отличного корма для скота дает эта новая для Каракумов культура. Теперь ученые института передают семена сорго в колхозы и совхозы. В этом году на барханных песках будут получены первые урожаи кукурузы, люцерны, гвинейского сорго, проса из Мали.

Наступление на пески продолжается. Инженеры собирают огромную дождевальную установку с красивым названием «Фрегат». Когда ее пустят, прольется дождь на площади с добрый десяток футбольных полей. И созданный людьми оазис сделает еще несколько шагов в глубь пустыни.

ЗА ВОДОЙ — В «МАГАЗИН»

Среди самых важных строек нашей страны — Каракумский канал имени В. И. Ленина. Он пересекает пустыню новой полноводной рекой, от которой в разные стороны протянутся трубы-водоводы. Придет вода на стройки, на пастбища, в самые отдаленные уголки, куда до сих пор возят ее в автомобильных цистернах. Десятки новых оазисов появятся в знойных Каракумах.

И все же остается немало мест, куда канал не проведешь и где единственным источником пресной воды по-прежнему будет столь редкий в пустыне дождь. Но и в этих местах пасутся отары, живут чабаны. Как собрать и сохранить драгоценную влагу, если песок, как губка, впитывает воду, а жаркое солнце мгновенно обращает в пар редкие лужицы?

В песках изредка встречаются плотные, вдоль и поперек пересеченные трещинами глиняные площадки — такыры. На них не растет даже самая жалкая травка... Но, как оказалось, именно такыры позволяют собирать и хранить дождевую воду.

По твердой глиняной поверхности дождевая вода стекает в заранее подготовленный котлован и сквозь песок уходит под землю. Но... не исчезает!

Неглубоко под песками залегают целые озера соленой воды. Пить ее, как и морскую, нельзя. Зато пресная дождевая вода с соленой не перемешивается. После дождей на поверхности соленого подземного озера набегает просочившееся сквозь песок озерцо дождевой несоленой воды. Геологи называют его пресноводной линзой.

За несколько лет линза увеличивается и не высыхает в самый засушливый год. Теперь нужно отрыть колодцы и понемногу брать воду. Такой способ добывать воду в пустыне называют «магазинным водоснабжением».

Места, где под землей хранится влага, знали проводники караванов, знают их сейчас шоферы, геологи, чабаны. Они едут в такыру, чтобы утолить жажду, умыться, запастись водой впрок.

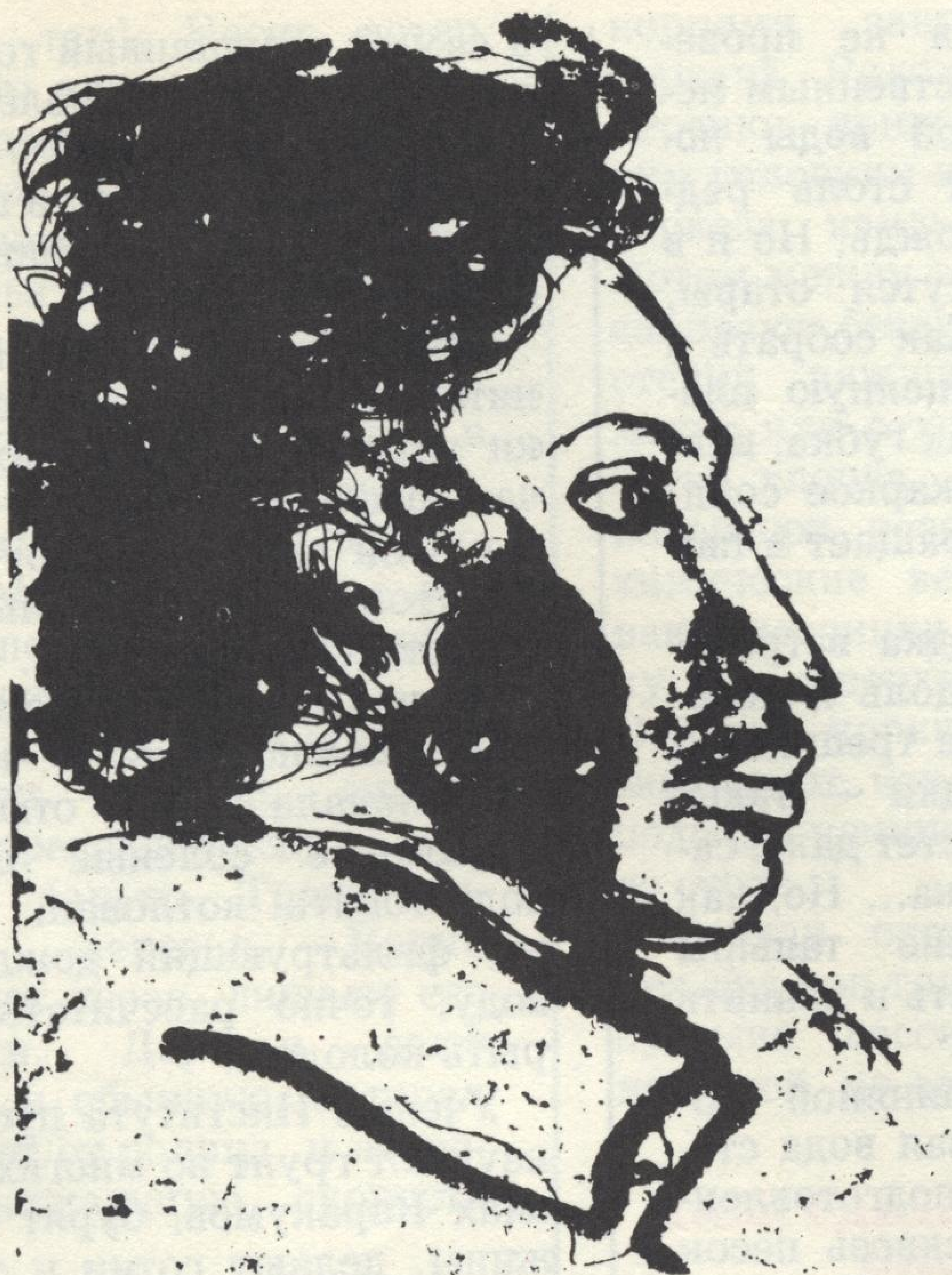
А нельзя ли создать такыр? Можно, хотя и нелегко. Сначала нужно отыскать подземные соленые озера, подготовить котлован, хорошо фильтрующий дождевую воду, точно рассчитать, где рыть колодцы.

Ученые Института пустынь изучают грунт во многих районах Каракумов, бурят скважины, делают сотни и тысячи анализов подземных вод, вычерчивают планы и разрезы подземных хранилищ влаги. И лишь после этого говорят инженерам и строителям: здесь можно строить «магазин воды».

Говорят, пустыня похожа на море. Похожа своими бескрайними просторами и суровостью нрава. Как и море, пустыня неохотно отдает свои богатства. Цель ученых — подобрать ключи к сокровищам песчаных морей.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА. Фотографии Э. РЯБИКИНА.

«Я и мы» — так называется журнал, который вот уже четыре года выходит в 610-й московской школе. Мы выпускаем его все вместе: старшеклассники, учительница Виктория Захаровна Халимова и я, тоже учительница.

В журнал пишут все ребята из старших классов, все до одного. Мы, учителя, даем тему — а дальше каждый волен высказываться, как ему хочется — в прозе, стихах, набросках, сочинениях,— не боясь, что получится «не так». Если не хочешь, чтобы твою работу читали вслух и обсуждали, можешь отметить ее крестом — это наш особый «знак секрета».

Когда 6 июня этого года все отмечали 180-й день рождения Александра Сергеевича Пушкина, написали о нем и наши ребята.

Вот отрывки из нескольких работ, конечно, только из тех, которые не были отмечены «знаком секрета».

Н. Р. БЕРШАДСКАЯ.

Наташа КОССОВА, 10 класс.

Мой Пушкин

Мой Пушкин. Именно так. Не Пушкин вообще, а мой Пушкин.

У каждого из нас свой Моцарт, своя Татьяна, свой Онегин и свой Пушкин. И это прекрасно! Если бы у людей был один Моцарт, один Онегин, один Пушкин, они перестали бы быть людьми, они стали бы роботами.

Мой Пушкин. Это все, что вокруг меня. Мы едем в Останкино на лыжах. Старый парк, старый дворец. Деревья в шапках снега, мягким ковром он лежит на земле. Пушкин здесь, рядом.

...и вот сама
Идет волшебница зима.
Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов.

Я вхожу в осенний лес. Яркие краски увядающей природы. И здесь Пушкин.

Роняет лес багряный свой убор...

Луч света пробирается через кроны деревьев — и это Пушкин.

Ручей бежит по дну оврага, поле пахнет душистым сеном — и это тоже Пушкин.

Мне всегда казалось, что Пушкин чувствует стихами, думает стихами, они рождаются вместе с ним и просто выливаются на бумагу, превращаясь в звуки, в свет, в запахи... Все прекрасно в его творчестве: его стихи, его поэмы, его эпиграммы, его маленькие записки в альбомы друзей.

Каждая строка — как музыка, как солнечный свет, как щит, как меч против пошлости, цинизма, вообще всего низкопробного.

Неправда, что Пушкин был убит на дуэли Дантесом! Это Дантес был убит. А Пушкин жив. И будет жить вечно, пока сверкает снег, пока падают листья, пока человек способен любить и ненавидеть, смеяться и плакать, бороться и искать.

Андрей ДУБРОВИН, 15 лет.

Сделать человека более человечным...

Я долго не мог понять, что главное во всех произведениях Пушкина. И вот в один из тех вечеров, которые полностью принадлежат мне, я открыл поэму «Руслан и Людмила». Я не мог оторваться от нее весь вечер и только тогда понял: главное в творчестве Пушкина — это любовь поэта к русскому народу.

Не знаю почему, но меня в творчестве Пушкина больше всего привлекают сказки. Кто из нас в детстве не любил сказок? Наверное, таких людей нет. Для меня сказки Пушкина — это не только кладовая русского фольклора, это еще школа жизни и добра. Я думаю, что делом всей жизни Пушкина была мечта сделать человека более человечным.

Наташа СУХАНОВА, 15 лет.

Светлый сказочный мир

Я видела Пушкина. Он стоял, слегка наклонившись вперед, и, казалось, был сосредоточен на какой-то одной, очень важной мысли. Луч света скользил по его фигуре, казавшейся черным силуэтом. Он сочинял стихи. А я стояла и смотрела на него. Подойти ближе было нельзя: постамент окружила тяжелая стальная цепь. Резкий ветер раскачивал корзину с цветами, пытаясь ее опрокинуть и разбросать тоненькие стебельки с пышными головками по всему асфальту.

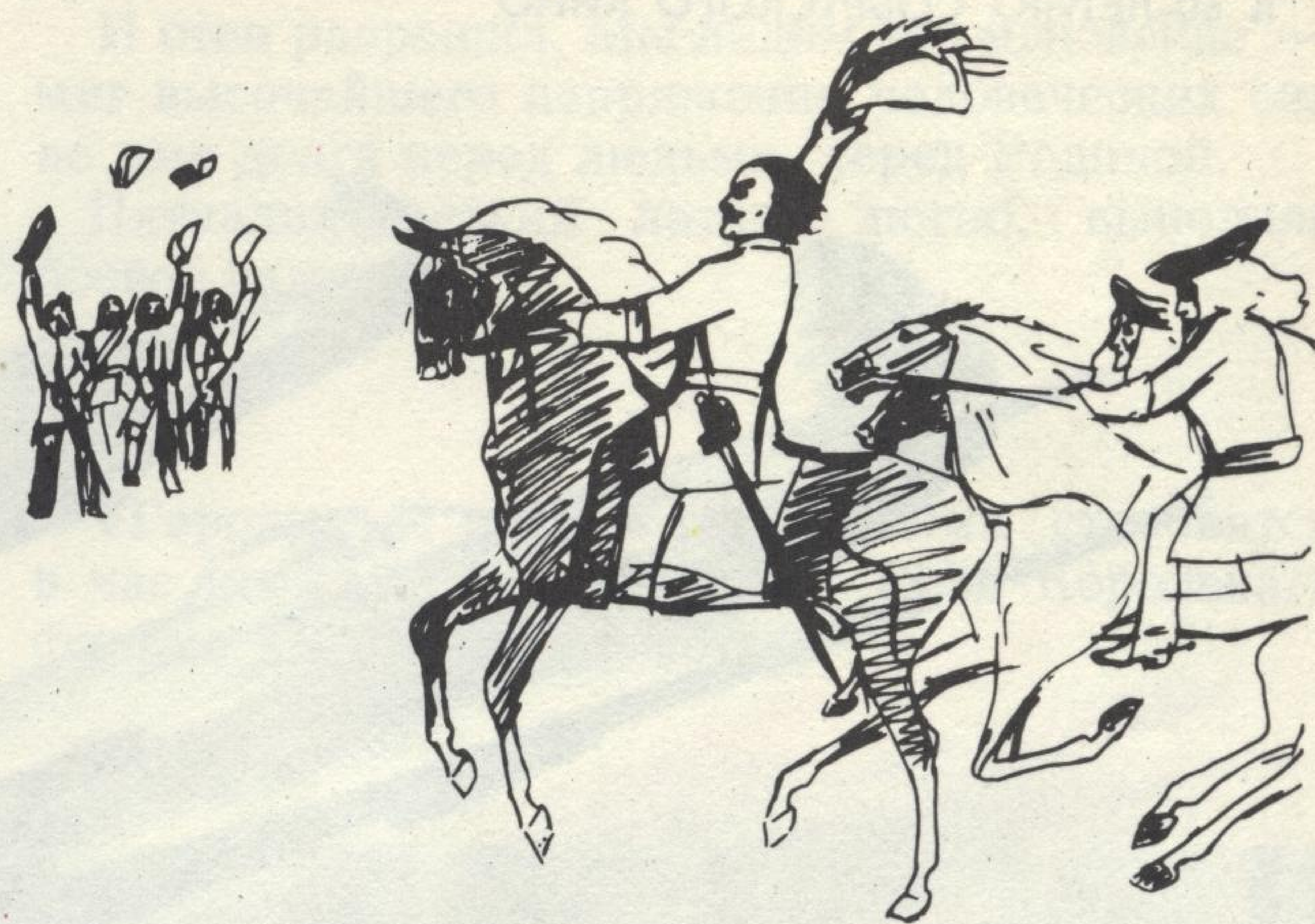
Стихи Пушкина вспоминаются в самые приятные моменты моей жизни. Они звучат, как музыка Чайковского, иногда сливаются с ней настолько, что читаешь стихотворение, а в ушах звучит голос Козловского. Поэтому лирика Пушкина создает свое, особое настроение приподнятости, покоя, тихого счастья. Мне кажется, что в этот момент нас посещают воспоминания детства, в которых мы видим себя бегущими по Лукоморью.

Мир поэзии Пушкина остается для нас таким, каким мы впервые его увидели — светлым и сказочным царством добра и мечты. Мне хотелось бы наяву еще раз побывать в стране детства, где живет МОЙ ПУШКИН.

Витя Шалагин из Ульяновска тоже любит Пушкина. У него целая серия рисунков на пушкинскую тему. Некоторые из них перед вами. Вот портрет поэта, а вот Петр Первый — из «Полтавы» и Емельян Пугачев.

Вите 14 лет, он занимается в кружке изобразительного творчества Ульяновского областного Дворца пионеров. Директор Дворца Тамара Петровна Пчелкина.

Надя БОЛТОВА, 9 класс.

С любви к Пушкину начинается любовь к Родине

Белоруссия. Маленькая деревня. Лес начинается сразу же за оврагом, около нашего дома. Осень. Мы с мамой долго ходим по расцвеченному лесу. Мама читает стихи:

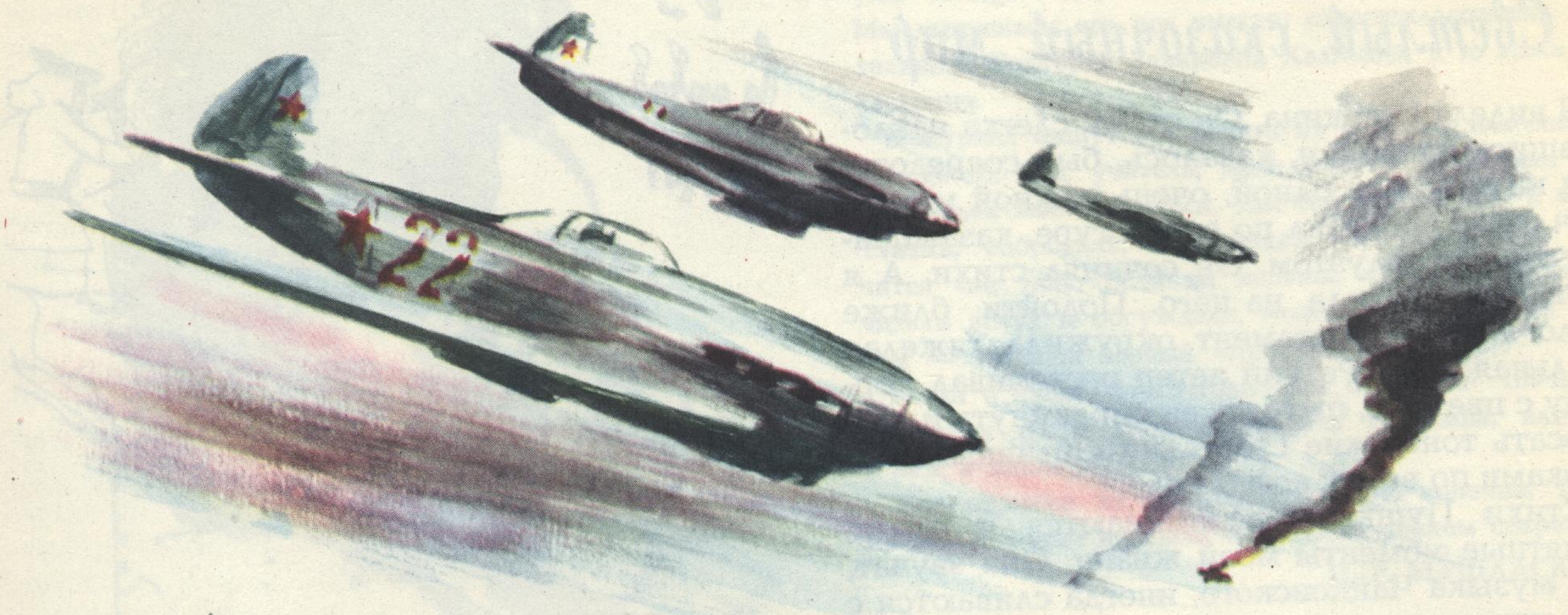
Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...

Так я и запомнила: золотые деревья вместе со стихами Пушкина.

Родная природа и родная поэзия... Сколько ни смотришь на знакомые леса, озера, никогда не скажешь, что нагляделся вдоволь. Наверное, поэзия Пушкина в этом сходна с природой: ни ту, ни другую нельзя познать до конца.

Может быть, поэтому мне хочется сказать: «С любви к Пушкину начинается любовь к Родине».

БОЙ ЗА ВЫСОТУ

И. НИКИТИНА

Пятнадцати лет не было Аркадию, когда он стал военным летчиком.

На экране — кинохроника военных лет. Летят самолеты, сбрасывают бомбы. Взрыв. Воздушный бой. Горит самолет.

Идет художественный фильм «И ты увидишь небо». Во весь экран, словно на огромной мемориальной доске, слова: «ПЯТНАДЦАТИЛЕТНЕМУ ВОЕННОМУ ЛЕТЧИКУ, КАВАЛЕРУ ДВУХ ОРДЕНОВ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ И ОРДЕНА БОЕВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ АРКАДИЮ КАМАНИНУ, ЕГО СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТОТ ФИЛЬМ».

Другой кинотеатр, и снова на экране хроника военных лет. По горящей земле идут в наступление наши солдаты. Падают, поднимаются и снова идут. Для многих этот бой был последним, но их успела запечатлеть кинокамера, и сегодня, живые, они снова идут в атаку...

На экране — девушка в солдатской форме, руки ее сжимают автомат. Это Гуля Королева, героиня фильма «Четвертая высота». Потемневшее от копоти лицо напряженно замерло, губы сжаты. Враг взял на прицел, пули ложатся все ближе, но Гуля Королева идет и идет вперед. Несколько маленьких точек пробивают ее одежду. Кадр останавливается. Мы не видим, как падает Гуля, она остается в нашей памяти идущей вперед с автоматом наперевес.

Оба фильма — о Великой Отечественной войне. Но не только этим они близки. И тот и другой фильм — о жизни юных, об их героизме.

Вы, ребята, родившиеся в мирное время, знаете войну по фильмам и книгам. Для вас ее дела стали легендами, а ее герои отлиты из бронзы. Но когда-то у них была иная, самая обыкновенная жизнь. Они и не думали, что станут героями. Не думали, и все-таки вся их жизнь была подготовкой к подвигу.

Прототип Аркаши Федорова, героя фильма «И ты увидишь небо»,— Аркадий Каманин. Аркаша Федоров — образ собирательный. Но в основу его положены факты из жизни Аркадия

Каманина, сына одного из первых Героев Советского Союза, прославленного летчика Н. П. Каманина.

Четырнадцатилетний Аркаша Федоров сбежал на фронт. Вот он стоит перед командиром взвода Трофимчуком, готовый разреветься. Ему не верят! Его принимают за малыша!

— Может быть, — с издевкой говорит командир летчику Дронову, приведшему мальчика, — наберем пионерский отряд, откроем кружки на фронте? — Он непреклонен: отправить немедленно домой!

Что делать, приходится врать: нет дома! Ни отца, ни матери нет. Сирота!

И — о чудо! — Трофимчук сдается.

Оставляет Аркашу в части под личную ответственность Дронова, ставшего потом лучшим другом и учителем мальчика.

Ура! Радостная физиономия сияет на экране. Повезло парнишке, сбылась мальчишеская мечта.

Но когда мы слышим за кадром Аркашин голос, читающий строки его письма к матери, мы понимаем, что не ребяческая фантазия, не страсть к приключениям, а обостренное чувство долга привело его на фронт. «Я должен быть на фронте... Когда меня принимали в комсомол, я дал перед знаменем клятву — сделать все для нашей победы. Помнишь папины слова: «Не страшно умереть, страшно не сделать в жизни то, что ты можешь сделать»? Я хочу быть таким же, как папа». И эти слова Аркадий подтвердил делами. Каждый прожитый им на фронте день был маленьким подвигом, ступенью к самой главной его высоте.

Волею случая Аркаша попал в полк, которым командовал его отец, генерал Федоров. Отец и сын решили никому не открывать этой тайны, чтобы не было бойцу Федорову никаких поблажек.

Военная судьба их сложилась так, что от отца зависело — послать или не послать сына почти на верную гибель. И тогда Аркадий впервые не по форме обратился к генералу:

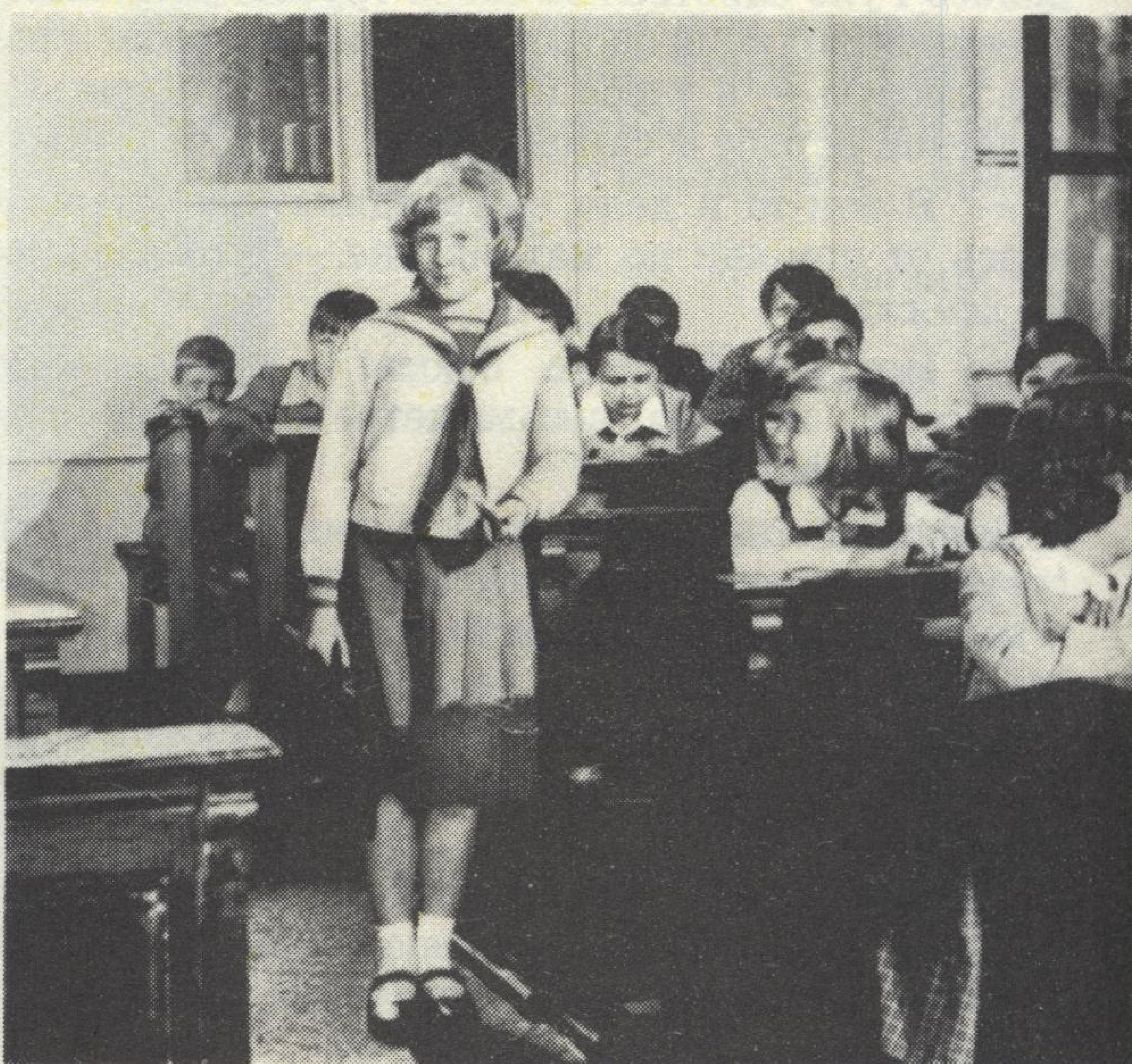
— Папа, разреши! — сказал он.

И отец разрешил. Мы видим это мгновение — миг высочайшего напряжения человеческих сил во имя долга перед людьми, перед Родиной.

Пятнадцатилетний летчик погиб, выполняя боевое задание.

«Героями не рождаются, героями становятся в час испытаний», — говорит Гуля Королева в фильме «Четвертая высота».

Она была самой обычной девочкой — иногда взбалмошной, иногда смешной.

В самом деле, в первых кадрах «Четвертой высоты» перед нами обычная девочка, иногда взбалмошная, иногда капризная, иногда смешная. Она и не кажется нам героиней. А впрочем... Вглядитесь повнимательней... Вот Гуля на

съемках кинофильма, по сценарию она должна скакать верхом, брать препятствия.

— Не хочет конь брать высоту, не могу с ним сладить,— говорит обессилевшая Гуля режиссеру.

— Не можешь, давай прекратим репетиции, вызовем дублершу из цирка. Дублерша возьмет этот барьер в два счета.

— Ну вот еще,— отвечает Гуля,— я сама должна...

И барьер был взят.

«Сама!» — как девиз прошло это короткое слово через всю ее жизнь. Сколько раз приходилось Гуле бороться со своей трусостью, ленью, тренируя волю, испытывая и закаляя себя! Еще две высоты — в учебе и спорте — были взяты в нелегкой борьбе с самой собой.

— В том-то и дело,— твердила она, отказываясь от помощи по математике,— что я должна все сама.

— Нет, стыдно! Не боюсь! — приказывала она себе, стоя на восьмиметровой вышке для прыжков в воду.

Война жестоко повернула жизнь Гули, мы чувствуем, как она сразу стала выше оставленных в мирной жизни переживаний. В ту минуту, когда Гуля, в пилотке, с вещмешком за спиной, последний раз смотрит на мать и маленького сына, мы понимаем: она стоит перед последней своей высотой.

Мчится сквозь бой и пальбу санитарная машина с ранеными. Ее догоняют взрывы, осыпая комьями земли. И вдруг остановка. Убит водитель.

Гуля быстро пересаживается в кабину. Пули пробивают ветровое стекло. Но машина мчится, не сбавляя скорости. Лицо Гули искажено от напряжения, а глаза... Такими они были, когда она гнала коня на барьер. И такими, когда корпела над математикой и твердила: «Я должна сама». И такими же они были перед прыжком в воду.

— Тебе хорошо,— скажет ей потом молоденькая медсестра Ася,— ты отчаянная, у тебя нервов нету.

— Есть,— ответит Гуля,— только я держаться умею...

Полотно экрана пробивают маленькие темные точки. Это фашистские пули: слева, справа, слева, справа... Гуля Королева с автоматом в руках все идет и идет вперед.

В боях под Сталинградом взяла она свою последнюю высоту.

Своя высота есть в каждой жизни. И у каждого — свои пути к ней. Но исход боя за эту высоту решается уже сейчас. Ежедневно, ежеминутно. В самой трудной борьбе, в борьбе с самим собой.

Рисунки С. ТРОФИМОВА

Наталия ЮРКОВА

Табун

Ветер шелестит травою.
Бьет волна у водопоя.
Пьют расседланные кони.
Жеребенок пьет
С ладони,
На волну косит пугливо...
А вожак заржал
И гривой
Вдруг взмахнул.
От водопоя
Кони звонкою тропою
Легкой рысью отбежали,
Громко, радостно заржали —
Горизонт
Летит навстречу!
Только ветер хлещет плечи,
И пружинят ковыли,
Прогибаясь до земли.
И мальчишка
В табуне
На расседланном коне
По степным просторам мчит.
Вольный ветер,
Дробь копыт...

Молчуны

В лесной тишине
Петляет дорожка.
Висит на руке
Пустое лукошко.
Хожу возле ели,
Березы, сосны —
Грибы за стволами
В траве не видны.

Кричу я:
— Грибы, отзовитесь!
А-у-у-у!
Но тихо.
Лишь крикнуло эхо:
— Ау!

Грибы не ответят.
Грибы — молчуны.
Им жалко,
Им жалко
Лесной тишины.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Какие животные, живущие в Северном Ледовитом океане, находятся под охраной ученых?

Ученица. Северные олени...

Света Дмитриева,
г. Тула.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учитель. Вова, расскажи о цапле.

Вова. Цапля — это птица, которая ходит клювом по дну.

Света Балашова
и Галя Купцова,
г. Пенза.

НА УРОКЕ АРИФМЕТИКИ

Учитель. У тебя было одно яблоко. Ты его съел. Сколько осталось?

Ученик. Огрызок.

Эльвира Ибрагимова,
г. Астрахань.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Какого вида прилагательное «железный»?

Ученик. Металлического.

Алеша Федосов,
г. Ленинград.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учительница. Расскажи о средневековой школе.

Ученик. Учителя били детей. И когда они вырастали, тоже становились драчунами.

Р. Беназирова,
г. Нурек,
Таджикская ССР.

* * *

Учительница. Кто жил в родовых общинах?

Ученик. Мамонты.

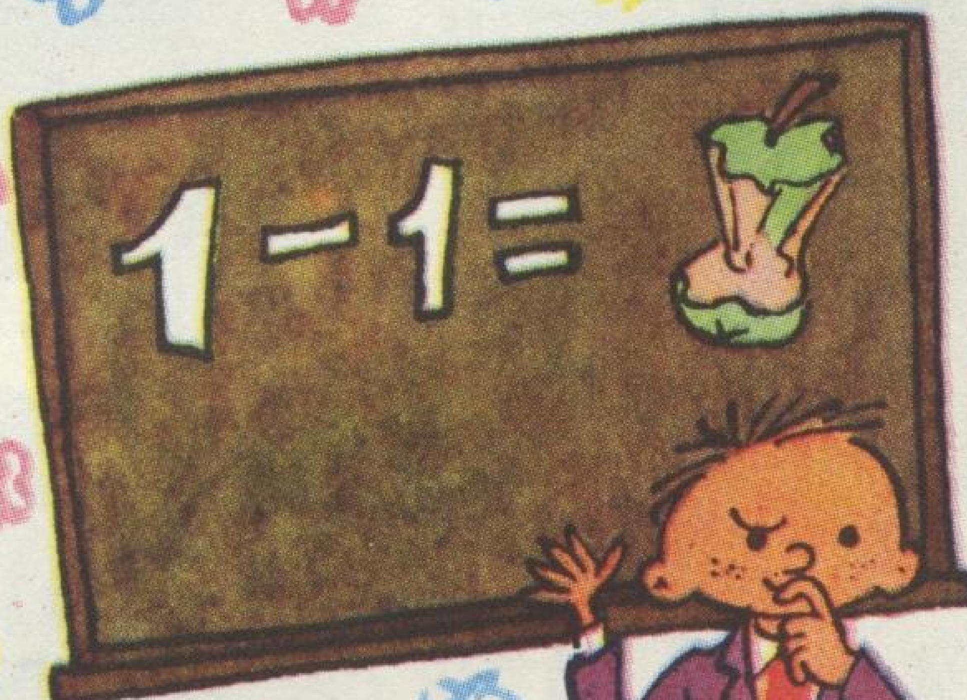
Таня Полегаева,
г. Саратов.

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учитель. Куда направлена сила трения?

Ученик. Сила трения направлена против ветра.

Саша Б.,
г. Воркута.

Из школьных сочинений

«Как только люди выходят из поезда, их сразу подхватывают в свои лапы березы, сосны и другие деревья».

«Из-за тучи выглянули солнце, месяц, полумесяц и луна».

«На поле паслись домашние звери».

«В библиотеке на столе лежат газеты и крокодилы».

«Девочка была стройная, заплетенная в косы».

«В лесу гуляли зайцы и домашние кролики».

«Конь был одет в кольчугу и шлем».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.
Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

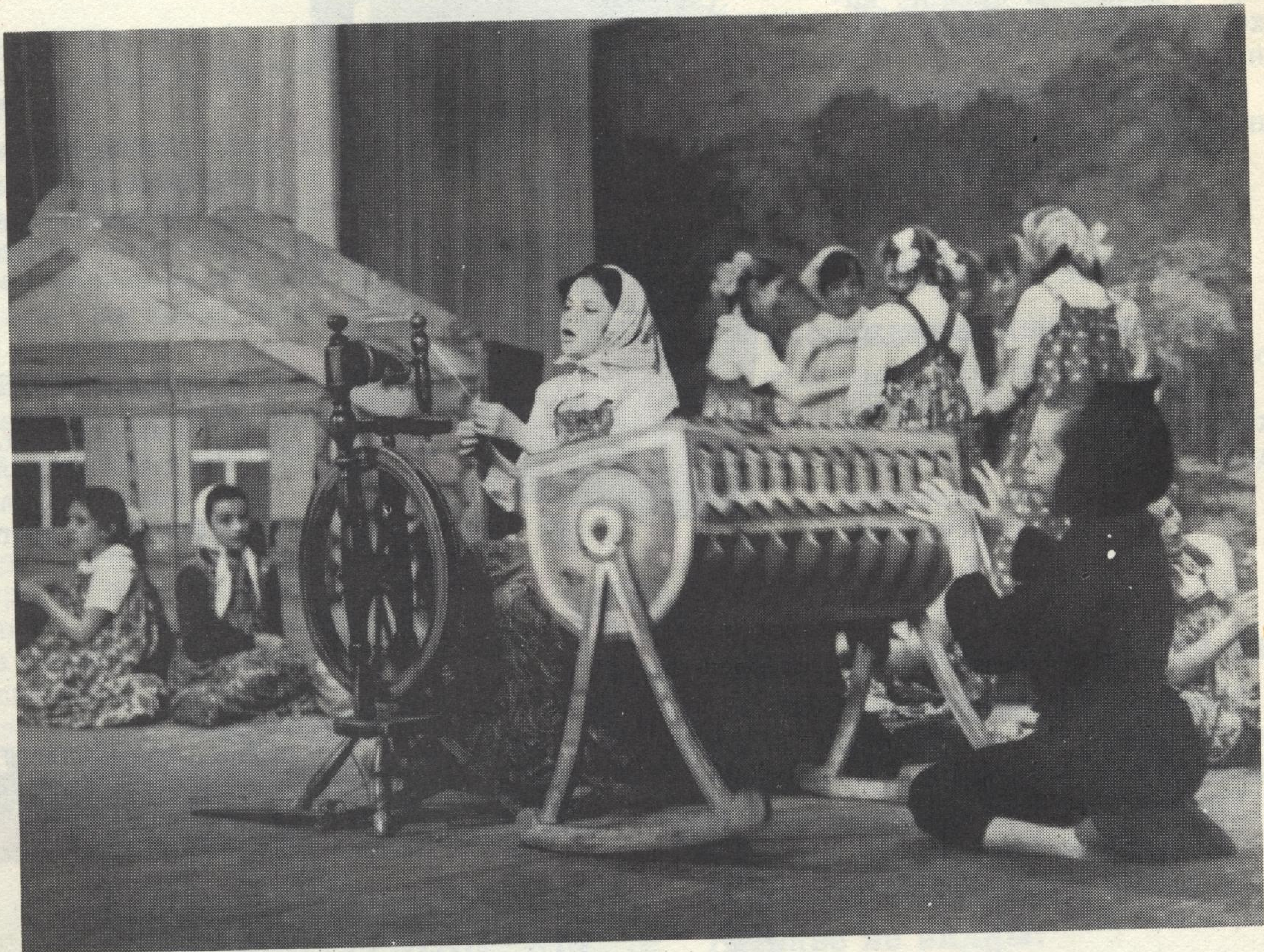

Мы с тобой и музыка

Б. МИНАЕВ

Как и положено в сказке, кончалось все хорошо. Главный герой, Пионер, победил в трудном и опасном поединке хитрую Бабу-Ягу. Спектакль кончался, зал настраивал себя на торжественный финал: Баба-Яга должна была превратиться в змею. И превратилась.

«Змея!» — крикнул кто-то испуганно. Зал замер, потом дружно охнул, и все стали вскакивать со своих мест, подниматься на цыпочки, чтобы увидеть чудо. Было интересно и страшно.

«Гуси-лебеди» — сказка грустная и красивая.

Признаюсь, я тоже поддался всеобщему настроению и вместе с октябрятами переживал и волновался. А потом задумался: как же так получилось? Все же, наверное, понимали — настоящей живой змее здесь взяться неоткуда. А вдруг она упадет со сцены и начнет возпользать между рядов, что тогда? А вдруг... Но мы поверили, пусть на две-три секунды, но поверили! И не потому, что нас ловко провели, обманули — просто в театре, если это настоящий театр, веришь всему, что происходит на сцене.

...Я давно знал, что в двенадцатой школе подмосковного города Щелково есть необычный театр — оперный. Всем известно, что ребята порой могут делать вполне взрослые дела—пахать, сочинять музыку, ставить спортивные рекорды. А вот работать на башенном кране — такого, по-моему, пока не было. И оперу в пионерском театре я себе не очень хорошо представлял. Поэтому, когда приехал в Щелково смотреть спектакль, смотрел его придирчиво: не понарошку ли все это, не игрушечное ли?

Все было в порядке: увертюра, хор, арии и дуэты, красивые, яркие костюмы, а лучше всего была в этой сказке музыка, ее главный герой, самый красивый и благородный.

Театру уже много лет — двадцать два. Возраст не пионерский. Есть свои традиции. Есть бессменный руководитель театра — учитель музыки Виктор Николаевич Чепуров. Но со-

став актеров все время обновляется: ребята уходят из школы и, увы, должны прощаться с театром. Но все время приходят новые, и для них все впервые, все трудно и все интересно.

В театр берут всех без исключения. Дают роль и костюм — теперь отвечаешь и за то и за другое. Не принесешь, не выучишь, не постараешься — подведешь всех. Даже если роль небольшая. Так в театре сразу учат новых людей самому главному: пониманию того, что театр — большое и серьезное дело.

Многие приводят в театр своих друзей. А некоторые приходят сами. Лена Зуева сказала: «Я просто заразилась от них. На переменке они не скучают и не бегают, как угорелые, — им есть о чем поговорить, обсуждают поездки, разговаривают о декорациях, костюмах...»

Я задал ребятам вопрос: «Есть ли роль, которую ты очень хочешь сыграть, а тебе ее пока не дают?» Они в ответ пожимали плечами: тут главный принцип не «ты и твоя роль», а «ты и весь спектакль». Спектакль, в котором участвуют, многие помнят наизусть.

Таня Вялых сказала: «Когда начинаю петь, сразу забываю, что я на сцене». Играет она Бабу-Ягу. «Как же так, забываешь? — удивился я.— Ведь Бабы-Яги не бывает». «А она сказочный герой,— ответила Таня,— загадочный».

У Андрея Григорьева роль без слов, пантомима. Леший выбегает на сцену, пляшет, кувыркается, кривляется. И убегает. Сделать все это надо так, чтобы было и смешно и страшно.

«Когда выходишь, всем должно быть интересно, кто ты такой»,— это один из секретов актерского мастерства, в который меня посвятили ребята.

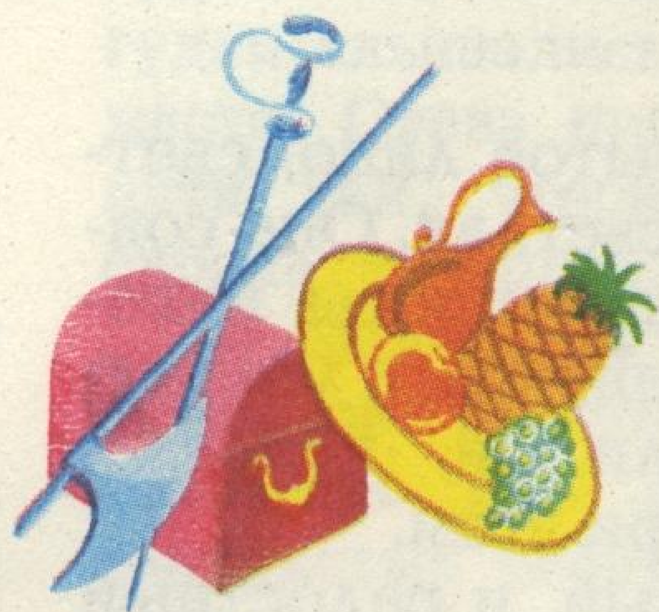
Андрей, между прочим, хочет стать клоуном.

Не последнее дело костюм в их работе. Костюмы ребята хранят дома, берегут. Как оружие. Если на гастроли не едешь, должен прийти и сдать «оружие». В этом смысле больше всех повезло, наверное, Лене Черкашиной. Ее Сова выходит на сцену в замысловатом головном уборе. Раз! — зажигаются лампочки, и голова Совы излучает разноцветное сияние.

Трудно представить себе жизнь театра без поездок. Изъездили почти всю Московскую область. Побывали в Петрищево (место гибели Зои Космодемьянской), в Бородино. Из дальних путешествий больше всего запомнился Харьков: встреча с людьми и встреча с городом. Улицы, площади, памятники. Ночные огни из окна автобуса.

...Света Лакур — самый веселый и счастливый человек в театре — так мне по крайней

В гримерной.

В зрительном зале.

Вот и начались «Лесные чудеса».

мере показалось. У нее открытое лицо, светлые волосы. И улыбка тоже светлая. Она совсем не смущается, ответы на вопросы находит быстро. Приятно разговаривать с уверенным в себе человеком,— если он, конечно, вежливый и внимательный при этом.

И вот этот самый довольный и радостный человек рассказал мне про свою жизнь в театре несколько грустных историй.

Сначала, когда она начала ходить в театр, было очень интересно. И репетиции и поездки — все. А потом вот что получилось: стало Свете скучно. Надоело таскать за собой повсюду, по всем большим и малым дорогам театра, тяжелый саквояж с костюмом. Надоело делать на репетициях совсем не то, что хочется. Скучно.

...Если бы мне вдруг поручили составлять «Правила для актеров» (подобно тем «Правилам для учеников», что висят в каждой школе), я начал бы так: «I. Терпи!..» И потом уже все остальное. Света это правило учила долго... и выучила все-таки! Теперь она, семиклассница, играет главную роль Пионера в «Лесных чудесах» (музыка В. Герчик. Либретто В. Викторова).

Но и сейчас для нее все не так легко, как мне показалось сначала. Иногда бывает очень грустно. Например, оказывается, что день рождения тебе придется встречать в поезде. Будут, конечно, и цветы, и поздравления, а дня рождения все равно не будет. Или: на каникулах театр выезжает на гастроли, а твой класс в это время собирается проводить «Огонек» и вообще кучу интересных дел. Вряд ли самые громкие аплодисменты могут заглушить эти мысли.

Когда она все это рассказывала, мне захотелось спросить Свету: «Ну, а что же ты получаешь взамен того, что отдаешь театру?»

Такой прямой вопрос я побоялся задать, но ответ все же получил. Чуть позже.

Света сказала: «Виктор Николаевич на меня очень надеется. Я даже заболеть не могу». «Чего ж тут хорошего?» — хотел спросить я и осекся. Потому что понял: это здорово, когда так любишь свое дело, что просто нельзя, никак невозможно заболеть.

«В театре я поверила в себя»,— это сказала Лена Зуева.

«В театре все ребята из разных классов между собой передружились. А раньше даже и не знали друг друга»,— так сказала шестиклассница Ира Бойчук. Еще один ответ.

Видите, у всех по-разному. Кому-то важна гордость за свое дело, кому-то уверенность в себе, которую в этом деле обрел. А кому-то — много друзей, веселых и добрых.

И все это дает им театр.

Ребята в театре очень разные, и на мои вопросы отвечали, конечно, по-разному. Но всех их объединяло одно: любовь к музыке, к сцене, к театру. Понимание его строгих, но добрых законов коллективной работы. И еще одно: отношение к Виктору Николаевичу Чепурову, руководителю театра.

Все сказанное самими ребятами и о ребятах — его заслуга. Он первый увидел и понял, что они, школьники, могут работать с настоящей серьезной музыкой, что это им по плечу.

«Виктор Николаевич сердится по-настоящему только тогда, когда кто-то подводит театр»,— так сказали ребята. И я понял, что Виктор Николаевич для них не только руководитель, режиссер, организатор, а еще... камертон.

Камертон, знаешь, что такое? Это специальный музыкальный прибор, издающий абсолютно чистый звук. По нему все музыканты в оркестре настраивают свои инструменты. Виктор Николаевич для ребят — источник именно того настроения, которое сейчас нужно.

Если вам придется побывать на спектаклях оперного театра двенадцатой Щелковской школы, обратите внимание на худощавого человека в углу сцены со скрипкой в руках. Это заслуженный учитель РСФСР Виктор Николаевич Чепуров. Правда, обычно он стоит спиной к залу.

Лицом к ребятам.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Фотографии П. АСАУЛЬЧЕНКО и Р. ДЕНИСОВА

Юрий Томин

КАРУСЕЛИ НАД ГОРОДОМ

ПОВЕСТЬ, ОСНОВАННАЯ НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ, ПРИДУМАННЫХ АВТОРОМ.

Окончание. Начало в № 4.

Рисунки В. ДУДКИНА

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ
Середина конца

Первые две ягоды Феликс нашел сразу. Он сообщил об этом Томе.

— Еще сорок восемь, — откликнулась Тома.

Следующие три ягоды попались шагов через пятьдесят. Феликс опять сообщил.

— Молодец! — крикнула Тома.

А потом земляника перестала попадаться вовсе. Феликс углубился в лес. Он не знал, что земляника тени не любит, а Тома об этом ему не сказала.

Феликс шел быстро. Он хотел поскорее набрать ягод и вернуться к Томе.

День стоял солнечный — запомнить дорогу ничего не стоило, нужно только заметить, с какой стороны находится солнце. Но Феликса никто этому не учил. Когда он сообразил, что на прежних местах ягод попадалось больше, и захотел вернуться, то это ему не удалось.

Сначала он, как и большинство ходящих по лесу, загибал вправо. Продолжая идти в этом направлении, он вышел бы к лагерю, хотя и не на прежнее место. Когда же он повернул в обратную сторону, то опять начал загибать вправо и стал удаляться от лагеря.

Прозрачный смешанный лес сменился густым ельником. Молодые ели стояли так часто, что местами приходилось пролезать под ними на четвереньках.

Миновав еловую полосу, Феликс вышел в редкий березовый лес и нашел еще три ягоды. Он крикнул Томе, но в ответ не услышал ничего. Феликс немного удивился: по его расчетам, он давно уже должен был вернуться.

Любой человек, если он, конечно, не лишен элементарной смекалки, сумел бы на месте Феликса вернуться назад. Справа проходило шоссе, откуда иногда доносились приглушенные гудки автомобилей; развернись он так, чтобы гудки слышались слева, и выйдешь на прежнее место. Слева пролегала железная дорога; если идти так, чтобы шум электрички слышался справа, то опять же придешь куда надо.

Но Феликс не обращал внимания на все эти звуки: они ничего не говорили ему.

Феликс шел прямо туда, где, затаившись в извилистых берегах, текла речка Кулемка.

Лес неожиданно расступился. Вниз побежал песчаный откос. А под откосом тихо, мирно и ядовито синели воды небольшой речки. Впрочем, не так уж они и синели. Кусты, деревья, небо и облака отражались в них так же чисто, как и в обычной воде.

На вид это была вполне невинная речка. Еще не так давно в ней водились окуни и плотва, и даже раки, которые, как известно, любят чистую воду. Но несколько лет назад фабрика игрушек начисто перевела в ней всякую живность. Дольше всех, говорят, продержалась старая щука. Но и она, не выдержав, сплыла вниз по течению и ушла в другую реку, где погибла от тоски и одиночества: у этой щуки была красная голова, зеленое брюхо, синий хвост, и другие щуки не хотели с ней разговаривать.

Всего этого Феликс не знал. Но на той стороне реки он увидел множество белых цветов. Тома объяснила ему, что так цветет земляника.

Феликс спустился с обрыва на берег. Речка была неширокой, и отсюда цветы показались совсем близкими. Феликс разделся и сложил одежду на берегу. Он решил, что сплавает на ту сторону и вернется с ягодами. Он не верил, что не умеет плавать: ведь все остальные ребята умели, он сам это видел.

Феликс ступил одной ногой в воду и похлопал себя руками по груди, как это делали сегодня ребята, прежде чем окунуться.

С обрыва послышался крик.

— Феликс, стой! Не ходи туда!

Феликс обернулся, нога его оскользнулась на глине, и он бухнулся в речку...

Тут следует на время остановиться и объяснить, почему героев всегда спасают в последнюю минуту.

Ну, во-первых, пока еще никого не спасли...

Во-вторых, ни один автор не имеет права топить своих героев без крайней необходимости, а эта необходимость еще не настала.

В-третьих, давайте разберемся: а в какую же минуту вообще-то спасают тонущих людей? Ведь не за час до их гибели и не за два. И, конечно, спасают их не после смерти, а хотя бы незадолго до нее.

В общем, спасают как раз в ту самую минуту, когда они тонут...

Но автор уже чувствует, что слишком много оправдывается. Когда человек приводит множество оправданий, то это означает, что у него нет ни одного серьезного.

Поэтому автор мысленно зачеркивает все предыдущие оправдания и оставляет одно, но серьезное: все было так, как написано.

И не случайно.

Не случайно Борис встретил Феликса, хотя вышел на его розыск не сразу и двигался другим путем. Вот Феликс попал к речке случайно. А Борис понимал, что самую большую опасность для Феликса представляет не шоссе и не железная дорога, а речка Кулемка, потому что машинист и шофер могут посигналить или затормозить, а речка проглотит человека без всяких сигналов.

Борис кратчайшим путем добежал до Кулемки и побежал вдоль нее по тропе.

Итак, Феликс бухнулся в речку...

Здесь так и хочется написать, что Феликс ударился о камень или его вынесло на стремнину, а впереди шумел водопад, и Борис, рискуя жизнью, вытащил его на берег.

Но речка Кулемка мелка; стремнины и водопады не снились ей даже в ее лучшие годы.

Когда Борис скатился вслед за Феликсом в речку, то воды в ней оказалось всего по грудь.

Феликс в трусах, а Борис в рубашке и брюках стояли друг против друга, и синие ручьи текли по их шеям.

— Допрыгался... — сказал Борис.

Феликс молчал. Он чувствовал, что провинился.

Борис на четвереньках выбрался на скользкий берег и протянул руку Феликсу.

— Все, — сказал Борис. — Привет... Прощайся с лагерем.

— Я хотел набрать земляники. Смотри, сколько ее на том берегу.

Борис взглянул через речку и сплюнул синей слюной.

— Это ромашка, — сказал он кратко и начал раздеваться.

Одежда Бориса закрасилась неровно: в одних местах синий цвет лег погуще, в других посветлее. Но зато тело, руки, ноги и шея стали цвета морской волны — такой радостной синей волны, какую можно встретить на детских рисунках.

Феликс выглядел не лучше или не хуже — кому как понравится.

Ни ругать Феликса, ни объяснять ему что-то Борису не хотелось. Он понимал, что скрыть купание не удастся: для этого потребовались бы новые руки и шеи для них обоих, а для Бориса еще и новый костюм.

Борис выжал белье и одежду, надел все мокрое.

— Идем.

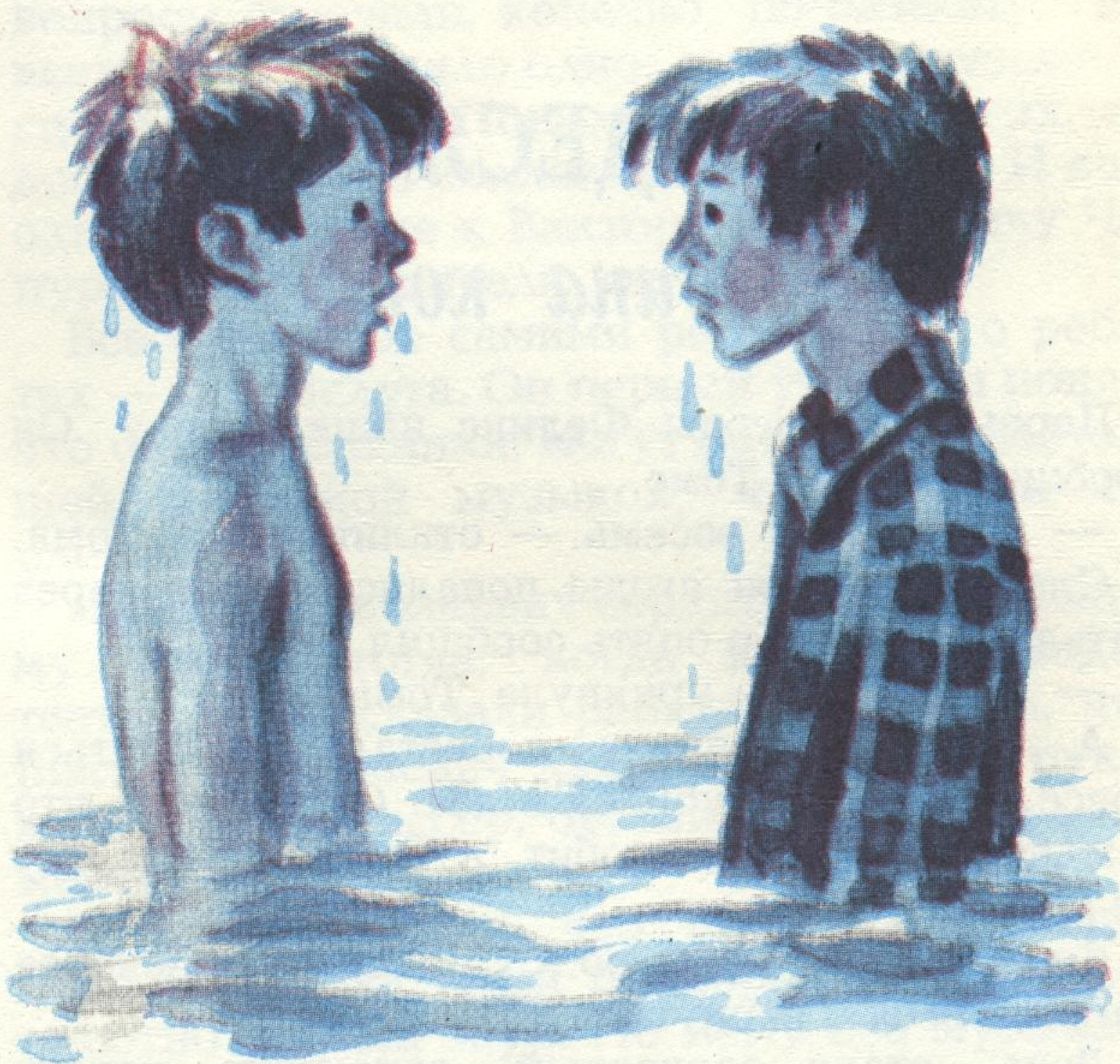
— Боря, а почему ты сказал: «Прощайся с лагерем»?

— Потому что выгонят.

— А куда мы с тобой пойдем?

— Я домой.

— Я тоже домой — к Палычу.

Феликс и Борис стояли друг против друга, и синие ручьи текли по их шеям.

Борис ничего не ответил. Он чувствовал себя виноватым.

Они шли по траве вдоль Кулемки. Сзади и немного сбоку от них похрустывали сучья, словно эхо шагов отражалось от леса. Борис остановился и придержал Феликса. Но эхо не умолкло.

Невдалеке за деревом Борис заметил какое-то движение.

— Серый, — негромко сказал Борис, — а ну выходи, а то башку оторву.

Из-за дерева показался Серега с автоматом. Он следил за братом у озера, бежал за ним по тропе, видел купание. Он понимал, что сейчас с братом шутить не стоит.

— Чтобы через полчаса дома был! — приказал Борис. — Отцу ничего не говори.

— Борька, а я нарочно не прятался. Я тебе что-то сказать хочу.

— Я сказал — домой! — повысил голос Борис.

— Борька, возьми мою одежду, а я твою надену. Мне-то ничего не будет.

— Спасибо, Серый, — сказал Борис. — Мне твоя одежда мала. А теперь — сгинь.

— Я отцу ничего не скажу, — пообещал Серега и растворился в кустах.

При упоминании об отце Борису пришла неожиданная мысль.

— Феликс, кажется, я придумал! На обед мы все равно опоздали... Давай бежим сейчас в Кулеминск к нам домой. Отцу скажем, что свалился в воду нечаянно, а я бросился тебя спасать. Вот мы и закрасились. А виноват-то он! Его уже два раза штрафовали за речку. Я переоденусь, а он пускай отвезет нас в баню. До ужина мы вернемся.

— Я свалился не нечаянно, а пошел за земляникой, — сказал Феликс.

— А сказать надо, что нечаянно.

— Но это будет неправда.

— Ты можешь молчать. Говорить буду я. И вообще, если родителям всегда говорить правду, то и жить невозможно.

— Боря, ты говоришь «отец», «родители»... А где мои родители?

— Чем больше будешь спрашивать, тем скорее их увидишь, — усмехнулся Борис. — Пока что твои родители — Алексей Палыч и я.

— Я так и думал, — сказал Феликс. — Но говорить неправду я все равно не буду.

— Тебя никто не заставляет. Молчи себе — и все.

Но план Бориса, не такой уж и сложный, выполнить не удалось. Обходя лагерь, Борис увидел небольшую толпу, направляющуюся к лесу через стадион.

— Все, — сказал Борис. — Уходить нельзя. Нас идут искать... Девчонки все разболтали.

Да, это поработали девочки. И вряд ли можно винить их за это.

Походив возле опушки до обеда, они направились в столовую. Ни Феликс, ни Борис к обеду не явились. Девочки подождали еще полчаса. А потом они решили, что если с ребятами что-то случится, то в этом будут виноваты только они.

Девочки покаялись тренеру.

Тренер пошел к начальнику лагеря.

Начальник по трансляции объявил немедленный сбор всего персонала.

И вот теперь толпа человек в двадцать направилась к лесу. Впереди вышагивал Вен-Вен с мегафоном в руках. Позади всех шел Алексей Палыч, который только что появился в лагере.

— Конец, — сказал Борис. — Кажется, всему конец. Но ты молчи. Может быть, еще поверят. Только они не поверят. Вон их сколько собралось.

— Палыч идет! — радостно воскликнул Феликс.

— Тут и Палыч не поможет, — вздохнул Борис.

Двое синих вышли из зеленого леса и пошли по желтому песчаному полю навстречу толпе.

— Вот они! — воскликнул кто-то весело, потому что страдал близорукостью.

— Я бы сказал, не совсем они, — заметил Вен-Вен, близорукостью не страдавший.

Мальчиков окружили кольцом. Женщины смотрели на них с жалостью: они знали, что грозило этим ребятам. Мужчины тоже знали, но жалости в их глазах не было, ибо именно мужчины на нашей планете призваны осуществлять справедливость.

— Господи! До чего они синие! — вздохнула повариха, которую освободили от поисков, но она пошла из любопытства.

Алексей Палыч скромно маячил в задних рядах. Он проклинал себя за то, что не освободился с утра и не успел вовремя. Он понимал, что при таком количестве свидетелей даже начальнику лагеря трудно будет что-нибудь сделать.

Феликс, не обращая ни на кого внимания, бросился к Алексею Палычу.

— Палыч, привет! — радостно сказал Феликс. — Ты почему так долго не приходил?

Алексей Палыч, не поднимая глаз, пожал синюю ладошку, но тут же спохватился.

— Безобразие! — сказал Алексей Палыч, косясь в сторону начальника лагеря.

— Товарищи, спасибо, — сказал начальник лагеря нехорошим голосом. Таких голосов не бывает у людей, собирающихся простить. — Все свободны. Куликов и Солнечный пройдут со мной в канцелярию.

— Концерт окончен, — сказал в мегафон Вен-Вен. — Граждане, расходитесь. Граждане, не толпитесь.

Именно в эту минуту, при виде синих мальчишек, в голове Вен-Вена произошло короткое замыкание в творческом смысле. Он ясно увидел свою новую пьесу. Она была в синем цвете. Синие мальчики и синие девочки пели и танцевали на сцене. Синий оркестр играл «голубой блюз». Всем было дико тоскливо, невыносимо скучно, жутко одиноко. Смысл пьесы заключался в том, что в ней не было слов. Можно было петь только «на-на», «ля-ля», «ра-ра», «па-па» и... «ку-ку».

«Ку-ку» было настоящей находкой, такого еще нигде не встречалось.

Вен-Вен быстрым шагом направился в клуб — записывать идею, пока она еще дымилась.

За ним потянулись остальные.

Начальник лагеря, Борис, Феликс и Алексей Палыч пошли в канцелярию. Ребята, встречавшиеся им по пути, прилипали к этой группе, как железные опилки к магниту. Всем хотелось посмотреть, как ведут себя приговоренные перед казнью. Провожали Бориса и Феликса молча. Никто не смеялся и не злорадствовал. Один лишь Дегтярев забегал вперед и пятился задом, надеясь разглядеть слезы на лицах преступников.

Все четверо поднялись на второй этаж над

столовой в небольшой кабинет начальника лагеря. Он молча подвинул стул Алексею Палычу и сел за стол.

— Ну... — сказал начальник лагеря, и в этот момент в дверь постучали.

— Войдите.

В дверь просунулись Ира и Тома и остановились у порога.

— Что скажете?

— Они не виноваты, — сказала Ира.

— Это мы виноваты, — сказала Тома.

— В чем же ваша вина?

— Мы послали их за земляникой, а они заблудились.

— И все?

— Все, — сказали девочки.

Хорошо, девочки, идите.

— А вы их простите? — спросила Тома.

Идите.

Девочки ушли. Теперь они чувствовали себя виноватыми еще больше, теперь им стало ясно, что не нужно было поднимать панику.

— Ну, вот и все, — со вздохом сказал начальник лагеря. — Скажите мне, какой черт вас туда занес? — спросил он ребят. — Что за удовольствие купаться в этой канаве? Кроме того, в лес ходить тоже не разрешается.

Мы не купались, — ответил Борис. — Все получилось нечаянно.

— Что значит нечаянно?

— Он случайно упал в воду, а я... — Борис хотел сказать «спас», но подумал, что в слове этом слишком много геройства, — ...я ему помог вылезти.

— Значит, ты его спасал?

Борис помолчал.

— Вообще-то так могло быть, — робко вступился Алексей Палыч. — Куликов мальчик довольно решительный.

— Допускаю. Тогда пусть Куликов мне так же решительно объяснит, почему у него костюм крашеный, а у его друга нет.

— Потому что он упал без костюма.

— Случайно упал без костюма? Сначала разделся, а потом упал... Зачем он раздевался? Знал, что упадет?

Борис молчал. Феликс видел, что Борису отвечать трудно. Он знал, что должен молчать, но все же бросился на выручку.

— Я разделся, чтобы перейти на другой берег.

— Зачем?

За земляникой.

— Ясно. Дальше.

— Боря говорит правду. Я упал, а он прыгнул и помог мне вылезти.

— Что же, на другом берегу земляника слаще?

— Там не было земляники. Там ромашка, — правдиво сказал Феликс.

— А друг твой честнее тебя, Куликов, — сказал начальник лагеря. — Вот уж действительно ирония судьбы: отец спускает в реку краску, а сына за это выгоняют из лагеря.

Начальник лагеря подошел к окну и взглянул вниз.

Целая толпа стоит, — сказал он. — Ждут, чем кончится. И все знают, чем должно кончиться. Сто раз говорили: полез в речку — пощады не будет. В разное время мы уже выгнали одиннадцать человек. Если сейчас простить этих, то что сказать следующим? Вы же сами педагог, Алексей Палыч, вы должны меня понять.

— Я-то понимаю, — покорно сказал Алексей Палыч. — Только мне мальчика деть совершенно некуда. Мальчик издалека...

— Есть один выход, — сказал начальник лагеря. — Он заключается в том, что преступники объявляются героями. Они были вынуждены броситься в воду, чтобы спасти человека. Кто-то тонул в этой речке, допустим, турист. Таким образом, провинность превращается в благородный поступок, и вопрос о наказании сам собой отпадает. Но не полностью. За побег в лес мы с первого раза не выгоняем. За это объявляется

строгое предупреждение. За спасение туриста выносится благодарность. Все это, во избежание слухов, объявляется по трансляции. Нам с вами противно, мы плюемся от отвращения, но другого способа я не вижу.

Алексею Палычу было стыдно. Он понимал, что все это делается ради него. Но уж слишком как-то выходило все откровенно нечестно. Особенно неловко было перед ребятами. Да и согласны ли они сами на это?

Начальник лагеря, словно угадав мысли Алексея Палыча, спросил Бориса:

— Ну, как тебе нравится моя идея?

Борис промолчал. Идея ему не нравилась. Но не надо забывать, что он знал то, чего не знал начальник лагеря. Кроме того, он представлял себе, что свалится на Алексея Палыча.

Ира и Тома остановились у порога.
— Что скажете? — спросил начальник лагеря.
— Они не виноваты,— сказала Ира.
— Это мы виноваты,— сказала Тома.

— Понятно. А тебе? — обратился начальник лагеря к Феликсу.

— Это неправда, — сказал Феликс.

— Разумеется. Я, кажется, этого не скрываю.

— А нельзя ли как-то по-другому? — спросил Алексей Палыч. — Если без благородных поступков...

— Никак не выходит. Героизм — единственное оправдание для синих, зеленых и красных. Если бы они были иностранцы и не понимали по-русски... Еще лучше, если бы они были с другой планеты. Но это уже фантастика. Скоро ужин. Нужно решать, Алексей Палыч. Я понимаю, что вам тоже нелегко сделать выбор. Выбирайте меньшее из двух зол.

— Нельзя ли немного подумать? — попросил Алексей Палыч. — Мы с мальчиками все обсудим... Мне бы не хотелось решать одному.

Начальник лагеря явно обрадовался, что есть повод немного помедлить.

— Сейчас ужин, — сказал он. — Ну, на ужине им делать нечего в таком виде. Потом ночь... Знаете, Алексей Палыч, забирайте их до утра. Если они придут к завтраку, то будем считать, что вы согласны на героический вариант. Если не придут, пойдет вариант обычный. За вещами можно прийти в любое время.

— Мне бы не хотелось появляться с ними в Кулеминске в таком виде.

— Это уже проще, — сказал начальник лагеря. — В нашем душе их не отмыть — опыт есть. Я даю вам машину, и вы везете их в баню. Только не в Кулеминск, а на Старый Разъезд — так я вам советую. Впрочем, может быть, Куликов предпочтет, чтобы его отмывал отец?

— Предпочту, — угрюмо сказал Борис.

— Вот и прекрасно. Передавай ему привет, — начальник лагеря вышел за машиной. По пути он разогнал уже сильно поредевшую толпу болельщиков, пообещав им, что завтра они все узнают по трансляции.

— Вот так.., — сказал Алексей Палыч. — Как же ты, Боря, прозевал? Я тебя не упрекаю. Но ты видишь, как все сложилось.

— Девочки... Он от них совсем обалдел.

— В баню поедешь?

— Нет, все равно костюм не отстирать.

Возле канцелярии ребят уже не было. Лишь одинокая девочка в спортивном костюме маячила неподалеку. Она помахала рукой в сторону всех троих — Алексея Палыча, Бориса и Феликса, вышедших из канцелярии. Но подошел к ней один Феликс.

— Вас оставили? — спросила Тома.

— Оставят, если скажем, будто спасали туриста.

— Ну и скажите.

— Тома, -- сказал Феликс, — ты ведь не знаешь, мы никого не спасали.

— Ну и что? Соврешь чуть-чуть, зато останешься на целый месяц.

— Ты хочешь, чтобы я говорил неправду?

— Хочу.

— Ты шутишь? — спросил Феликс.

Тома нахмурилась.

— Если вас выгонят, мы больше не увидимся. Через месяц мы с Ирой уезжаем на соревнования в Москву. Потом вернемся в город... Ты что, ничего не понимаешь?

От канцелярии посигналила подъехавшая машина. Феликса позвали.

— Куда ты уезжаешь? — спросила Тома.

— В баню, — честно ответил Феликс.

Тома резко повернулась и, не оглядываясь, пошла к столовой. Она не знала, что в здешнем душе краска не отмывается и приняла слова Феликса за дурацкую и совершенно неуместную сейчас шутку.

Высадив Бориса неподалеку от дома, Алексей Палыч попросил шофера отвезти их с Феликсом на Старый Разъезд. Еще по дороге Алексей Палыч понял, как изменился и повзрослел Феликс. Он рассказал и про Вен-Вена, и про девочек, и про тренировки. Лишь когда Феликс пытался рассказать о путешествии к речке, учитель показал ему, что нужно молчать. Алексей Палыч еще не решил, как поступить, и боялся, что услышит шофер.

А шофер весело поглядывал через плечо. О причине синевы мальчика он догадывался, но ему непонятно было, почему мальчик называет учителя «Палыч» и на «ты».

В бане Алексей Палыч взял отдельный номер с ванной. Но и тут не удалось уклониться от любопытства дежурной. Она мельком глянула на Феликса и без труда поставила точный диагноз.

— Никак в Кулемку ввалился?

— Ввалился, — кратко ответил Алексей Палыч.

— Это, значит, сегодня у нас воскресенье... Ну, эту еще отмыть можно разов с пяти. Синяя, она еще ничего, сносная. Вот которые на неделе вваливаются, с теми хужей. Этих хоть в щелоке вари — не отмывается. Я тебе, хочешь, мыла дам? Такое у меня мыло есть — черное, оно для собак употребляется. Вот оно с трех разов отмывает.

— Буду очень благодарен, — сказал Алексей Палыч.

Дежурная оказалась права: после третьей перемены воды Феликс принял вполне сносный вид. Запарившийся Алексей Палыч ополоснул его, велел одеваться, а сам вышел на свежий воздух.

Становилось прохладно. Небеса над головой начинали синеть. Оценит ли кто-нибудь в этих небесах хлопоты Алексея Палыча, отплатит ли чем-то за это? Забегая вперед, автор должен сказать, что и оценят и отплатят. Но по своему, по небесному, разумению.

Возвращались в Кулеминск поздно вечером электричкой.

Выбора у Алексея Палыча не было, и он повел Феликса в тот же подвал.

Уже стемнело. В школьном дворе никого не

было. Отомкнув подвал, Алексей Палыч завел туда Феликса.

— Побудешь тут до утра?

— Хорошо, — согласился Феликс. — А утром мы пойдем в лагерь?

— Еще не знаю, — сказал Алексей Палыч. — Ничего я сейчас не знаю.

— Палыч, — сказал Феликс, — я и раньше догадывался... Немножко... Боре я не говорил. Но сегодня я уже точно понял — я не такой, как все ребята. Ты можешь мне сказать, кто я?

— Тебе? — Алексей Палыч задумался. — Тебе, наверное, можно, ты уже взрослый. Только я боюсь, что если тебе рассказать, то... тебе легче не станет. Может даже стать тяжелее.

— Я хочу знать правду, — сказал Феликс. — Я вижу — тебе тоже плохо. Я уже знаю, если нельзя сказать правду, всегда плохо. Но я не понимаю, как может стать плохо от правды.

— Бывает правда, которую лучше не знать, — сказал Алексей Палыч. — Ладно, завтра я попробую тебе объяснить. Хотя я и сам не знаю, что будет завтра.

— Завтра... — усмехнулся Феликс. — Мне все время говорят: «завтра», «потом», «после». Иди, Палыч, отдыхай. Свет я зажигать не буду: я знаю, что ты меня прячешь.

Алексей Палыч вернулся домой поздно. Его не спросили, где он был. Анна Максимовна промолчала: с некоторых пор она вообще старалась поменьше спрашивать.

Алексей Палыч поставил будильник на семь, но будильник ему не потребовался: всю ночь он ворочался, думал, но ничего не придумал.

Наступило утро самого тяжелого дня — понедельника.

ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ — ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Конец и начало

— Нет, ты мне скажи: зачем ты туда полез?

— Сначала ты скажи: зачем ты ее каждый день красишь?

— Это совершенно не твое дело.

— Если твое не мое, то и мое не твое.

— Пока что отец — я. Мое дело спрашивать, твое отвечать. Если ты мне все расскажешь по-честному, то я, может быть, тебя прощу.

— Меня не за что прощать. Это тебя надо прощать. Тебя уже много раз прощали, у нас в школе столько раз не прощают.

— Борька, как ты разговариваешь с отцом?

Но Борис сейчас не боялся ни бога, ни черта. Не боялся он и отца. Он-то знал, что правда на его стороне.

— Я с тобой нормально разговариваю. Если по-честному, то виноват ты.

— Хорошо, Боря, — сказал Арсений Петрович, — давай поговорим разумно. Мне мерзко на тебя смотреть, но я первый протягиваю тебе руку. Объясни, как это с тобой получилось? Наверное, нечаянно? Мы тебе поверим.

— Все равно меня выгонят из лагеря, — сказал Боря.

— Я этого не допущу!

— Они допустят, — сказал Борис. — Они тебя знают. Знаешь, что хуже всего в жизни? Хуже всего краснеть за своего отца.

Вот так, рикошетом, вернул Борис отцу его собственные слова.

— Он еще острит! Борька, я беру ремень!

— Может быть, его лучше отмыть, пока не закрыта баня? — спросила мама, которая отлично знала, что максимум, на что способен разгневанный Арсений Петрович, это раза три обежать вокруг стола.

— Проклятье! Я же не могу появиться с ним в нашей бане! Надо мной до конца жизни будут смеяться!

— Поезжайте на Старый Разъезд.

Так во второй раз за сегодняшний вечер появился в бане на Старом Разъезде синий мальчишка.

— Что-то сегодня много синеньких, — покачала головой дежурная, провожая отца и сына в отдельный кабинет с ванной. — Хоть бы сгорела она, эта фабрика. Ты бы, гражданин, не оставлял это дело, написал бы в газету, глядишь, и снимут директора. А новый призадумается...

Чувствуя на спине сверлящий взгляд сына, Арсений Петрович шмыгнул в ванную комнату. Он проделал это так быстро, что дежурная не успела предложить ему черного мыла.

Бориса пришлось отмывать в пяти водах.

Алексей Палыч проворочался всю ночь, так ничего и не придумав.

Встал он с тяжелой головой и от завтрака отказался. Его не спросили — почему. Его вообще мало о чем спрашивали в последние дни. Домашние видели, что он похудел, стал беспокойным. Но его не трогали и не расспрашивали, словно боялись узнать нечто ужасное. Анна Максимовна не говорила о домашних делах. Татьяна перестала делать замечания. Никто еще ничего не знал, но предчувствие какой-то беды висело в воздухе. Ощущение было такое, словно в доме была спрятана бомба с часовым механизмом — все слышали тиканье и все делали вид, будто ничего не случилось.

Но не случайно говорят: «Утро вечера мудренее». Едва Алексей Палыч вышел из дома, его осенило. Нужно увезти Феликса из Кулеминска! Увезти к кому-нибудь из друзей!

Друзей у Алексея Палыча накопилось довольно много. Правда, дружба была односторонняя и сезонная. С тех пор как Алексей Палыч обжился в Кулеминске, с той поры как умерли родители Анны Максимовны и у Мухиных образовался собственный дом, друзья по институту все чаще стали вспоминать Алексея Палыча.

Дружеские отношения вспыхивали каждый год с новой силой в начале июня и с такой же силой затухали в конце августа. Друзья наезжали поодиночке и семьями, ночевали в доме, раскидывали во дворе палатки, ходили за грибами, ягодами, рыбачили на дальних озерах, называли Алексея Палыча «стариной» и спрашивали, почему он не пишет диссертацию.

В конце августа друзья исчезали.

Конечно, Алексея Палыча приглашали вместе с женой в город, обещали билеты в театры и на концерты, грозились даже какими-то путевками в санаторий. Но Алексей Палыч по субботам был занят в школе, а на один день смысла не было ездить. Санаторий же для него вообще был понятием отвлеченным — нечто вроде Антарктиды или какого-нибудь нового африканского государства.

И вот нужда заставила Алексея Палыча вспомнить о друзьях. Удивляясь тому, как эта простая мысль не пришла к нему в голову раньше, он поспешил на почту.

Разменяв рубль на пятнадцатикопеечные монеты, Алексей Палыч оседлал автомат.

Еще не было восьми — все друзья оказались дома.

Первый очень обрадовался Алексею Палычу, но когда зашла речь о том, чтобы на десять дней приютить мальчика — очень послушного мальчика, — сказал, что, к великому сожалению, на днях, ну, буквально завтра, улетает в командировку.

Второй друг пришел в полный восторг, но тут же выяснилось, что у него в квартире идет ремонт. И надолго — ты же знаешь этих мастеров! — на все лето.

Третий друг — надо же такое совпадение — как раз сегодня уезжает в отпуск.

Затем друзья начали повторяться: отпуск, ремонт, командировка, ремонт, ремонт, отпуск, командировка.

На десятом друге обозначился некоторый сдвиг: десятый чужим голосом сообщил, что он умер этой зимой.

И только на одиннадцатом звонке, к концу второго рубля, Алексею Палычу повезло: Феликса согласился принять человек, который никогда не приезжал к Алексею Палычу и не обзывал его «стариной». Но когда-то они вместе были на практике, и у Алексея Палыча случайно сохранился его телефон.

Значительно повеселев, Алексей Палыч направился в школу. Он решил увезти Феликса сразу же после экзамена. О том, что будет спустя десять дней, он пока не загадывал. Там посмотрим, может, обойдется...

С задней стороны школы уже прогуливался Борис.

— Он там? — спросил Борис, кивая на дверь подвала.

— Конечно, — ответил Алексей Палыч. — Как у тебя?

— Пока никак, вчера я спать лег, а сегодня они на работу ушли, вечером будут разбираться. Алексей Палыч, я думал, думал... Жутко не хочется опять в лагерь. Будут нас там героями называть...

— А в лагерь и не надо. Я все устроил. Идем к Феликсу, я там расскажу.

Когда они вошли, Феликс стоял возле лабораторного стола. Вид у него был невеселый. Алексей Палыч подумал, что Феликсу тоже не хочется возвращаться в лагерь и поспешил его обрадовать.

— Феликс, в лагерь больше вы не пойдете.

— Вообще-то жалко, — вздохнул Феликс. — Мне там нравилось. Но теперь это уже неважно.

— Сегодня я отвезу тебя в город. Там ты поживешь с одним человеком всего десять дней. Он хороший человек, он сведет тебя в музей, в кино, вы сходите в детский парк, посмотрите аттракционы, покатаетесь на каруселях.

— А Боря?

— Боря пока останется здесь. У него сейчас, понимаешь, некоторые трудности... Но я уверен, что вы еще встретитесь.

— А я уверен, что нет, — сказал Феликс. — Боря, я тебе очень надоел?

— Вчера я на тебя здорово разозлился, — ответил Борис. — А сегодня встал — вроде ничего. Если бы ты не полез в речку, жили бы себе спокойно.

— Разве в лагере ты жил спокойно?

— Не очень, — признался Борис. — Но терпеть можно.

— И ты согласился бы терпеть еще?

— Ну... если нужно... не бросать же тебя одного.

— Одного... — задумчиво повторил Феликс. — Да, одному, наверное, трудно. Я продержался дольше всех. Наверное, потому, что был не один.

— Я тебя не понимаю, — сказал Алексей Палыч. — Что значит «продержался»?

— Меня отзывают, Алексей Палыч.

— Что значит «отзывают»? Феликс, ты подключился?

— Конечно, — сказал Феликс. — Я подключился, когда вы ушли. Я не хотел подключаться, но это от меня не зависит. Меня хотели отозвать сразу, но я еле упросил, чтобы мне разрешили с вами попрощаться. Я знал, что вы придете.

— А ты не мог попросить, чтобы тебя оставили?

— А зачем? — невесело усмехнулся Феликс. — Чтобы вам опять со мной мучиться? Вам-то от меня нет никакой пользы.

— А это уж не твое дело, — сказал Алексей Палыч. — Тем более теперь, когда все налаживается. И не все в нашем мире измеряется пользой.

— Я это знаю, — сказал Феликс. — У нас знают все, что со мной происходило, но они не ПОНИМАЮТ, почему вы со мной возились. Алексей Палыч и Боря, вы на меня не очень обижайтесь. Иначе я вести себя не мог. Я был

таким, каким вы меня видели, я ничего не делал нарочно. Если я причинял вам неприятности, то это не умышленно. Это вроде ваших детей. Они ведь тоже не сахар.

— Ну хоть на десять-то дней ты мог бы остаться, — сказал Алексей Палыч. — Я обо всем договорился.

— Не имею права. Они уже меня ждут. Им кажется, что они узнали что-то важное, но без меня им этого не понять.

— Феликс, а вы... они... какие они там? — спросил Борис.

Феликс улыбнулся.

— Не семиногие. Не пучеглазые. Не змееподобные. Не разумные насекомые. Не мыслящие растения. Не такие, каких выдумывают ваши фантасты. Мы очень похожи на вас. Но все остальное у нас сильно отличается, мы далеко ушли от вас в науке. Наши механизмы — вам даже не понять принцип их действия. Но, уйдя вперед, мы кое-что позабыли. Мы утратили какие-то важные свойства разума. Мы даже забыли, как они раньше назывались. Если говорить вашим языком, мы утратили какие-то человеческие качества. Вот мы их и разыскиваем на

— Ты никогда не вернешься? — спросил Борис.

других планетах. Наша техника это нам позволяет. Единственное, с чем нам еще не удалось справиться, это с пушком. Не получается, пятое солнце его забери!

Уже без улыбки Феликс протянул Алексею Палычу руку.

— Алексей Палыч, я еще раз прошу у вас прощения. Спасибо... Мне кажется, вы нам очень помогли. К сожалению, мы не можем вам прислать подарок, как это принято на Земле. Прислать не проблема, но вам ничего не подойдет из наших вещей.

— А вот сейчас ты уже говоришь глупости,—сказал Алексей Палыч.—У меня такое впечатление, что ты опять отключился.

— Я бы с удовольствием...—вздохнул Феликс.—Пускай бы меня навсегда отключили. Я бы остался. Но я на работе. Я себе не хозяин, как, например, и ваши космонавты. Да, чуть не забыл. Алексей Палыч, меня просили поблагодарить вас за то, что вы меня отмыли. У нас нет средств, чтобы смыть эту краску.

— Ага,—шутливо заметил Алексей Палыч.— Я же говорил, что вы не все знаете. Коечему можно и у нас поучиться.

— И еще одна просьба: можно мне оставить костюм?

— Разумеется, не отпускать же тебя голым в такую дорогу.

— Это мгновенно,— сказал Феликс.— Но им зачем-то нужен костюм.

Феликс протянул руку Борису.

— Ты никогда не вернешься?—спросил Борис.

— Нет, дважды не посылают—нужна свежая голова. Будь здоров, старик. Спасибо тебе за все. Ты прекрасно меня воспитывал. Желаю тебе много детей, когда ты вырастешь. Ты замечательно их воспитаешь.

— Ну уж нет, у меня детей не будет! Ни одного! Даже ни половинки! — Борис помолчал и сказал решительно: — А вот ты, Феликс, оставайся. Вернемся в лагерь... Я согласен— пускай нас обзывают героями. Мы еще успеем к завтраку.

Феликс снова вздохнул.

— Я же говорил: от меня уже ничего не зависит. Возвращайся один. Если увидишь Тому, передай ей...

И в это мгновение в комнате вспыхнул и погас голубой луч. Феликс исчез.

Алексей Палыч и Борис молча смотрели на то место, где только что стоял Феликс.

— Вот и все,—сказал Алексей Палыч.— Он уже дома. Ты знаешь, Боря, мне сейчас кажется, что мне снился долгий-долгий сон. Я даже забыл, с чего все началось.

— Вот с этого началось.— Борис взял в руки катушку и нашел перегоревший виток.—Вы тогда верно сказали—сгорел наружный виток.

— Ну и что из того, что наружный? При чем тут этот виток? И вообще... радиотелескопы... галактики... Мы-то с тобой тут при чем?

Алексей Палыч взял из рук Бориса катушку, повертел ее в руках, аккуратно поставил ее на стол. Они оба смотрели на эту катушку, потом взглянули друг на друга, и одна и та же мысль пришла к ним одновременно.

— Спаяй,—попросил Алексей Палыч.

— А ничего не будет,—сказал Борис.

— А ты спаяй...

Борис воткнул паяльник в розетку, подождал, пока он нагреется, разогнул перегоревший виток, соединил концы и ткнул в них паяльником. Затем обмотал место спайки изоляционной лентой.

— Включить?

Алексей Палыч кивнул.

— А ничего не будет,—повторил Борис и воткнул вилку от катушки в розетку.

И ничего не произошло.

— Выключай,— сказал Алексей Палыч. — Случайное совпадение... Мы с тобой действительно ни при чем. Пойдем. Мне пора на экзамен.

Борис выключил катушку. Алексей Палыч подошел к щитку и выключил общий рубильник.

— Я, Боря, зайду к вам сегодня. Если ты не возражаешь. Мне бы хотелось поговорить с твоими роди...

Тонкий голубой луч возник вдруг в лаборатории на мгновение. Он вспыхнул и исчез.

А рядом со столом, на том месте, где недавно стоял Феликс, возникла девочка в знакомом джинсовом костюме.

— Здравствуйте, Алексей Палыч! Здравствуй, Боря!—весело сказала девочка.—Вам привет от Феликса.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Городок Кулеминск на карте искать не стоит. Название города изменено: автор боится, что ученые разных стран бросятся на розыски Алексея Палыча и Бориса, а у них и без того забот, как видим, не убавилось.

Что произошло с девочкой, автор, разумеется, знает, но об этом будет рассказано в следующий раз.

Но вообще-то и так ясно, что за нами давно наблюдают, так что давайте вести себя по-человечески.

В заключение автор выражает благодарность Алексею Палычу Мухину и Борису Куликову, без которых эта повесть не была бы написана.

Привет всем от Феликса.

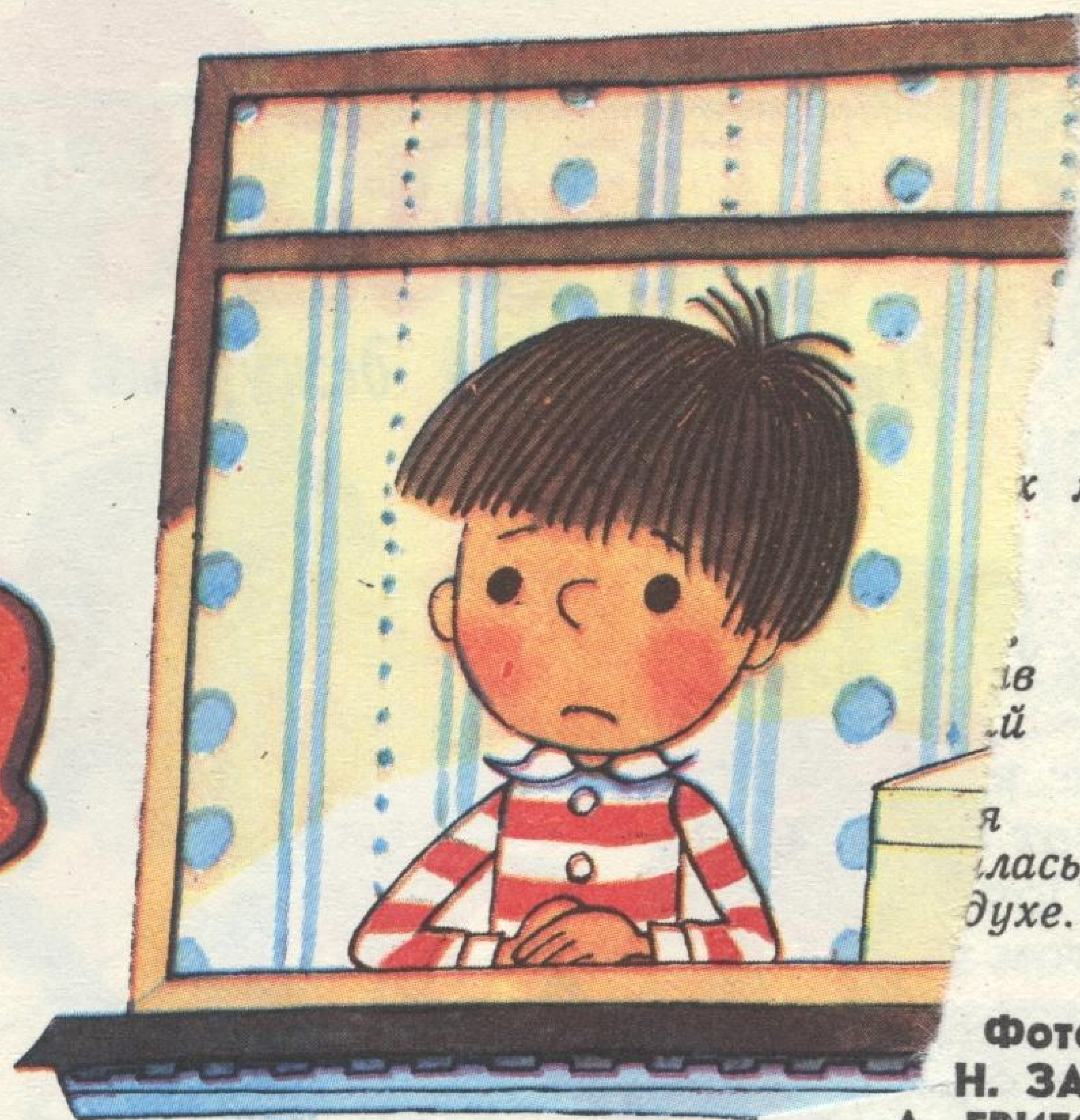
КОНЕЦ

Музыка Владимира ШАИНСКОГО,
заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Слова Аллы ЛАММ.

х молний.

в
й
я
лась
духе.

Фотографии
Н. ЗАЙКОВА,
А. ГРИГОРЬЕВА.

НУЖНА ТВОЯ ПОМОЩЬ

Что такое обычная молния?

Каждый из вас, наверное, ответит: электрический разряд большой силы в атмосфере.

А что такое шаровая молния? На этот вопрос и наука может пока ответить немного.

Что мы знаем сейчас о ней? Что это небольшой светящийся шар десяти — двадцати сантиметров в диаметре. Возникает она в том месте, куда ударила обычная молния, движется медленно, со скоростью одного-двух метров в секунду, «живет» от секунды до нескольких минут.

Шаровая молния залетает в открытые окна, форточки, дымоходы. Облетев помещение, чаще всего уходит тем же путем, что и вошла, или тихо гаснет, оставляя едкий запах.

Она далеко не всегда безобидна. Известны сотни случаев, когда шаровая молния вызывала пожары, убивала людей и животных электрическим разрядом.

Вот то немногое, что мы знаем сегодня об этом явлении природы. До сих пор в нем много непонятного.

Неясно, как шаровая молния образуется. Из чего состоит? Откуда черпает энергию? Почему в одних случаях вызывает пожары и смертельные ожоги у людей, а в других — проходит в десятке сантиметров от человека, и он даже не ощущает ее тепла?

Сведений о шаровой молнии чрезвычайно мало, и все они получены от очевидцев; ни разу еще не удалось создать шаровую молнию в лабораторных условиях.

Теперь тебе ясно, почему так важны для науки наблюдения очевидцев.

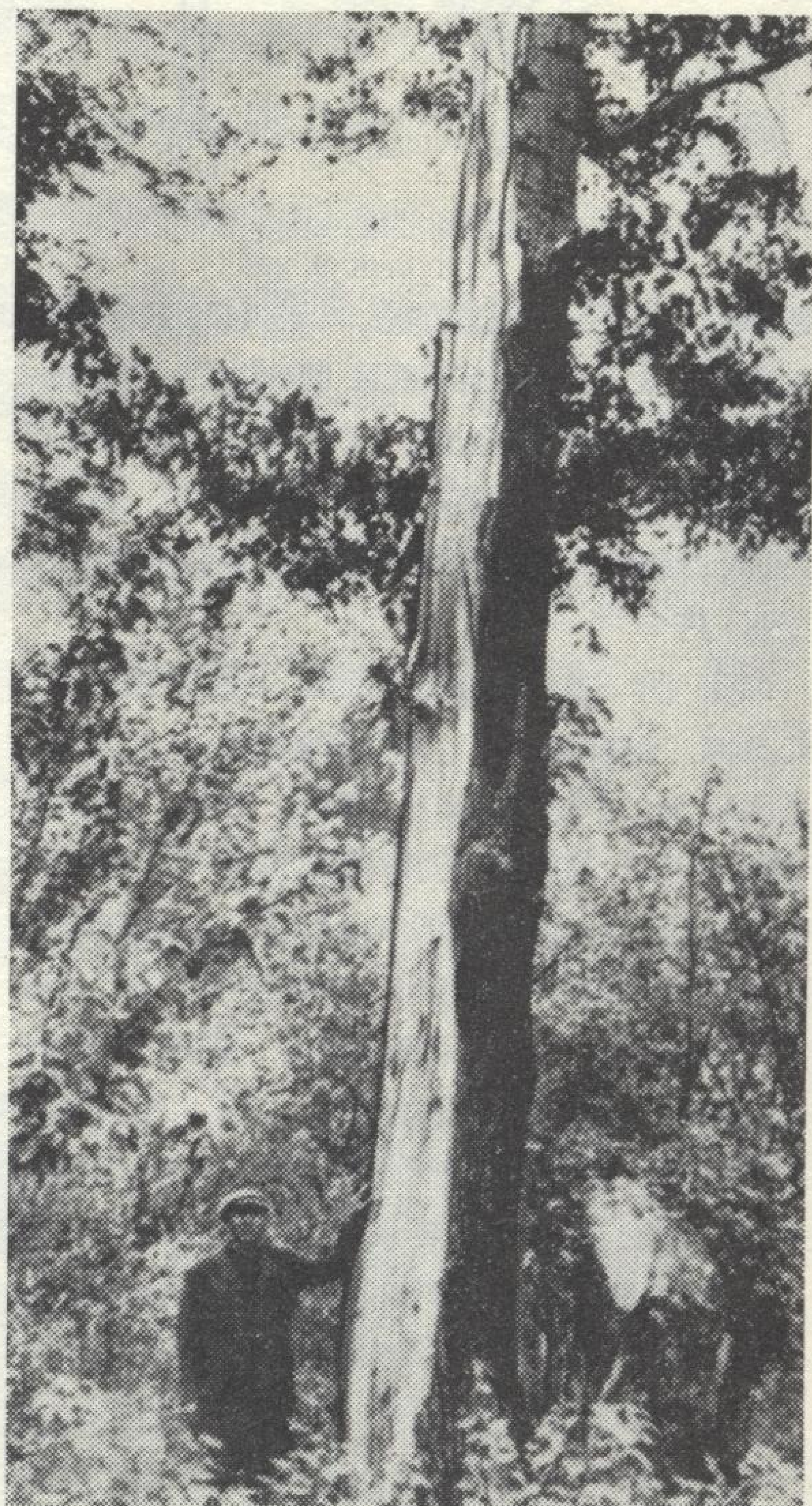
Подсчитано, что каждый шестнадцатый взрослый житель нашей страны хоть раз в жизни видел шаровую молнию. А тебе или твоим товарищам не довелось ее увидеть? Может быть, твои родители, бабушка с дедушкой или знакомые наблюдали молнию? Попроси их нам об этом написать.

Наш адрес: 150000, Ярославль, ул. Советская, 14, университет, кафедра общей физики. На конверте поставь буквы «Ш. М.»

В письме важно указать **место, время, дату наблюдения, погоду в этот момент, размер, форму, цвет, яркость, структуру молнии, как быстро она двигалась и сколько времени просуществовала.** Укажите в письме **возраст и профессию** человека, видевшего молнию.

М. ДМИТРИЕВ,
доктор химических наук,
А. ГРИГОРЬЕВ, кандидат физико-математических наук.

14 июня 1977 года в Оренбурге шаровая молния диаметром около полуметра взорвалась над тополем. Дерево расщепило взрывом и оторвало от него двухсоткилограммовый кусок.

Яр

В ЗД
ЗДОР

С

Я вот ч
та. И вот
сить. Поч
час летом в
свежие, з
просто при
реть. Бегаете. Прыгаете.
Плаваете. А вот когда к вам в школу глубокой осенью заглянешь, вы все та-

кие худенькие, бледненькие... Еле ножки передвигаете. Портфели сами у вас из рук вываливаются. Кусок мела втроем поднимаете. А?

И я догадался почему. Сам, между прочим, догадался. Потому что вы, как только переступаете в сентябре порог школы,— сразу забываете про спорт. И не следите за своим физическим развитием. И через месяц становитесь похожими на моль в обмороке.

А вот академик Иван Павлов, как бы он ни был занят, круглый год играл в городки. А Игорь Ильинский катался на коньках.

ползания, бросания не должны кончаться. Они должны плавно перейти в настоящий спорт. Только по-честному. А то я знаю некоторых. Купят себе кеды, ракетку теннисную на гвоздь повесят, клюшку хоккейную в угол поставят. А самих от телевизора и сдобных булочек не оттянешь. Кстати, умеренность в еде — залог будущих спортивных успехов.

Еще бывает так: с одного вида спорта на другой перепрыгивают. Вчера было модно подводным плаванием заниматься, так он с утра до ночи в ванной тренировался. Неделю никто помыться не мог. А сегодня модно записываться в секции каратэ, так он целый

холодный душ, а потом уже можно и в проруби купаться... Но ни в коем случае не наоборот. Если вы будете закаляться, никакие простуды вам не страшны. Хотя я прекрасно понимаю, что некоторые только о них и мечтают. Что может быть лучше справочки об остром респираторном заболевании перед не менее острой контрольной по алгебре?

Правда, в закаливании тоже перебарщивать не нужно. Можно так назакаливаться, что когда вы купите мороженое, оно не будет у вас внутри таять. Какой интерес тогда есть его?

В общем, начинайте. Пока солнышко поливает бронзовым загаром ваши плечи. Пока еще сохнут в классах выкрашенные парты. Начинайте! И не вздумайте бросать. Тем более что до Олимпиады еще есть время. Можно успеть.

А я с удовольствием загляну к вам осенью в спортзал, чтобы поболтать с вами... ногами на шведской стенке или попрыгать через «коня».

Ну и, конечно, не забывайте об учебе. Обидно, если кто-то из вас станет чемпионом, но не сумеет прочесть свою фамилию на световом табло.

Итак, внимание... Начинаем занятия с утренней гимнастики. Встали в исходное положение: туфли вместе — носки врозь!

Музыка Владимира ШАИНСКОГО,
заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Слова Аллы ЛАММ.

Пропала собака

Оживленно

Висит на заборе,
Колышется ветром,
Колышется ветром
Бумажный листок.
«Пропала собака,
Пропала собака,
Пропала собака
По кличке «Дружок». } 2 раза

Щенок белоснежный,
Лишь рыжие пятна,
Лишь рыжие пятна
И кисточкой хвост.
Он очень занятный,
Он очень занятный,
Совсем еще глупый,
Доверчивый пес. } 2 раза

А дождь забияка
Листочек закапал.
И буквы и строчки
Заплакали вдруг:
Найдите собаку,
Найдите собаку,
Вернись поскорее,
Мой маленький друг! } 2 раза

Рисунок А. ВАСИЛЬЕВА

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой

ПОНИ И ЯКИ

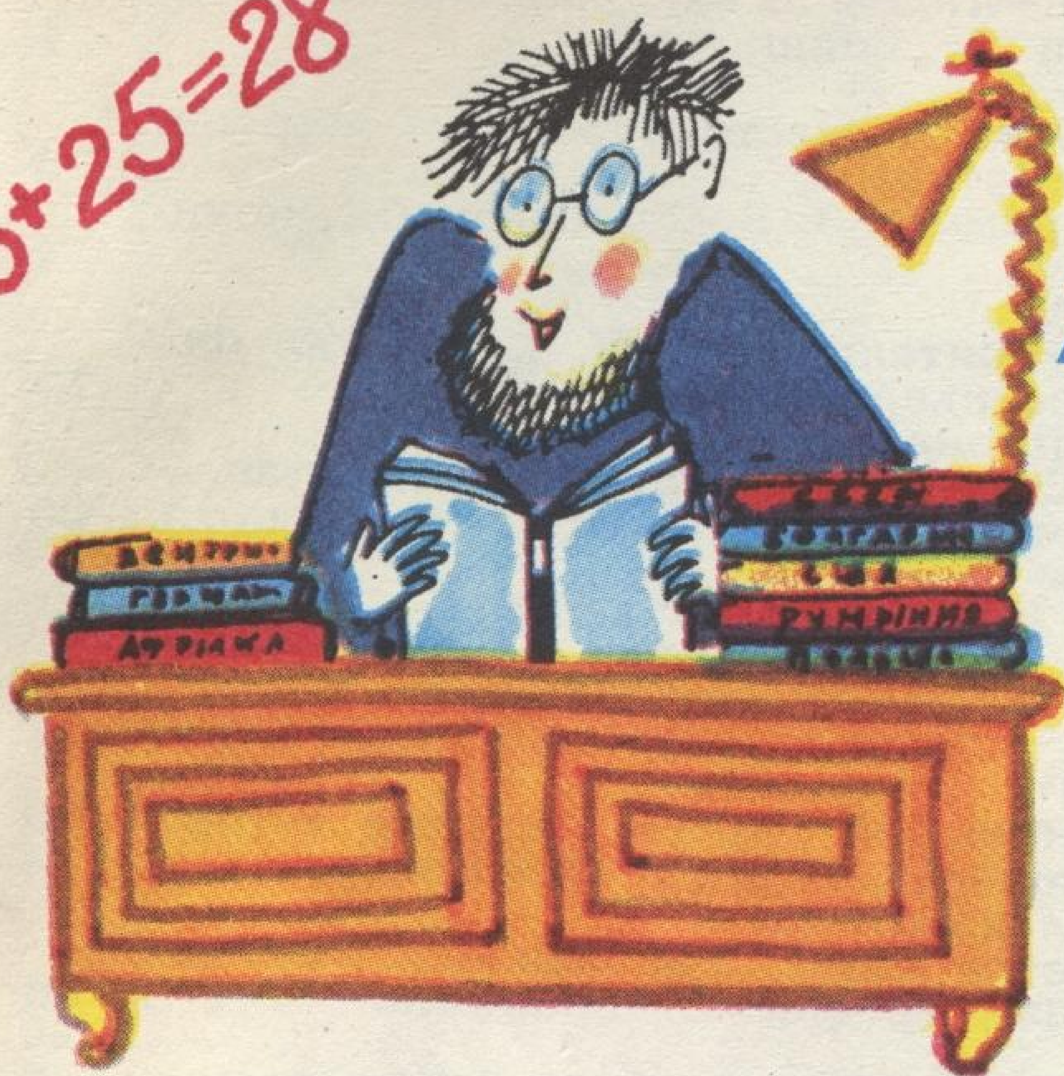
1	понедельник	7	пончик
2	зяблик	8	якорь
3	заповедник	9	плотник
4	дворняжка	10	клякса
5	подосиновик	11	проводник
6	ягненок	12	краковяк

Этот пони — день недели.
Этот як поёт на ели.
В этом пони бродят зубры,
Этот як оскалил зубы.
Этот пони в шляпе алой,
Этот як — малыш курчавый.
Этот пони — джем и тесто,
Этот як — корабль ни с места!
Этот пони — мастер ловкий,
Этот як — беда в диктовке!
Этот пони где? В вагоне.
Этот як... Ах, нет гармони,
На гармони я б играл,
Ты с друзьями танцевал!

Дед Буквоед.

ИГРЫ Лупы и Пинцета

ДРАГОЦЕННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

У одного филателиста была коллекция очень редких марок. Он так ими дорожил, что даже скрывал от всех, сколько всего у него марок. Только в письмах к своему лучшему другу он порой рассказывал свою тайну, правда, прибегая к шифру. «Сейчас у меня,— писал он однажды,— 16 + 25 = 28 марок». Вы можете подумать: «Да он совсем не умел считать!» Ошибаетесь, это зашифрованная запись! Каждая цифра в ней уменьшена или увеличена на единицу. Зная это, друг, поразмыслив, расшифровал эту запись так: 25 + 14 = 39.

В своем последнем письме коллекционер сообщил, что у него: $+\begin{array}{r}43\\57\\\hline 207\end{array}$ марок.

Как вы думаете, сколько марок в драгоценной коллекции?

Лупа и Пинцет.

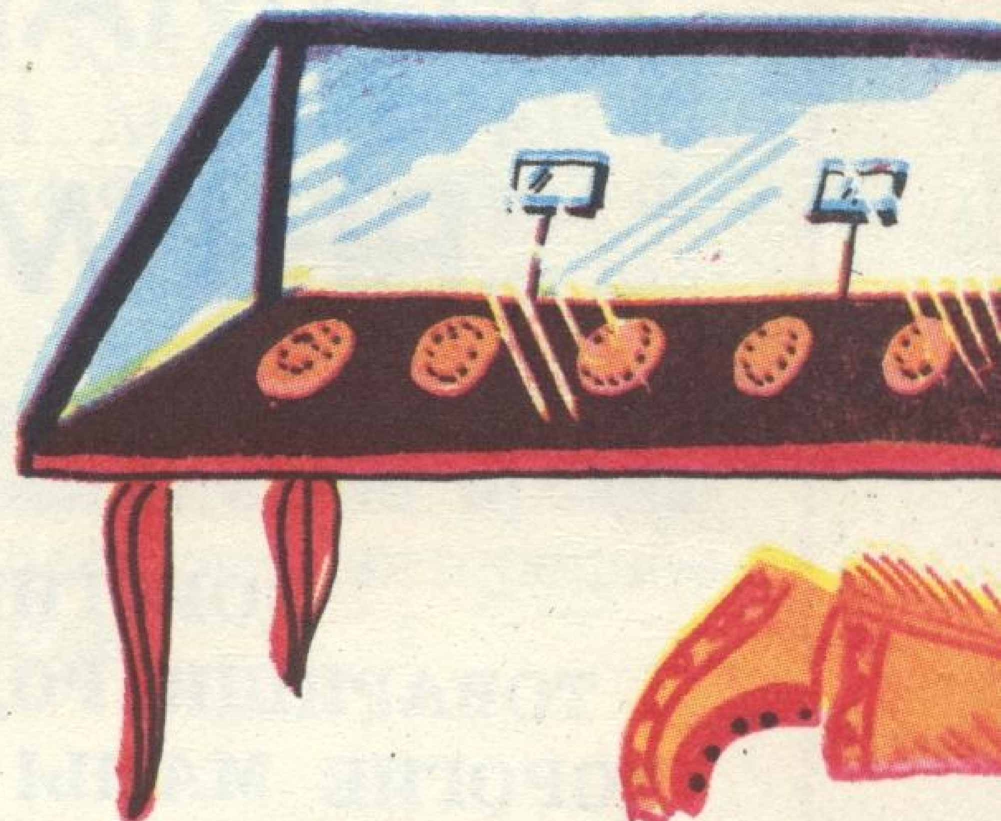
Пять лягушат: Аг, Ба, Ви, Гу
И желтоногий Дну
Соревновались на лугу
В прыжках с шестом... в длину!
Дну был ужасно огорчен:
Споткнулся на бегу!
И на нечетном месте он,
Сказать я вам могу.
Меж Ба и Аг разрыв велик,
В два раза больше, чем
Меж Ви и Гу... Гон-гон! Прыг-прыг!
Я предлагаю всем
Взять карандаш, бумаги лист,
Немного потрудиться!
Получше к данным присмотрись —
Составится таблица.
И присылай ее скорей,
Чтоб я проверил, чья точней.

Живживка.

Капитан Перо ищет помощника

Похищена гинея!

Кик, Ик, Лупон и Нор
Ходили по музею,
И кто-то — вот позор! —
С витрины взял гинею *.
Кик сразу заявил,
Что взял ее Лупон.
Ик не спеша сказал:
— А может быть, не он,
Лупон мне говорил,
Что Нор украл монету.
Лупон одно твердил:
— Лишь Кик мог сделать это.
А Нор в ответ ворчал:
— Уж я-то знаю кто,
Но этого я вам
Не выдам ни за что!
Все вновь перечитай,
Распутай все концы!
При этом твердо знай:
Лупон и Кик — лжецы!
И верить им нельзя,
В их каждом слове — ложь!
Ответов жду, друзья.
Подумаешь — найдешь!

Капитан Перо.

* Гинея — старинная английская золотая монета.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 7

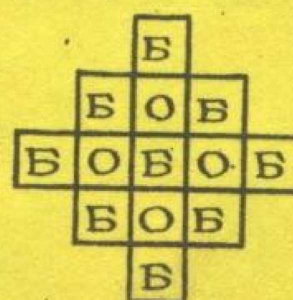
КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

На острове Бимбой — Ками из племени митики, Чучи — тимики, Ал — китами.

Кто первый, кто последний. Места распределились так: баран, коза, осел, жеребенок, козел.

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Не останься на бобах.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Взял ли мяч вратарь? Счет в матчах: Болгария — Венгрия 0 : 1; Болгария — Польша 3 : 3; Венгрия — Чехословакия 1 : 0. Венгерский вратарь не пропустил ни одного мяча.

ВНИМАНИЕ!
ВНИМАНИЕ!
ВНИМАНИЕ!

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ РОДИТЕЛИ, ДОРОГИЕ МАМЫ И ПАПЫ!

Каждый месяц почтальон приносит в вашу семью журнал «Пионер». Его читают в первую очередь, конечно, ребята и пишут в редакцию о только что прочитанной повести, стихах, о своих радостях и горестях, задают сотни вопросов, на которые отвечает «Пионер» или на своих страницах, или в письме вашему сыну или дочери.

Сегодня редакция «Пионера» обращается не к ребятам, а к вам, дорогие папы и мамы. Нам хочется узнать ваше мнение о журнале: как он помогает вашим детям в жизни, учебе, в пионерской работе, как определяет круг их чтения. Ваши добрые советы помогут редакции составить планы на будущий год, когда вся страна, все прогрессивное человечество будут отмечать знаменательный юбилей — 110-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина.

Редакции перед началом учебного года интересно узнать, как читают дети наш журнал, бывает ли так, что, собравшись вместе, вы читаете журнал вслух, обсуждаете с ребятами какие-либо публикации в «Пионере». Часто ли вашему сыну, вашей дочери приходится обращаться к вам, если они встретят на страницах журнала что-то непонятное, каких новых авторов вы хотели бы видеть в «Пионере».

Воспитание юных пионеров — наше общее дело. И редакция просит вас на какое-то время отложить в сторону свои дела, поговорить с ребятами, а потом в письме ответить на наши вопросы, высказать свои пожелания и предложения.

Адрес редакции вы найдете на этой же странице внизу. На конверте напишите: **«Родительский совет».**

«Пионер» ждет ваших писем, товарищи родители!

РЕДКОЛЛЕГИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 28.05.79.
Подписано к печати 28.06.79. А 01078. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 1768. Заказ № 727.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Молодец, Гарик!

Мы уже рассказывали о спортивных победах ученика 151-й школы города Баку **Гарика Каспарова.** В прошлом году Гарик завоевал звание мастера, затем отлично выступил в чемпионате страны.

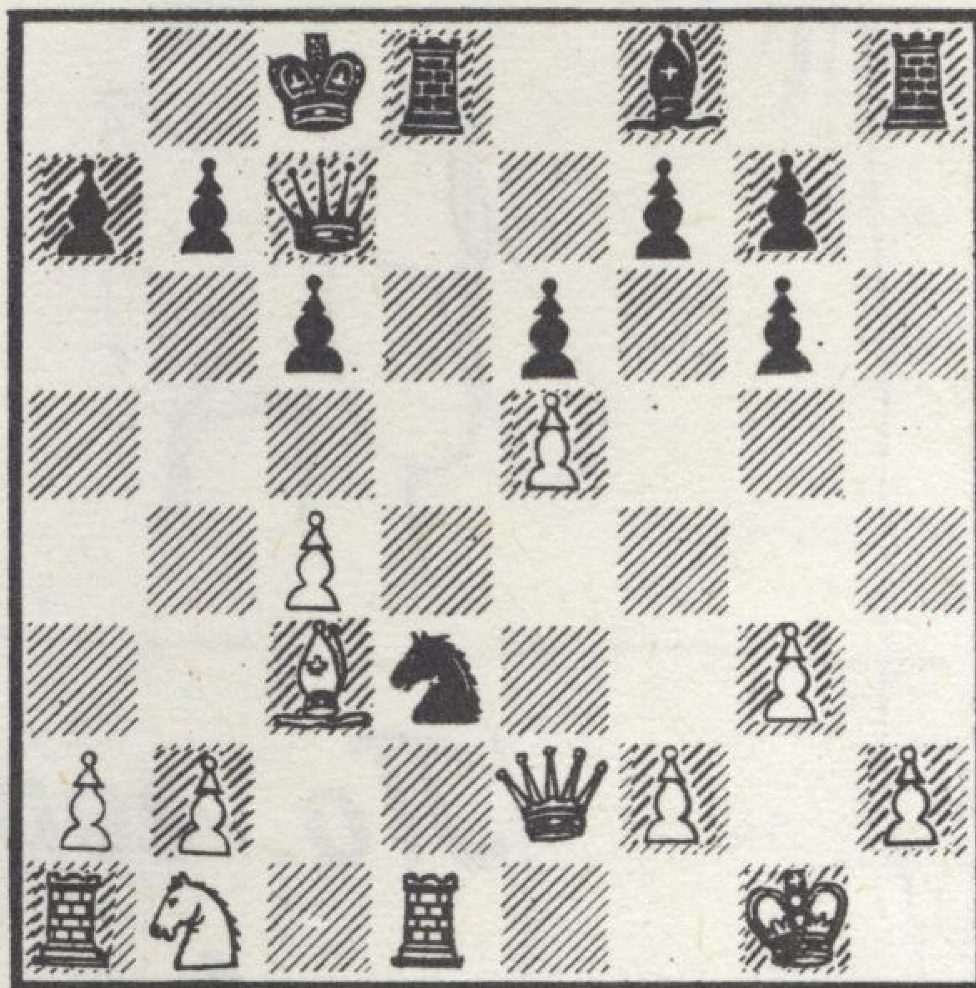
В апреле этого года Гарик стал победителем международного турнира в городе Баня-Лука (Югославия). Он намного опередил всех соперников, среди которых было 10 гроссмейстеров.

Вот что сказал известный голландский гроссмейстер Ян Тимман: «Гарик Каспаров — самый талантливый из всех молодых шахматистов. Он шахматист огромной силы, очень здорово играет».

Турнир в Ленинграде

Недавно в Ленинграде прошел турнир, на котором сражались двенадцать лучших юных кандидатов в мастера, сражались за право представлять нашу страну в чемпионате мира среди юношей до семнадцати лет.

Первое место завоевал таллинский школьник **Яан Эльвест.** Он набрал восемь с половиной очков из одиннадцати возможных. Вторым был ленинградец Валерий Салов (8 очков), третьим — Тахир Хасанов из Семипалатинска.

Эта позиция возникла в одной из партий турнира. Белыми играл **Александр Авшалумов** (Баку), черными — **Володя Сергеев** (Киев). Фигуры белых на ферзевом фланге не принимают участия в борьбе, и Володя использовал это. Неожиданно последовало:

17... Kd3 : f2! 18. Лd1 : d8+ Фс7 : d8 19. Фе2 : f2 Сf8—c5! 20. Фf2 : c5 Фd8 — d1+21. Крg1—g2 Фd1—e2 + 22. Крg2—g1 (если 22. Фf2, то 22... Л : h2+) 22... Фе2 : h2+ 23. Крg1—f1 Фh2—h1+24. Фс5—g1 Фh1—f3+ 25. Крf1—e1 Лh8—h1 26. Фg1 : h1 Фf3 : h1+ 27. Кре1—d2 Фh1—g2+ 28. Крd2—d3 Фg2 : g3+ 29. Крd3—c2.

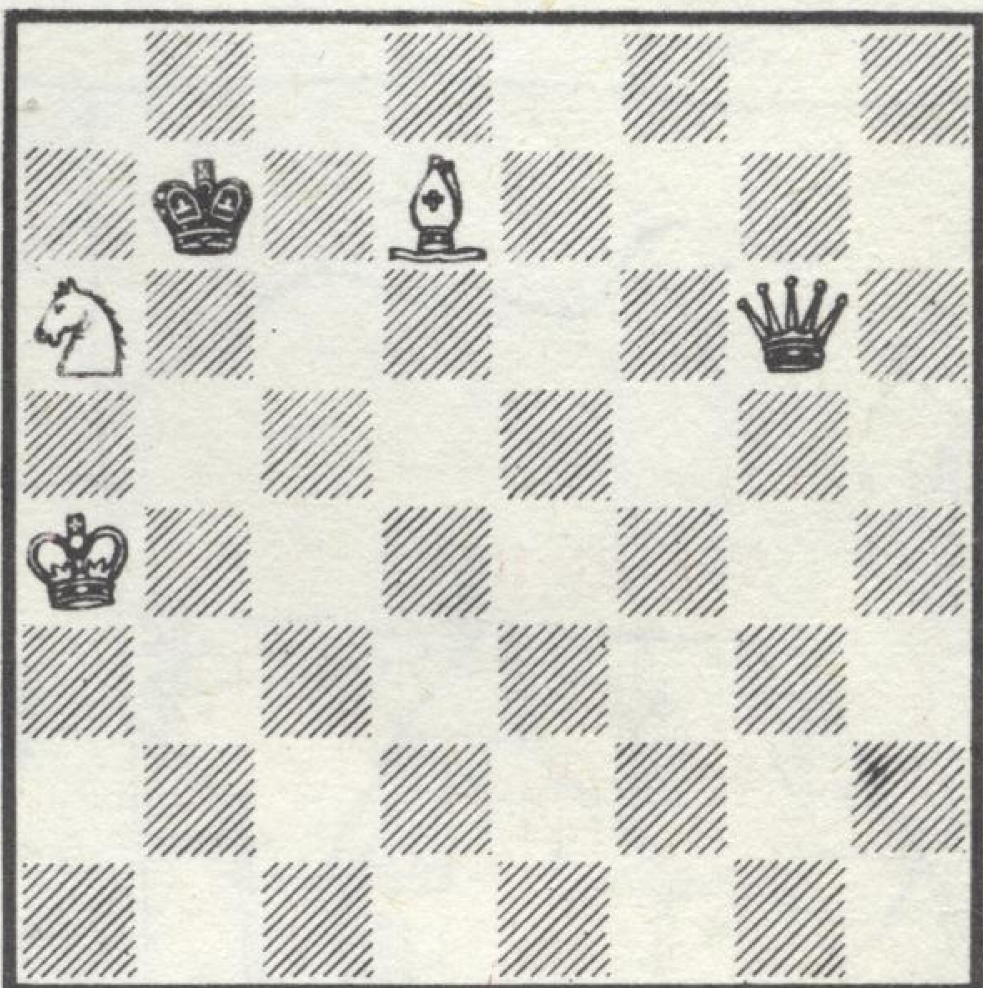
Материально силы сторон примерно равны, но белые ничего не могут противопоставить наступлению черных пешек на королевском фланге.

Партия закончилась так: 29... g5 30. Kd2 Фh2 31. Лf1 Фh7+ 32. Крb3 Фg6 33. c5 b5 34. cb ab 35. Kc4 Крс7 36. Kd6 f5 37. ef gf 38. Л : f6 Фd3 39. Ke8+Крd7 40. Лf8 Кре7 41. Лh8 g4 42. Kf6 e5! 43. K :g4 Фd1+44. Кра3 Ф : g4 45. С : e5 b5. Белые сдались.

Пешкин советует вам, ребята, внимательно проанализировать это интересное окончание.

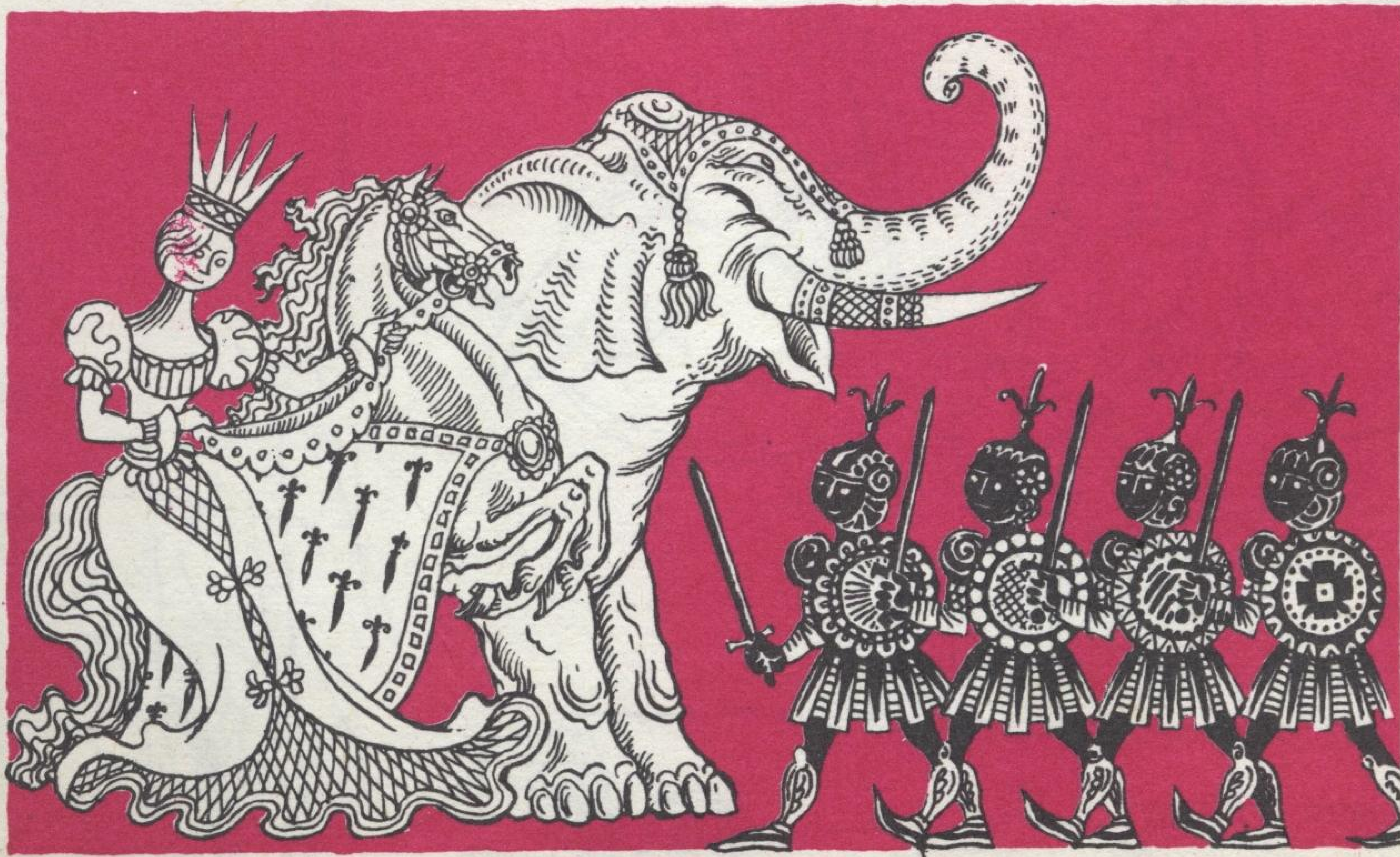
ПОПРОБУЙТЕ РЕШИТЬ

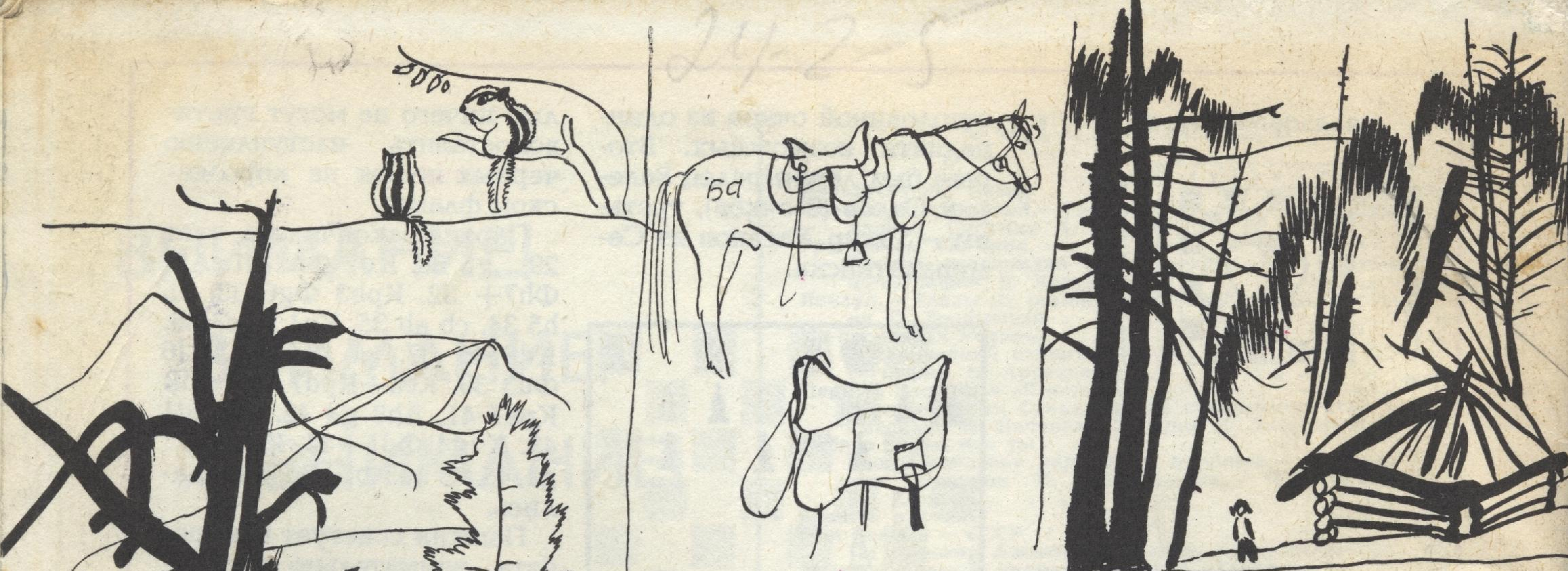
задачу, которую прислал ученик четвертого класса школы №3 города Севастополя **Игорь Кочешков.**

Начиная игру, белые дают мат в два хода.

Пешкин ждет ваших решений, ребята!

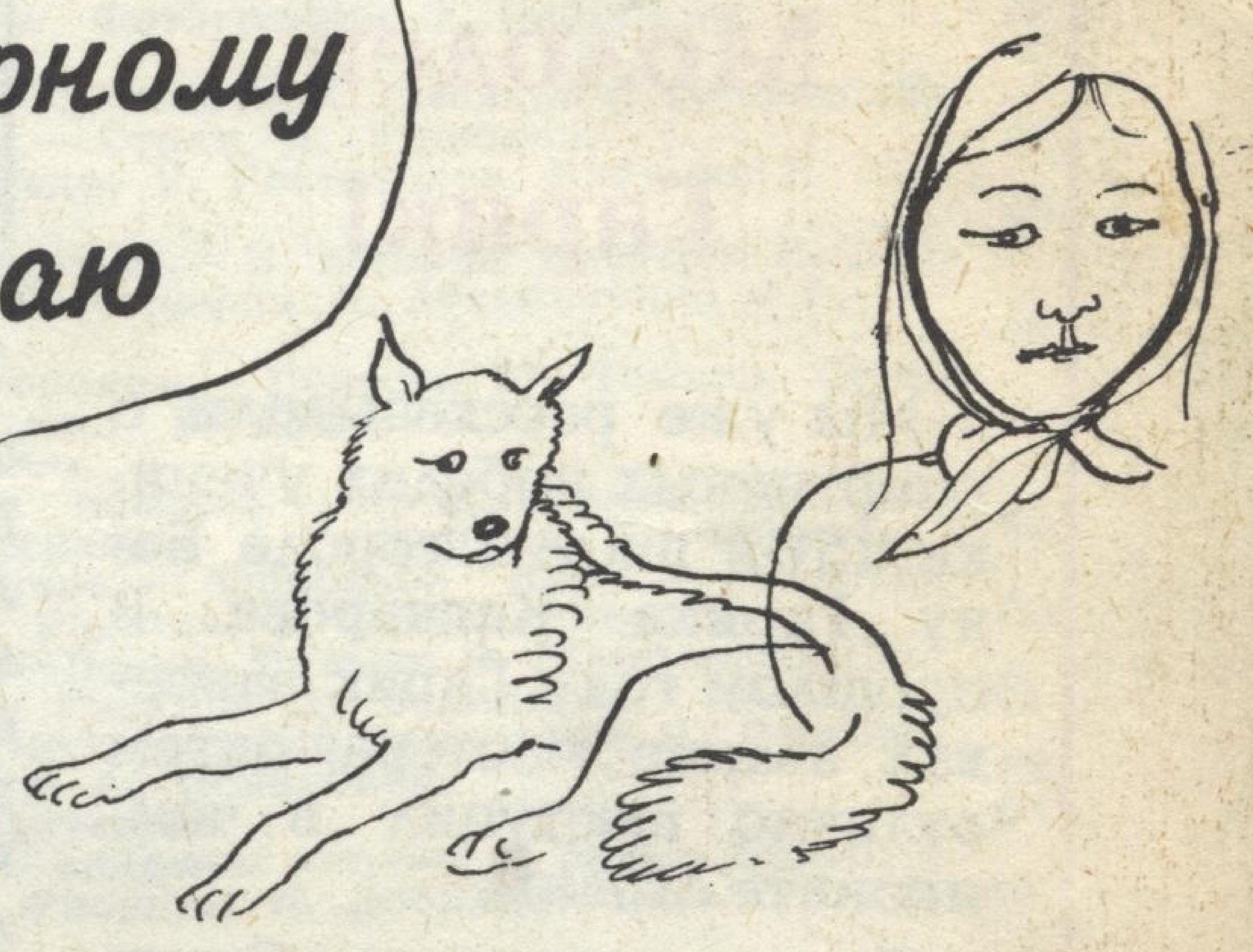

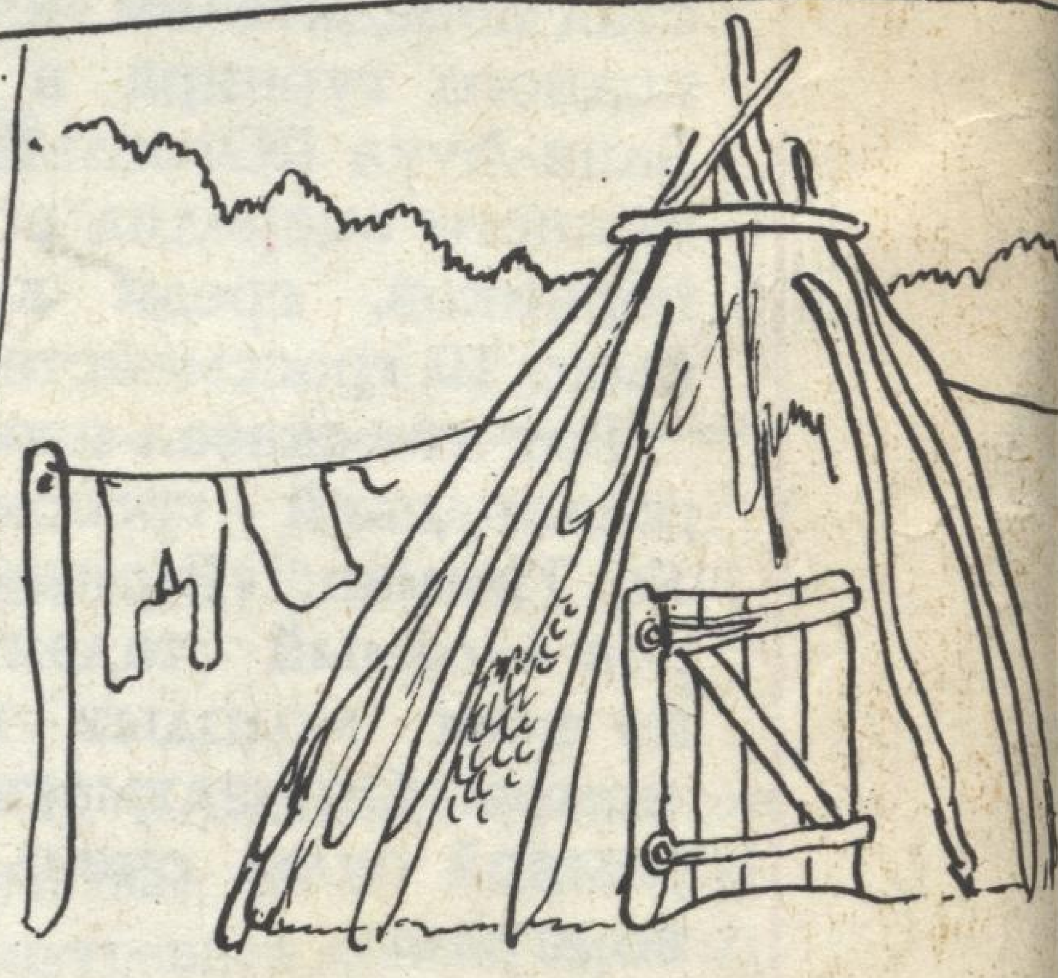

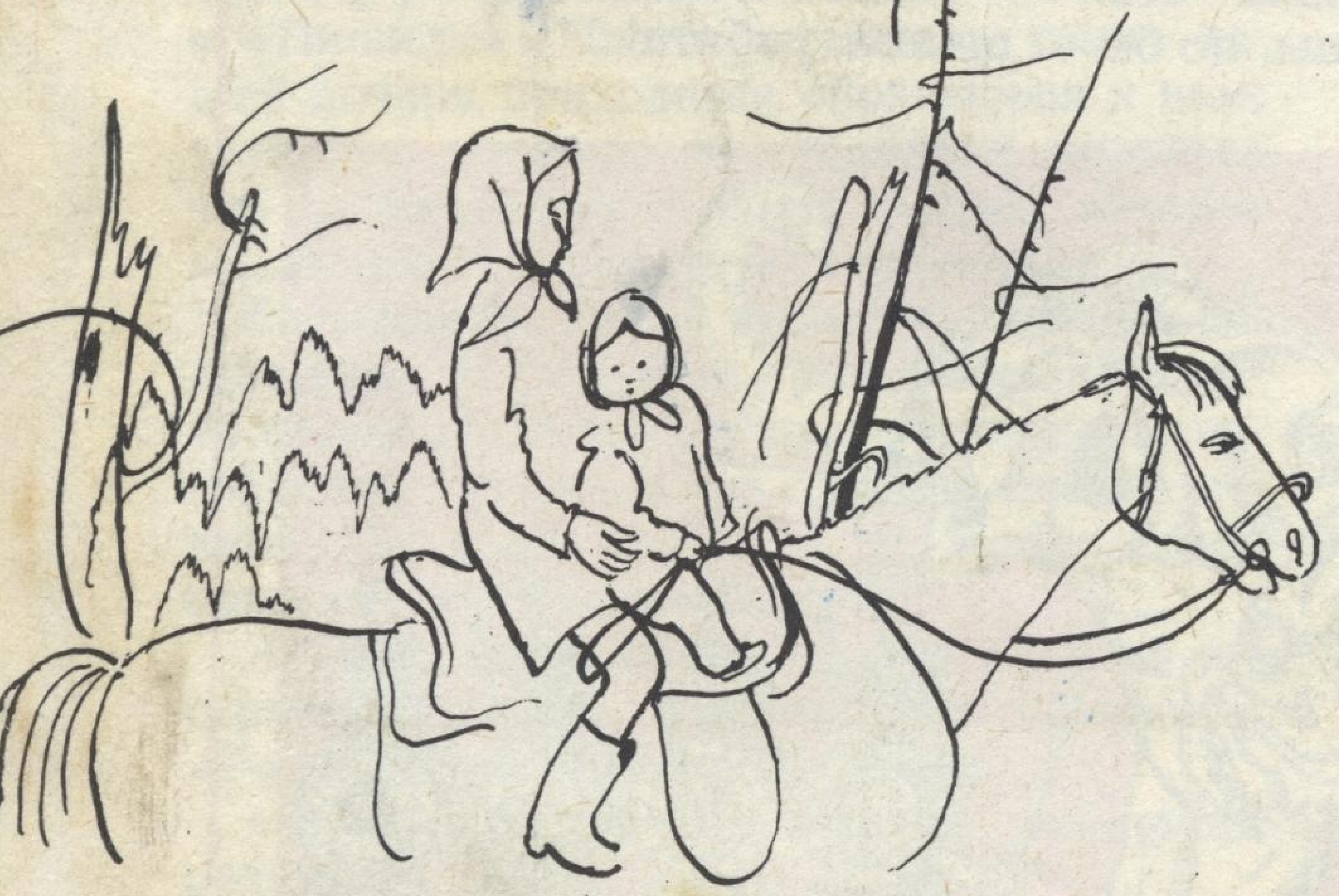
По горному Алтаю

Пасечник

Цена 25 коп.
Индекс 70694.

Коновязь